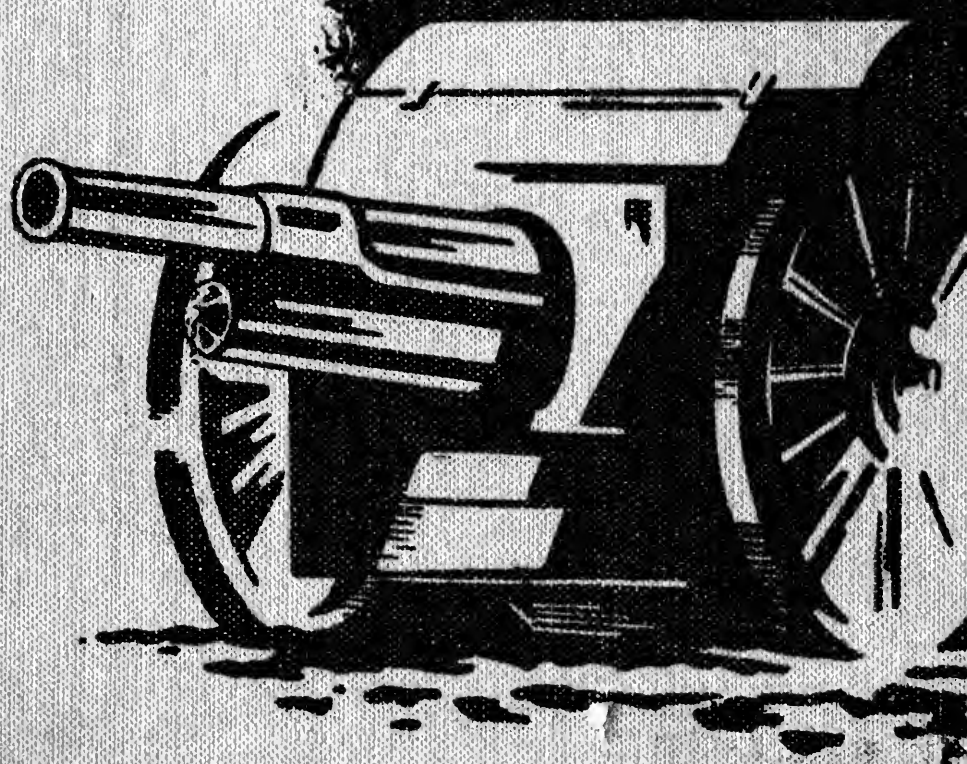

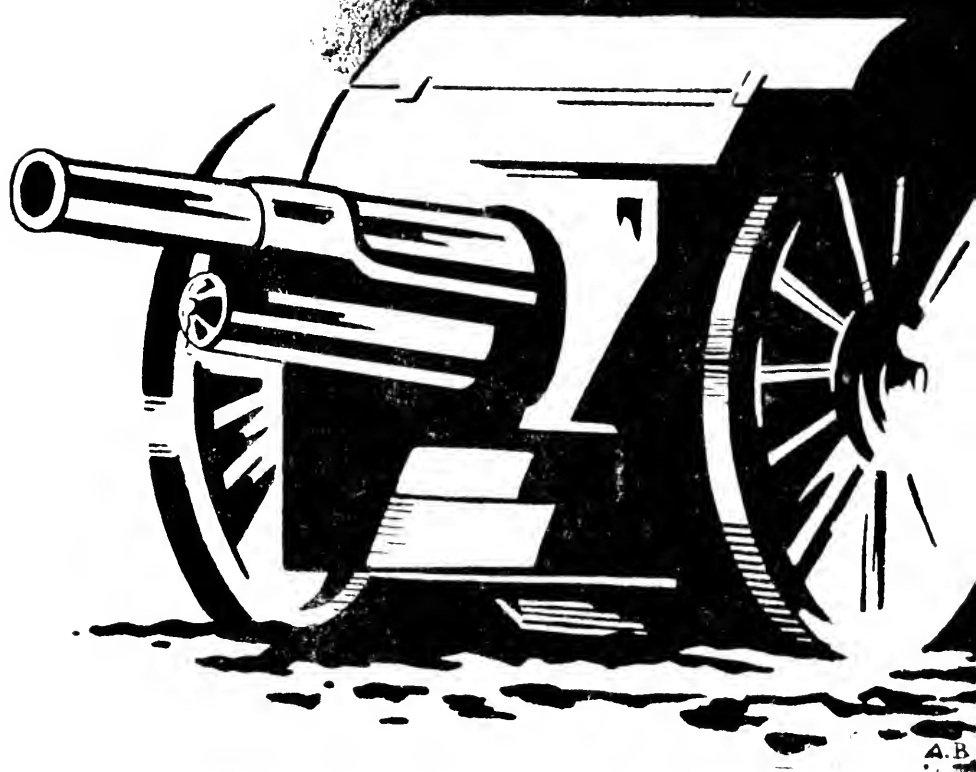
1938

6

БАТАЛОНЪТ

ПАРИЖЪ

A.B.

ПАРИЖЬ
1938

Б. В. ВЕВЕРНЪ

6^Я БАТАРЕЯ
1914-1917 г.г.

Повѣсть о времени великаго
служенія Родинѣ

Томъ II

ПАРИЖЪ
1938

Всѣ права сохранены за вдовой автора.

Tous droits réservés.

VI. Отступленіе по Галиціи

Наступило 23 апрѣля 1915 года.

Раннее утро въ горахъ. По низинамъ разлились густымъ бѣлымъ туманомъ, клубящіяся испаренія, которыя небольшими дымками поднимаются къверху и постепенно заволакиваютъ своею пеленою подножья горныхъ склоновъ.

Скалы блестятъ, сверкаютъ яркими, причудливыми красками подъ лучами ранняго солнца, которое свѣтлыми, горящими полосами льетъ съ высокаго неба на землю свое золото.

Да не можетъ быть, чтобы это только отъ солнца эти скалы получили такія чистыя, яркія краски: отъ изумительно синей, рѣзущей глаза своей синевой, до мягкой, ласкающей взоръ, нѣжно розовой.

Свѣжая, смытая обильной росой, зелень кустовъ ажурнымъ рельефомъ покрываетъ повсюду горные склоны. Воздухъ настолько чистъ и прозраченъ, что изломанныя, нагроможденныя другъ на друга, вершины горныхъ хребтовъ видны далеко, далеко, такъ ясно, что кажется, они тутъ, передъ нами, совѣмъ, совѣмъ близко.

Стоящія высоко въ горахъ, на широкой площадкѣ, орудія 6-й батареи тоже покрыты росой. Блестящіе листья кустовъ закрываютъ ихъ совершенно и,

шемуся со всеѣхъ сторонъ населенію. Идетъ полный разгромъ интендантскаго склада.

— Ну, что? — задають мнѣ вопросъ выбѣжавшіе мнѣ навстрѣчу мои офицеры.

Вмѣсто отвѣта я показываю имъ рукой на спускающуюся уже сверху, по крутой каменной тропинкѣ, горную батарею, стоявшую на позиціи выше насъ.

— Передки на батарею. . . Фронтъ нашъ прорванъ пѣхотцами. — повторяю я слова Командующаго бригадой.

— Гдѣ?

— А кто его знаетъ, гдѣ. Прорвали, и все. Приказано сѣбно отступать.

— В. В., смотрите, пожаръ.

Я поворачиваю голову, откуда-то снизу поднимаются клубы густого чернаго дыма.

— Эхъ, сколько крови пролито зря, — слышу я чей то голосъ въ то время, когда орудія берутся на передки.

На это замѣчаніе никто не отвѣтилъ: люди, пасмурно сосредоточенные, дѣлають свое дѣло.

Клубы дыма все увеличиваются, и, когда батарея спустившись съ длиннаго отлогаго откоса, дѣлаеть поворотъ, горящее строеніе все пѣбликомъ появляется передъ нашими взорами. Горитъ интендантскій складъ. Уничтожается оставляемое и перозданное, за недостаткомъ времени, имущество, что бы оно не досталось неприятелю.

Тутъ же уже стоять, собранные въ колонны, полки 44-й пѣхотной дивизіи съ мрачными, нахмуренными лицами офицеровъ и солдатъ.

Дрогнули колонны. Заколыхались штыки. Теплый весенній вѣтеръ треплетъ флажки ротныхъ значковъ. Колонны двинулись. Началось отступление.

— Надо накормить лошадей. Если мы дальше такъ пойдемъ, то лошади не выдержатъ. Гонять, гонять, не даютъ минуты отдыха, какъ будто бы непріятель виситъ у насъ на пяткахъ. Удивительно быстро наше начальство приходитъ въ паническое настроеніе. А посмотрите, какъ преть пѣхота: то жизнь проклянешь, когда приходится идти за нею, а сейчасъ ее не догонишь. Обѣдъ въ котлѣ переварился, разболтался, люди голодны, лошади и голодны, и измучены, не поены, чертъ знаетъ, что такое! Какъ хотите, а я сворачиваю въ сторону и буду кормить лошадей.

— И я тоже. Пусть спѣшитъ тотъ, у кого отъ страха Богъ разумъ отнялъ.

Этотъ разговоръ командира 5-й батареи со мною происходилъ къ концу перваго дня нашего отступленія. Съ утра мы шли усиленнымъ маршемъ, безъ отдыха, безъ пищи, въ жару, въ невѣроятной пыли. Шли, подгоняемые безпрестанными приказаніями начальства, не имѣя понятія объ истинномъ положеніи дѣла, не видя пока нигдѣ непріятеля, никакой реальной причины къ такому поспѣшному бѣгству.

Наши батареи свернули въ сторону на лужайку и остановились.

— Ъздовые слѣзай!

— Господа, вы съ ума сошли! Вы хотите быть отрѣзанными непріателемъ? Нельзя терять ни минуты, а вы тутъ располагаетесь, какъ у себя дома!

Негодующая фигура какого то генерала не могла найти словъ, что-бы выразить свое удивленіе нашему легкомыслию.

— Я приказываю вамъ немедленно продолжать движеніе.

Мы выполняемъ волю начальства и снова въѣзжаемъ въ общую колонну отступающихъ войскъ.

Вечерняя прохлада нѣсколько облегчаетъ наше

положеніе. Лошади понуро тянутъ орудія. ѣздовые дремлютъ въ сѣдлахъ.

Вскорѣ батарея выходитъ на большую дорогу и сразу попадаетъ въ хаосъ отступающихъ обозовъ, парковъ, орудій. Все это движется силою массою, въ нѣсколько рядовъ, толчками, сѣшившись колесами, постоянно останавливаясь. Крики, ругань, ссоры, истерическія выкрикиванія какихъ то скачущихъ всадниковъ, трескъ мотоциклетовъ и нѣтъ способовъ обратиться изъ этой каши, какъ нибудь объѣхать ее, вылѣзть на свободу.

Наша пѣхота давно уже покинула насъ, обойдя обочинами забитую живою пробкою дорогу и мы уже потеряли ее даже изъ вида.

Наступившая ночь измѣнила положеніе еще въ худшую сторону: движеніе еще замедлилось, крики и ругань усилились. Усталость и голодь все больше и больше даютъ себя чувствовать. Пользуясь минутными остановками, люди моментально засыпаютъ въ пыли, у колесъ своихъ орудій. Въ сѣдлахъ, уткнувшись головами въ шеи лошадей, снятъ ѣздовые. Одна, двѣ минуты сна и снова все вскакиваютъ и снова продолжаютъ этотъ кошмарный путь.

* * *

Вторья сутки безостановочнаго движенія. Страшно за лошадей: не вынесутъ.

— В. В., стаканчикъ горячаго чайку. — Ко мнѣ тянется рука солдата съ жестяной кружкой, наполненной дымящейся темной жидкостью, напоминающей своимъ цвѣтомъ скорѣе кофе, чѣмъ чай. Съ жадностью глотаю эту жидкость и мнѣ кажется, что никогда въ жизни я не пилъ ничего лучшаго.

Удивительно, какъ наши солдаты умѣютъ принаравливаться къ обстановкѣ:

На походѣ, во время движенія, вскипятить чайникъ, самому напиться и еще другихъ напоить.

—Сзади непріятельская кавалерія!

Все сразу потеряли голову от этих перепуганных торопливых возгласов, несущихся по колоннѣ. Суета, крики, ругань поднялись еще больше и если бы не то обстоятельство, что движеніе отступающей колонны шло сплошной массой, поднявшаяся паника надѣлала бы не мало бѣд и хлопотъ. Въ обозахъ многіе бросили свои повозки и лошадей и пустились впередъ бѣгомъ, почему-то на бѣгу срывая съ себя погоны.

Тревога, конечно, оказалась ложной, да иначе и быть не могло, такъ какъ отходъ колонны прикрывался нашей конницей, которую сгоряча и со страху и приняли за непріятельскую.

Дороги расходятся. Обозы направляются по одной дорогѣ, войско по другой. Движеніе стало свободнѣе, легче, прекратились шумъ и суматоха.

Я вижу, какъ идущія впереди 4 и 5 батареи сворачиваютъ съ дороги вправо, на лужайку, къ рѣчкѣ. 6-я батарея дѣлаетъ то-же самое. Будь, что будетъ. Надо накормить лошадей и дать имъ хоть часъ отдышаться, иначе лошади не выдержатъ и мы погибнемъ.

*
* *

Отдыхъ. . . Хотя и кратковременный, но все же, отдыхъ. Ноги какъ будто валиты свинцомъ, все тѣло ноетъ.

Какое рѣдкое громадное наслажденіе, послѣ такого похода, растянуться на разостланной шинели. Глаза смыкаются, безумно хочется спать и мы слѣдимъ другъ за другомъ, чтобы не заснуть.

Мимо отдыхающаго дивизиона, по шоссе, проходятъ войска: пѣхота, артиллерія, парки. Усталые измученные люди едутъ плетутся и смотрятъ съ завистью въ нашу сторону. Ихъ все меньше и меньше проходить мимо насъ, между отдѣльными частями интервалы все увеличиваются.

Дивизионъ выѣзжаетъ въ колонну и походъ про-

долгается. Дорога постепенно поднимается въ гору, усталыя лошади ложатся въ хомуты, пестромки натянуты, какъ струны.

— Артиллерія рысью! . . .

Это что еще за крики, идущіе сзади? Подскакиваетъ казакъ.

— В. В., генераль приказаль артиллеріи идти рысью.

— Это по какому еще случаю? Непріятель что ли насѣдаетъ? Что-то выстрѣловъ сзади не слышно.

— Не могу знать.

— Ладно, можешь ѣхать обратно.

Дивизионъ продолжаетъ движеніе, конечно, шагомъ. Пусть самъ генераль пріѣдетъ, тогда мы съ нимъ поговоримъ, какъ на измученныхъ лошадяхъ, въ гору, везти орудія рысью, да еще безъ крайней нужды. Но генераль не пріѣхаль и приказаній «рысью» больше не присылаль.

Вторая ночь на походѣ. Вижу и чувствую, какъ невыносимо тяжело людямъ, какъ мучаются несчастныя лошади. Выдержать ли, дотянуть ли до какого-нибудь бивака или своими трупами и брошенными орудіями и зарядными ящиками покроютъ путь нашего отступленія?

Тяжело физически, но еще тяжелѣе морально.

Ночь прошла. Свѣтаетъ. Постепенно обрисовываются силуэты бредущихъ повѣся головы лошадей, шатающихся, уставшихъ солдатъ. Солнечный свѣтъ ярко заливаешь дорогу, окрестныя горы, свѣжую растительность.

Впереди длинный и крутой подъемъ на значительную высоту, преграждающую нашъ путь. Съ волненіемъ смотрю на этотъ подъемъ, не оиъ ли положить начало гибели батарей?

Идущія впереди 4 и 5 батареи, у подножья вы-

соты, сворачиваютъ въ сторону и выстраиваются въ резервную колонну.

Понимаю: не рѣшились идти прямо, — боятся, что не справится съ этой задачей, рѣшили раньше отдохнуть и подкрѣпить силы. Напрасно: теперь еще возможно, что лошади вытянутъ, ну, а послѣ отдыха..

Ни слова никому не говоря, я направляю свою лошадь мимо 4 и 5 батарей, прямо на подъемъ. Недоумѣвающая батарея слѣдуетъ за мною.

Люди удивлены и разочарованы. Я не оборачиваюсь, но слышу сзади недовольные голоса. Ко мнѣ подскакиваетъ старшій офицеръ:

— Господинъ подполковникъ, у лошадей не хватаетъ силъ тянуть орудія и ящики, люди переутомлены.

— Извольте, поручикъ, стать на свое мѣсто.

Старшій офицеръ отъѣхалъ. Я оборачиваюсь на батарею, слышу, какъ хранятъ лошади, вижу, какъ ѣздовые усиленно работаютъ нагайками. Лошади выбиваются изъ послѣднихъ силъ, но батарея все же двигается впередъ. Упряжки боятся отстать другъ отъ друга, инстинктомъ чувствуютъ лошади, какъ это опасно.

Какая разница съ первымъ переходомъ батареи, когда-то у Ивангорода.

Подъемъ взятъ. Батарея на гребнѣ.

— Стройся влѣво! . . . Слѣзай! . . .

Около трехъ часовъ отдыхаетъ батарея на гребнѣ высокаго перевала. Горная рѣчка, водопадомъ спускающаяся внизъ, предлагаетъ свою прохладную влагу. Лошади распряжены и заведены въ тѣнь густыхъ зарослей. Люди пообѣдали и кинятъ свои чайники на потрескивающихъ кострахъ.

Прибыль развѣдчикъ отъ командующаго бригадой: дивизиону идти въ городъ Санокъ.

Опять батарея на походѣ, но теперь уже свободно катятся пушки все внизъ и внизъ. Къ полдню

6-я батарея расположилась по квартирамъ этого небольшого Галиційскаго городка.

Долго мы ждали подхода 4 и 5 батарей и только подь утро слѣдующаго дня прибыли эти батареи, но въ какомъ видѣ: растерзанныя, измученныя, онѣ совершенно не годились, въ данное время, къ какимъ бы то ни было военнымъ дѣйствіямъ.

*
* *
*

— Господа командиры, начальникъ штаба корпуса поручилъ мнѣ сообщить вамъ радостную вѣсть: наше отступленіе закончилось. Наше командованіе рѣшило удержать линію рѣки Сана въ своихъ рукахъ и даже, если представится возможность, наши войска перейдутъ въ наступленіе.

Поэтому приказано занять немедленно боевыя позиціи и, въ частности, 2-му дивизиону назначень районъ къ западу отъ города Санка. Немедленно рекогносцируйте позиціи и, съ Богомъ, занимайте ихъ. Подходъ непріятеля ожидается въ самомъ скоромъ времени.

Командующій бригадой всталъ и поклонился. Мы вышли.

Что за странная вещь? Безъ отдыха, безъ пищи катились такъ, что чуть не погибли отъ изнеможенія. Черезъ перевалы рысью гнали и, вдругъ, рѣшили отступленіе окончить, словно эти всѣ событія зависать только отъ личнаго усмотрѣнія нашего командованія. Занимаемъ позиціи, имѣя глубокую, въ настоящее время непроходимую въ бродъ, рѣчку. Сейчасъ же за своей спиной, вмѣсто того, чтобы воспользоваться ею, какъ прикрытіемъ фронта.

Странно, очень странно.

Позиціи мы заняли и, не видя нигдѣ непріятеля, простояли на нихъ цѣлыя сутки. Черезъ сутки же, къ вечеру, мы получили приказаніе выступить впередъ въ сторону непріятеля, къ деревнѣ Беско, въ районѣ

которой будетъ сосредоточенъ весь XXI корпусъ, для предстоящаго, на утро, нашего наступленія.

Въ этомъ приказаніи были такъ же указаны воинскія части, которыя будутъ дѣйствовать на флангахъ нашего корпуса. Видимо, дѣйствительно, мы прекращаемъ отступленіе.

Небо все покрыто тучами. Ни одной звѣздочки не видно на небѣ. Темно такъ, что еле различаешь силуэты лошадей, орудій и зарядныхъ ящиковъ, вытянувшихся вдоль дороги у указанной намъ деревни. Холодно. Такой пронизывающій холодъ, что всё мы дрожимъ мелкой дрожью. И уйти онъ него некуда, нечѣмъ согрѣться.

Вся батарея лежитъ въ придорожной канавѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, чтобы хотя немного, какъ нибудь прекратить эту дрожь.

Издали доносится глухой шумъ. Все ближе и ближе и, наконецъ, въ темнотѣ, вырисовывается какая то громадная масса, постепенно надвигающаяся на насъ. Мы разбираемъ уже ясно шумъ многихъ шаговъ, сдержанныхъ, глухихъ голосовъ и лязгъ штыковъ другъ о друга.

Это наши полки подходятъ къ сборному пункту въ ночь, передъ предстоящимъ на утро, боемъ. Для многихъ это послѣдняя ночь, непривѣтливая, темная, холодная.

Приказано, для предстоящаго наступленія, теперь же, ночью, рекогносцировать позиціи, впередъ черезъ два перевала.

Черезъ два перевала... Рекогносцировка ночью...

Какое то странное спѣшное наступленіе, по совершенно неизвѣстной мѣстности безъ обстоятельной развѣдки силъ и расположенія противника. Командиры 4 и 5 батарей уѣхали на рекогносцировку. Я не поѣхалъ. Я вышелъ за околицу деревни и сталъ вглядываться впередъ, въ почную тьму. Ничего не видно.

Съ разсвѣтомъ я поставилъ 6-ю батарею у самой деревни, на то мѣсто, гдѣ я былъ ночью.

4 и 5 батареи прошли мимо, впередъ. Наши полки прошли еще раньше.

Подѣхалъ командующій бригадой:

— Какъ?! 6-я батарея здѣсь стоитъ на позиціи? Почему не выполнено приказаніе выдвинуться впередъ черезъ два перевала?

— 6-й батареѣ тамъ дѣлать нечего, господниѣ полковникъ.

— Извольте немедленно выполнить данное вамъ приказаніе.

— Слушаю, господниѣ полковникъ.

Командующій бригадой уѣхалъ. Мы остались на мѣстѣ.

Телефонисты потянули проводъ къ покрытой густымъ лѣсомъ возвышенности, у подножья которой копошилась наша пѣхота. Это мой наблюдательный пунктъ. Тамъ впереди, въ складкахъ гористой мѣстности, прячутся пѣмцы. Они оканываются. Ихъ все больше и больше.

Шрапнель 6-й батареи свиститъ уже мимо пункта, бѣлымъ махровымъ облачкомъ красуется на фонѣ голубого неба.

Ободренные, отдохнувшія пѣхотныя пѣщи, одна за другой, быстро двигаются по широкой долинѣ навстрѣчу засверкавшимъ разрывамъ германскихъ снарядовъ. Пѣщи въ дыму. Неудержимымъ потокомъ, въ порывѣ, передъ которымъ исчезаетъ даже страхъ смерти, пѣщи какъ бы катятся по ровному полю, все дальше и дальше.

Я вижу, какъ волнуются пѣмцы, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, то одиночные люди, то группами. Дымъ нашихъ снарядовъ, временами совершенно закрываетъ ихъ.

Поютъ уже ружейныя пули. Съ рѣзкимъ сухимъ трескомъ лопаются германскія бризантныя бомбы.

своимъ чернымъ дымомъ расцвѣчивая общую пелену разрывовъ шрапнели.

Вонъ, вправо, бьетъ по нашей иѣхотѣ германская батарея. Она стоитъ почти открыто.

Ой, далеко! . .

Знають иѣмцы, что мы ихъ не можемъ достать нашими легкими пушками.

Еще немного и штыковой ударъ.

Но что это? Наша пѣхота остановилась, какое-то колебаніе а, затѣмъ, сразу вся, въ безпорядкѣ, бросилась назадъ.

Бѣгутъ мимо наблюдательнаго пункта.

— Что случилось? Въ чемъ дѣло?..

— Иѣмцы обошли съ фланговъ, заходятъ въ тылъ. Видимо, невидимо иѣмцевъ.

Справа сильный артиллерійскій огонь противника.

— Убирай телефонъ! . . Снимай пунктъ! . .

Я скачу къ батарее, мимо которой несутся обезумѣвшіе, потерявшіе человѣческой обликъ, люди. Часть изъ нихъ, способная еще кое-что соображать, при видѣ стоящихъ орудій, останавливается и группами, садясь на землю, окружаетъ батарею.

Несутъ раненыхъ и складываютъ тутъ же. Батареинный фельдшеръ Давыдовъ, съ помощью иѣсколькихъ солдатъ изъ орудійной прислуги, наспѣхъ, дѣлаетъ перевязки легко раненымъ.

Галопомъ выносятся на гребень послѣдняго перевала отдѣльныя упряжки 4 и 5 батарей и, въ то же время, тяжелыя германскія бомбы, съ изумительной точностью, бьютъ по этимъ упряжкамъ, которыя уже какой-то спутанной кучей, по инерціи, катятся внизъ. Внизу короткая остановка и упряжки вновь скачутъ оставляя на мѣстѣ неподвижныя тѣла лошадей и людей. Не останавливаясь, все онѣ спѣшно проносятся мимо 6-й батареи.

Германскій огонь все усиливается и переносится на большую дорогу, на которую, въ паникѣ, бросаютъ

ся всё: люди, какія-то повозки, патронныя двуколки, все попадаетъ подъ градъ рвущихся германскихъ снарядовъ и, цѣлыми кучами мертвыхъ и раненыхъ тѣль покрываетъ дорогу.

Я отвожу 6-ю батарею назадъ за небольшой пригорокъ и снимаю орудія съ передковъ. Орудія снова окружаются группами, вышедшихъ изъ боя, пѣхотныхъ офицеровъ и солдатъ, здоровыхъ и раненыхъ.

На носилкахъ несутъ тяжело раненыхъ. Это какія-то кровавыя мѣшки, съ которыхъ кровь стекаетъ струями. Здѣсь уже не слышно и стоновъ. Въ группахъ же у цушекъ стонуть сильно. Нѣкоторые плачутъ, другіе рыдаютъ.

Я подхожу къ рыдающему командиру батальона 175-го Батуринаскаго полка. Его поддерживаютъ подъ руки два солдата. Онъ весь перенакапанъ кровью, видимо раненъ, но это его мало заботитъ. Увидя меня, онъ, захлебываясь между рыданиями пытается объяснить мнѣ, что его батальонъ почти весь погибъ. Онъ былъ на самомъ правомъ флангѣ, пытался установить связь съ сосѣдней частью справа, но оказалось, что тамъ никого нѣтъ, никакихъ войскъ обѣщанныхъ въ приказѣ передъ боемъ. Его батальонъ отбилъ нѣсколько германскихъ атакъ, ему обѣщали подкрѣпленіе, но ничего не прислали, а онъ вѣдь ждалъ и вѣрилъ, пока отъ батальона не осталась лишь небольшая кучка людей.

— Эхъ! . . . Махнулъ онъ рукой и снова зарыдалъ.

Откуда-то, видимо изъ резерва, появился Сибирскій стрѣлковый полкъ. Плохо освѣдомленный о положеніи дѣла, этотъ полкъ выдвинулся прямо, въ плотной колоннѣ, на открытое поле и сразу попалъ подъ огонь германской тяжелой артиллеріи.

Первая бомба взрыла землю слѣва отъ колонны. Полкъ шарахнулся вправо. Вторая ударила прямо въ середину полка. Полкъ брызнулъ во все стороны, поднялась паника, сразу удвоившая и безъ того происходящій хаосъ.

Группа какихъ-то казаковъ карьеромъ пролетѣла черезъ батарею:

— Спасайся кто можетъ!

Въ одинъ мигъ передки 6-й батареи очутились на батарее, безъ всякаго приказанія.

Я, какъ сумашедшій, скатился съ пригорка, на которомъ установилъ временный наблюдательный пунктъ.

— Стой! . .

Мысль, что моя батарея сейчасъ же подвергнется въ паникѣ, общей участи и вылетитъ на дорогу, прямо подъ ураганный огонь тяжелыхъ германскихъ снарядовъ, привела меня въ ужасъ.

— Кто приказалъ подать передки?

На батарее мрачное молчаніе. Изругавъ батарею всѣмъ запасомъ имѣвшихся у меня русскихъ ругательствъ, я заставилъ передки шагомъ отойти на свое мѣсто. Послѣ этого я снова вернулся на покинутый мною пригорокъ и сталъ наблюдать движеніе непріятеля, который свернувшись въ колонны, медленно подвигался впередъ.

Мимо меня проскакалъ въ экипажѣ начальникъ 44-й пѣхотной дивизіи генералъ С.

— Откройте огонь! . . Скорѣе откройте огонь!

Эта самая мысль, въ этотъ моментъ, не давала покоя мнѣ самому. Густыя колонны наступающей германской пѣхоты, въ громадномъ количествѣ покрывали все поле. Какъ не соблазниться подобной рѣдкой цѣлью? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, другая противоположная, мысль сильно охладила мой порывъ: германская артиллерія въ мигъ смететъ батарею, — слишкомъ ясно ея положеніе за единственнымъ небольшимъ пригоркомъ, посреди ровнаго поля. Слишкомъ велика жертва для настоящаго момента: бой проигранъ, дѣла же не поправить.

Артиллерійскій огонь противника сталъ замѣтно ослабѣвать и постепенно совершенно прекратился.

Впереди все затихло и только германскія колонны все ближе и ближе продвигаются къ позиціи, занятой 6-й батареей. Вотъ онѣ уже совѣмъ близко: насъ раздѣляетъ разстояніе не больше 1-й версты.

Нагрузивъ передки и зарядные ящики ранеными пѣхотинцами, прикрываясь бугромъ, за которымъ только что стояли орудія, 6-я батарея тихо, шагомъ, двинулась назадъ, въ направленіи отступающихъ нашихъ войскъ и ушла съ этого кроваваго поля спокойно, безъ едишаго выстрѣла со стороны непріятеля.

Пройдя версты 3—4, мы проѣхали черезъ нашу лежащую пѣхотную цѣпь, прикрывающую общее отступленіе разбитаго корпуса.

Въ это время голову мою настойчиво безпокоила мысль: для чего было продѣлано это наше, казалось нелѣпное, наступленіе? Вѣдь были же какія нибудь причины?

Пройдя городъ Санокъ, 6-я батарея вступила на минированный, подготовленный къ взрыву мостъ.

— Скорѣе проходите, сейчасъ будемъ взрывать, — кричали намъ наши саперы, и, дѣйствительно, вскорѣ мы услышали звукъ сильнаго взрыва.

Впослѣдствіи оказалось, что мостъ былъ взорванъ слишкомъ рано: я слышалъ, что на томъ берегу Сана оказался отрѣзаннымъ нашъ 45-й Сибирскій стрѣлковый полкъ, который подъ огнемъ насѣдавшихъ германцевъ, принужденъ былъ кинуться въ воду и вплавь перейти рѣку Санъ. Говорили, что полку эта переправа стоила очень дорого.

Опять спѣшное, утомительное, голодное отступленіе.

Мы отходимъ къ крѣпости Перемышль и проходимъ по давно знакомымъ мѣстамъ. Всѣ мысли сосредотачиваются на мѣстечкѣ Бирча, гдѣ намъ будетъ

данъ отдыхъ. Мы подходимъ туда къ вечеру; квартиры уже высланы впередъ, и наше настроеніе поднимается.

Вотъ и Бирча. Знакомыя строенія, знакомыя дороги, высоты.

4 и 5 батареи уже распряжены. Въ садахъ разставлены палатки, люди сидятъ у костровъ и пьютъ чай. Для 6-й батареи тоже оставлено мѣсто.

— Батарея въ резервную колонну! . . Выпрягай!..

Я обхожу, осматриваю лошадей, шучу съ людьми. Всѣ веселы, суетятся, работа по установкѣ бивака кипитъ.

— В. В., командующій бригадой требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. — докладываетъ мнѣ прибывшій развѣдчикъ.

— Я долженъ васъ огорчить, но ничего не могу сдѣлать, таково приказаніе начальства. Начальникъ дивизіи приказалъ вамъ немедленно запретъ батарею, и, какъ можно скорѣе, слѣдовать къ деревнѣ Н., у которой ожидается переправа черезъ Санъ кавалеріи противника. Батальону пѣхоты уже отдано приказаніе. Онъ уже грузится на повозки и отправляется туда же. Необходимо во что бы то ни стало предупредить переправу непріятели въ этомъ мѣстѣ.

— Слушаю, господинъ полковникъ.

Темная ночь окутала усталую, голодную, движущуюся по узкому крѣпостному шоссе батарею.

Скрипятъ колеса по каменистому грунту, звенитъ металлъ орудій. Батарея двигается въ полномъ безмолвіи раздосадованныхъ, огорченныхъ людей: даже посты не успѣли, не то чтобы отдохнуть.

Вотъ и деревня Н.: темными пятнами своихъ построекъ выступаетъ она изъ ночного мрака. Ни огня въ избахъ, ни лай собакъ, никакого шума или шороха, характеризующаго, хотя бы и сонное, но живое селеніе.

Стало какъ то жутко, не по себѣ. Не доѣзжая до

деревни саженей двадцать, я остановилъ батарею. Начинаемъ приелушиваться: какъ будто слышится конскій топоть.

Подноручникъ Т. М. Галушукъ, съ двумя развѣдчиками, отиравается въ сторону не вопли еще ясныхъ звуковъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается.

— Это казачій разъѣздъ: онъ идетъ сюда.

Изъ мрака вырисовываются всадники. — Уссурийскіе казаки.

— В. В., — въ полголоса докладываетъ мнѣ урядникъ, дальній конецъ деревни уже занятъ германской кавалеріей. Уходите отсюда скорѣе: скоро они будутъ здѣсь.

— А наша пѣхота, на повозкахъ?

Никакой пѣхоты нѣтъ. В. В., деревня пуста, даже жителей нѣтъ.

Счастье, что телефонныя двуколки идутъ сзади. Послѣ случая въ Карнатахъ у деревни Старковцы, я принялъ, какъ правило, что на походѣ, въ сторону непріятеля всегда должно быть обращено орудіе.

— Первое орудіе съ передка! . . . Трубка на картечь! . . .*)

Какъ повернуть батарею? Шоссе слишкомъ узко, ночь темная, зажигать огней нельзя. Въ полголоса отдаю приказанія.

— Орудія и ящики съ передковъ, батарея налѣво кругомъ!

Съ большимъ трудомъ удается повернуть даже одни передки безъ орудій и безъ ящиковъ: передки скатываются въ придорожныя, глубокія канавы, лошади остунаются.

* Трубка на картечь ставится въ моменты крайней опасности, въ моменты, когда непріятель появляется въ непосредственной близости.

Первое, сторожевое, орудіе стоитъ на мѣстѣ, готовое каждую минуту открыть огонь.

Батарея повернута, орудія и ящики надѣты на передки и батарея тихо двигается обратно, сначала шагомъ, а затѣмъ полной рысью. Не доѣзжая селенія Бирча, насъ встрѣчаетъ развѣдчикъ съ пакетомъ:

— Задача, данная батарее, отмѣняется ввиду уже совершившейся переправы противника. Батарея отойти за селеніе Бирча и занять позицію на подступахъ къ крѣпости Перемышль, для отраженія противника, въ случаѣ его наступленія.

Бирча занята только, оставленнымъ для этой цѣли, баталіономъ пѣхоты. Всѣ войска и обозы уже отошли къ Перемышлю.

Подъ утро 6-я батарея снимается съ передковъ на одной изъ высотъ между Бирчей и Перемышлемъ.

* * *

Мы лежимъ на мягкой, отливающей изумрудомъ, травкѣ и смотримъ на разстилающуюся передъ нами панораму:

Тамъ внизу совершенно мертвая Бирча раскинулась по обѣимъ сторонамъ сверкающаго каменистаго шоссе и только иногда замѣчаемъ своихъ пѣхотныхъ солдатъ, мелькающихъ кое-гдѣ между постройками. Шоссе, широкой лентой, тянется прямо отъ насъ вдаль, до самаго горизонта, въ ту сторону, откуда мы сами недавно пришли сюда. На немъ нѣтъ никакого движенія, оно тоже замерло.

Очень хочется ѣсть. Развѣдчикъ Голицынъ добылъ гдѣ-то нѣсколько яицъ и сварилъ ихъ въ котелкѣ, подъ горой. Мы ими утоляемъ свой голодь, безъ соли, безъ хлѣба и только еще больше раздражаемъ свой аппетитъ.

На батарее, стоящей слѣва отъ насъ, черезъ шоссе, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, спятъ у орудій люди. Мы тоже дремлемъ и только дежурный наблю-

датель не отрываетъ своихъ усталыхъ глазъ отъ двурогой трубы Цейса.

Время идетъ, мы все въ одномъ положеніи: неприятеля не видно, свѣдѣній изъ крѣпости нѣтъ никакихъ. Подъ вечеръ получаемъ пакетъ отъ командующаго бригадой:

— Сняться съ позиціи и слѣдовать на присоединеніе къ бригадѣ на высоту 501.

Ахъ, знакомая, даже слишкомъ знакомая цифра. Сколько разъ изъ своихъ окоповъ мы, съ вождѣльнѣемъ, смотрѣли на эту высоту, — ключъ австрійскихъ позицій. Сколько думъ, предположеній было связано съ этой заманчивой цифрой, сколько крови пролилось изъ за нее !

Мы свободно подходимъ дорогой, ведущей къ укрѣпленіямъ крѣпости. Мы вѣдь одни: всѣ давно уже заняли указанные имъ мѣста бывшихъ австрійскихъ позицій и всѣ давно уже насытились и отдыхаютъ.

Сумерки спускаются на землю, когда 6-я батарея, наконецъ, становится на заранѣе намѣченную между пнями, позицію, но я успѣваю еще окинуть взоромъ, лежащія теперь противъ насъ, мѣста, гдѣ мы, втеченіи послѣднихъ мѣсяцевъ осады Перемышля, пережили свои сомнѣнія и надежды.

Образы, сцены пережитого, воспоминанія потокомъ заливаютъ мой мозгъ и пока орудія батареи, подъ руководствомъ старшаго офицера, устанавливаются на позиціи, я не отрываю своихъ глазъ отъ этихъ знакомыхъ мѣстъ и смотрю туда на нихъ до тѣхъ поръ пока мои глаза могутъ видѣть или различать, въ наступившихъ сумеркахъ, очертанія этаго, давно знакомаго, ставшаго милымъ, пейзажа.

— В. В., землянка для тебя готова и самоваръ тоже готовъ, — прерываетъ мои думы мой деньщикъ.

Чистая, уютная, бывшая австрійская землянка. Какъ прочно и красиво построена она.

Отдыхать, такъ отдыхать! Я раздѣваюсь и ложусь въ постель на свѣжую, чистую простыню. Ъсть и пить я буду лежа въ постели. Теперь насталь мой часъ.

* * *

Тихо растворяется дверь землянки и на порогѣ появляется фигура бригаднаго развѣдчика.

— Пакеть.

— Немедленно снимите батарею и слѣдуйте на бригадный сборный пунктъ, къ вокзалу желѣзно-дорожной станціи Перемышль.

Если бы громъ грянулъ среди чистаго неба, это не было бы такъ неожиданно, какъ полученное сейчасъ приказаніе. Цѣлый рой разнородныхъ чувствъ сразу поднялся въ груди: тутъ и обида, и злоба, и жалость къ батарее, къ самому себѣ. Необходимо было вымѣстить на комъ нибудь все эти душевныя переживанія и, разрядившись цѣлымъ потокомъ ругательствъ по адресу виновныхъ, я отдалъ приказаніе батарее сниматься съ позиціи.

Ночь, темно. Люди и лошади все время спотыкаются о пни. Неровный, мигающій свѣтъ шипящихъ смоляныхъ факеловъ придаетъ зловѣщій эффектъ всей суетящейся группѣ людей, лошадей и орудій. Съ большими затрудненіями, поорудійно, батарея снимается съ позиціи и выѣзжаетъ на дорогу, гдѣ сразу всехъ поглощаетъ ночная темнота. Лошади, выбравшись на шоссе, фыркаютъ, слышенъ сердитый говоръ обманутыхъ предвкушеніемъ давно ожидаемаго отдыха, обиженныхъ людей. Батарея медленно двигается къ сборному пункту, проѣзжая заснувшими улицами города Перемышля. У вокзала батарея останавливается и сразу засыпаетъ.

* * *

Я открываю глаза, разбуженный утреннимъ холодомъ.

Какъ, уже утро? Итакъ, мы всю ночь простояли на одномъ мѣстѣ, на сборномъ пунктѣ.

Подъѣзжаетъ командующій бригадой: 1-я и 3-я батареи остаются въ гарнизонѣ крѣпости. Намъ приказано слѣдовать за пѣхотой. Пѣхота насъ задержала.

— Куда слѣдовать?

— Неизвѣстно.

Бодрымъ шагомъ проходить, мимо стоящей сонной бригады, потрепанные въ послѣднемъ бою, полки. Штыки подняты, блестятъ на солнцѣ, по рядамъ говоръ. Смотрять на насъ, смѣются.

Бригада въѣзжаетъ на свое мѣсто въ общую колонну.

Идемъ низменной, болотистой равниной. Изрѣдка попадаются селенія, небольшія усадьбы въ цвѣтущихъ садахъ. Изъ подъ погъ, бредущихъ по сторонамъ дороги, пѣхотныхъ солдатъ, все время выскакиваютъ зайцы. Такого количества зайцевъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, я въ жизни никогда не видалъ. Поднялась беспорядочная стрѣльба, пули засвистѣли по всемъ направленіямъ, но, къ счастью, векорѣ эта стрѣльба была прекращена и я могъ успокоиться за судьбу своихъ людей и лошадей.

Къ вечеру бригада прибыла на ночлегъ въ одну изъ попутныхъ деревень. На этотъ разъ судьба, наконецъ, повернулась къ намъ лицомъ. Наскорѣ закусивъ, я пошелъ обходомъ по избамъ, занятымъ солдатами батареи. Ни одинъ изъ нихъ не сталъ дожидаться ужина: вся батарея уже спала усталымъ, глубокимъ сномъ.

Много пришлось, за послѣднее время, намъ перенести и физическихъ, и душевныхъ переживаній, но зато и отдыхъ никогда не казался такъ дивно прекраснымъ, такимъ невѣроятно счастливымъ событіемъ, какъ въ настоящее время. И позабывъ все печальное прошедшее, одно лишь чувство осталось въ мозгу и въ душѣ: какъ хорошо чувствовать себя живымъ и здоровымъ.

Утромъ командиры батарей были собраны командующимъ бригадой. Предстоялъ немедленный, дальнѣйшій походъ навстрѣчу неприятелю, прямо на боевыя позиціи.

— Что-же касается 6-й батареи, то командиръ корпуса приказалъ, ввиду послѣдней непрерывной ея боевой службы, дать ей еще однѣ сутки отдыха. Итакъ, мы все уходимъ, а вы остаетесь. Отдыхайте.

— Командующій бригадой протянулъ мнѣ руку и мы разстались.

*
* *

Радымно. . . Могли ли мы предполагать, что это названіе небольшого Галиційскаго селенія вѣрнется въ память каждаго изъ насъ неизгладимымъ слѣдомъ на всю нашу жизнь. Могли ли мы предполагать, что здѣсь намъ предстоитъ увидѣть такія картины боевой обстановки, сущность которыхъ никакъ не могла сразу умѣститься въ нашемъ мозгу. Картины, отъ которыхъ нервы напрягались до крайности, кровь стынула въ жилахъ и мысль теряла способность работать и, пораженные тѣмъ, что происходило передъ нашими глазами, мы какъ очарованные, замирали на мѣстѣ передъ ужасомъ, силой, величіемъ и красотой бушующей передъ нами стихіи.

*
* *

6-я батарея стоитъ на открытой позиціи, приткнувшись правымъ флангомъ къ селу Высоцкому, прикрываясь лишь стволами крупныхъ деревьевъ аллеи, ведущей къ этому селенію изъ господскаго дома того-же наименованія.

Влѣво, за рѣкой Саномъ, виднѣется селеніе Радымно, у котораго сосредоточены наши главные силы и почти вся артиллерія, составляющая за Саномъ артиллерійскій «тод-де-понтъ», по мысли нашего начальника дивизіи генерала С. Путь отступленія: одинъ небольшой деревянный мостъ черезъ рѣку Санъ.

Наши войска занимають обширную, гладкую равнину, на которой кое-гдѣ, оазисами, тонущими въ цвѣтущихъ садахъ, разбросаны рѣдкія селенія. Мѣсто открытое, спрятаться негдѣ и каждое наше движеніе совершенно свободно наблюдается непріателемъ, въ нѣсколько разъ превосходящимъ насъ въ численности, усиленнымъ громаднымъ количествомъ тяжелой артиллеріи всевозможнѣйшихъ калибровъ и системъ, орудій, расположившемся въ предгорьяхъ, на прекрасныхъ позиціяхъ.

Бой начался 8-го мая и закончился 11-го мая совершеннымъ разгромомъ нашихъ, сосредоточенныхъ здѣсь, войскъ и, въ частности, нашего XXI-го Корпуса.

Уже давно, съ самаго ранняго утра, бушуетъ боевая стихія. Наши позиціи у села Радымно окутаны облакомъ черно-бѣлаго дыма. Эта дымовая пелена клубится, какъ будто кипитъ, то колышится двигаясь подъ напоромъ вѣтра, какъ будто волнуется море. Туманной дымкой, поднимаясь высоко на воздухъ, отходить назадъ, по землѣ густо стелется бѣлымъ толстымъ покровомъ навстрѣчу безчисленнымъ цѣпямъ австро-германцевъ, стремительно идущимъ въ атаку въ направленіи села Радымно.

Эти цѣпи покрыты дымомъ уже нашихъ снарядовъ. Онѣ словно ныряютъ въ дымъ, временами совершенно пропадая изъ поля зрѣнія. Пораженные, валяются массами, и сейчасъ же тонуть въ кипящей дымовой пучинѣ.

А земля дрожитъ отъ сплошного рева болѣе тысячи орудій, отъ безчисленныхъ разрывовъ и стога, и воя рѣжущихъ воздухъ осколковъ.

6-я батарея бьетъ во флангъ атакующихъ Радымно австро-германцевъ, разрывы ея снарядовъ по-

тонули уже въ общемъ морѣ разрывовъ. Люди серьезны, отъ жара орудій потъ покрываетъ ихъ лица, объ опасности какъ будто забыли и вдругъ . . . рѣзкое, зловѣщее шипѣніе падающаго тяжелаго снаряда. Орудія окутываются ѣдкимъ чернымъ дымомъ.

Второй ударъ, третій. . .

— Прислуга вправо, за строенія! . .

Дымъ, трескъ, шипѣніе осколковъ, стоны. . .

Носилки! . .

Оставленные прислугою орудія въ огнѣ и въ дыму. Къ нимъ подойти очень трудно, да и нѣтъ нужды: бой стихаетъ. Уже начинается темнѣть. Батарея мѣняетъ позицію, отходитъ назадъ за селеніе.

У небольшого ручейка, у самой новой позиціи лежатъ три трупа: шіоны, разстрѣлянные нашими казаками.

Люди спятъ у орудій. Кое-гдѣ еще слышатся тихіе, въ полъ голоса разговоры:

— Пакеть.

— 2-я батарея уходитъ за Санъ. 6-й батареѣ занять позицію уходящей 2-й батареи.

Нѣсколько рѣдкихъ кустиковъ посреди чистаго ровнаго поля. Позиція совершенно открытая.

* * *

Я стою на земляномъ валу сада усадьбы Высоцкое и вглядываюсь въ сторону селенія Радымно, на которое нѣмцы съ утра повели свои атаки.

Сравнительно рѣдкіе орудійные выстрѣлы германцевъ постепенно усиливаются, бой ширится и захватываетъ позиціи всего корпуса. Германскіе снаряды зашлепели, загудѣли въ воздухѣ по всѣмъ направленіямъ. Все увеличиваясь въ количествѣ, засыпали сплошнымъ стальнымъ и свинцовымъ градомъ всю громадную площадь, занятую корпусомъ.

Трескъ разрывовъ, свистъ пуль и вой осколковъ слились въ одинъ безконечный, страшный звукъ. Солнце постепенно скрылось въ дыму, который черной

Колоссальной тучей заволокъ и землю, и воздухъ, и небо, и только безконечныя молнии разрывовъ безпрестанно бороздили, по всемъ направлениямъ, наставшій мракъ, окрашивая клубы дыма въ багряно-красный кровавый оттънокъ.

Село Высоцкое горитъ. Языки пламени и искры смѣшались съ дымомъ. Получился громадный адскій костеръ, кипящій отъ безчисленныхъ, рвущихся въ немъ снарядовъ.

Посреди громаднаго села, то темнымъ, то яркимъ, причудливо освѣщеннымъ силуэтомъ, выступаетъ большая сельская церковь, съ золотымъ крестомъ на куполѣ. Тяжелый, громадный снарядъ ударилъ въ куполъ, и сразу, какъ изъ раскрывшейся печи, изъ церкви хлынуло пламя, и громадные фонтаны искръ взвились на воздухъ.

* * *

6-я батарея, находясь отъ меня въ разстояніи меньше чѣмъ четверть версты, скрылась изъ вида. Въмѣсто орудій и ящиковъ, я вижу только высокій столбъ чернаго дыма, изборожденный, по всемъ направлениямъ, яркими, горящими, бѣгающими молніями. Время отъ времени этотъ густой столбъ дыма прорѣзывается легкими струйками яркаго огня, вылетающаго изъ жерлъ моихъ орудій, ведущихъ стрѣльбу, и тогда я знаю, что батарея еще жива.

По, чудомъ уцѣлѣвшимъ, линіямъ телефоннаго провода мнѣ говорятъ о томъ, что здѣсь дѣлается: убить фейерверкеръ Медвѣдевъ. Три номера 5-го орудія живыми закопаны въ землю разрывомъ снаряда. Раненый наводчикъ 3-го орудія еврей Альтгаузенъ, поливая землю своею кровью, перевязываетъ своихъ раненыхъ товарищей.

Какимъ то кружнымъ путемъ, по телефону получаю извѣщеніе отъ командира Н-скаго Сибирскаго полка:

— 6-я батарея? Вы переданы въ мое распоряженіе. Обстрѣляйте. какъ можно скорѣе, участокъ, по картѣ, отъ буквы С. до Ф.

— На моей картѣ я не могу найти этихъ буквъ.

— Я не могу этого сдѣлать, господинъ полковникъ. — надо перемѣнить фронтъ батареи, перемѣнить наблюдательный пунктъ и перестроить всю телефонную сѣть. На все это надо много времени.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всего этого. Если вы сейчасъ же не выполните мое требованіе, то будете отвѣчать за исходъ боя полка.

Гдѣ то лопнулъ проводъ. Разговоръ оборвался.

Бой стихаетъ, рѣдѣетъ дымъ, наступаютъ сумерки, и только одно село Высоцкое яркимъ заревомъ пожара своихъ строеній, мѣшаетъ спускающейся ночи вступить вполне въ свои права.

* * *

Рядомъ съ могилами убитыхъ австрійцевъ, кресты на которыхъ успѣли уже, отъ времени, потемнѣть, въ цвѣтникѣ барскаго дома, хоронимъ ночью убитаго фейерверкера Медвѣдева.

Короткая молитва, прочитанная однимъ изъ солдатъ, — и тѣло, завернутое въ полотнище палатки, исчезло подъ грудой сыпящейся земли.

На маленькомъ холмикѣ появился наскоро сколоченный бѣлый крестъ, нѣмой свидѣтель исчезнувшей жизни.

* * *

Т. М. Галушукъ жалуется, что у него очень сильно болятъ ноги. Отчего бы это? Ноги цѣлы, не ранены, не контужены. Наконецъ, онъ нашель объясненіе: отъ страха.

Поручика К. пришлось отправить въ обозъ, поручивъ ему разныя хозяйственныя дѣла: онъ больше не въ состояніи вынести бой. Онъ труситъ, и даже стыдъ

передъ солдатами не можетъ заставитьъ его волю справиться съ ужаснымъ психическимъ состояніемъ, имъ овладѣвшимъ. На батареѣ остаются всего два офицера: Н. П. Куваддинъ и Т. М. Галушукъ, да еще Н. А. Тиличевъ, не покидающій никогда пѣхотныхъ окоповъ.

Несмотря на то, что батарея, въ этомъ послѣднемъ бою, понесла потери сравнительно небольшія, состояніе духа у солдатъ подавленное. Все какъ будто сразу похудѣли, глаза ввалились, тѣломъ завладѣла какая то особая усталость.

Ночью, на рукахъ, съ невѣроятными усиліями, вытягиваемъ пушки и ящики съ изрытаго 8—10 дюймовыми снарядами, мѣста. Вывезти ихъ на лошадахъ нѣтъ никакой возможности. Громадныя воронки, въ каждой изъ которыхъ можетъ свободно помѣститься взводъ солдатъ, мѣшаютъ подѣлать передкамъ.

Слава Богу, орудія уцѣлѣли. Есть незначительныя побитости, но онѣ не имѣютъ никакого значенія.

6-я батарея ночуетъ въ цвѣтущемъ фруктовомъ саду барской усадьбы. Люди успокоились и, прикрываясь деревьями, пьютъ чай.

*
• •

Въ XXI-й корпусъ влилась 3-я Кавказская стрѣлковая дивизія и ея артиллерія немедленно открыла по противнику сильный огонь.

Въ этотъ день на фронтѣ царилъ затишье и поэтому сильная стрѣльба Кавказскихъ стрѣлковъ вызвала всеобщее удивленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недовольство противъ нарушителей покоя и, вынававшего на нашу долю отдыха, послѣ тяжелыхъ боевъ предыдущихъ дней.

Я послалъ подпоручика Тиличева въ ближайшую Кавказскую батарею узнать о причинахъ столь жестокаго огня и, на его вопросъ, ему отвѣтили, что, собственно говоря, причины особенной нѣтъ никакой,

но что имъ такъ надоѣло на Кавказскомъ фронтѣ бездѣйствіе. что по неволѣ захотѣлось, наконецъ, отвести свою душу, видя передъ собой настоящаго серьезнаго противника.

— А вы знаете, что у насъ снарядовъ количество очень ограниченное и если вы ихъ сейчасъ разстрѣляете, то, въ настоящемъ бою, можете очутиться совсѣмъ безъ снарядовъ.

Кавказкіе стрѣлки были очень удивлены этимъ сообщеніемъ. Эта новость была передана изъ батареи въ батарею и они затихли.

Къ 10-му мая ихъ артиллерію куда-то увели. Пѣхота осталась.

11 мая 6-я батарея стоитъ на позиціи за садомъ. Изъ срубленныхъ, подъ корень, молодыхъ цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ, заостренныхъ топоромъ и вбитыхъ въ землю, устроена у пушекъ декорація: какъ бы продолженіе сада. Справа пристроились, уцѣлѣвшія, три орудія 4-й батареи.

Соединенныя австро-германскія силы ведутъ отчаянныя атаки по всему фронту, особенно напирая на наши позиціи у селенія Радымно.

Ихъ пѣхота ложится рядами, какъ подъ остріемъ косы, отъ огня нашей, сосредоточенной у Радымно, артиллеріи, сплошнымъ слоемъ стали, покрываетъ все видимое пространство, срывая окопы, въ мигъ измѣняя, до неузнаваемости, всю находящуюся подъ огнемъ мѣстность.

Столбы чернаго дыма все вырастаютъ въ количествахъ и, наконецъ, слившись, заволакиваютъ совершенно видимый міръ. Словно черное покрывало накинута на наши позиціи, въ которомъ, яркими вспышками, какъ бы перекатываются огни разрывовъ.

Воздухъ дрожитъ отъ массы всевозможныхъ звуковъ, слившихся въ одинъ непрерывный гулъ и за-

рево отъ горящихъ окрестныхъ селеній, отраженное въ черной пеленѣ дыма, довершаетъ картину боя.

Все сильнѣй и сильнѣй напираютъ австро-германцы. Все настойчивѣй и настойчивѣй ихъ атаки и, въ это же время, огонь нашихъ орудій за Саномъ начинается рѣдѣть: не хватаетъ снарядовъ, — подвозъ ихъ почти невозможенъ.

Одна за другой смолкаютъ наши, стоящія почти на открытыхъ позиціяхъ, батареи. Полуистребленная огнемъ наша пѣхота предоставлена сама себѣ и, отчаянно сопротивляясь и защищаясь, отходить, подъ безумнымъ градомъ стали и свинца.

По совершенно открытой мѣстности, галопомъ, скачутъ передки къ замолкнувшимъ орудіямъ, но напрасно: германцы зашли уже далеко впередъ и, подъ ихъ перекрестнымъ пулеметнымъ огнемъ, передки гибнутъ, покрывая все поле громадными кучами металла и барахтающихся тѣлъ людей и животныхъ.

* * *

Оставшись безъ передковъ, а стало быть и безъ всякой надежды на спасеніе орудій, нѣкоторой части, уцѣлѣвшихъ людей 5-й батареи, удастся уйти и унести съ собой нѣсколько орудійныхъ замковъ. Командиръ 5-й батареи подполковникъ А. В. Васильевъ взятъ въ плѣнъ австрійцами.

Личный составъ 2-й батареи, въ большинствѣ, погибъ, отстрѣливаясь отъ наступающихъ нѣмцевъ изъ, вытянутыхъ изъ кобуръ, револьверовъ.

Командиръ 2-й батареи капитанъ Н. Н. Волковъ, видя, что его батарею наводила непріятельская пѣхота, бѣжитъ съ наблюдательнаго пункта, по дорогѣ поворачиваетъ небольшую кучку пѣхотныхъ солдатъ и, въ отчаяніи, ведетъ ихъ въ контръ атаку на свою батарею. Встрѣченная съ батареей ружейнымъ огнемъ и сознавая всю цѣльность настоящаго предпріятія, эта случайная команда повернула обратно и насильно

увела съ собой, обезумѣвшаго отъ горя, Н. Н. Волкова.

*
• •

Укрытая цвѣтущимъ садомъ 6-я батарея, бѣглымъ огнемъ, сбиваетъ атаку германцевъ. Снаряды противника, минуя садъ, бьютъ по усадьбѣ Высоцкое. Громадный осколокъ тяжелаго снаряда пролетаетъ вертикально сзади меня, жаромъ раскаленной стали утюжить мнѣ спину и вонзается въ землю.

Около меня стоитъ командующій бригадой и смотреть въ бинокль.

— Господинъ полковникъ, вы видите? Наша артиллерія гибнетъ, остатки пѣхоты отходятъ. Бой проигранъ окончательно. Пора принимать мѣры къ спасенію того, что осталось: разрѣшите снять батарею съ позиціи.

— Нѣтъ нельзя: насъ могутъ упрекнуть въ трусости.

Черезъ три минуты ему спѣшно подаютъ лошадь. Онъ садится на нее и исчезаетъ. Я бѣгу на батарею. Но мнѣ навстрѣчу скачетъ развѣдчикъ Лапшинъ, посланный мною, въ числѣ другихъ, для наблюденія за боемъ на правомъ флангѣ.

— В. В., германцы подходятъ къ саду!.. Скорѣе!..

— Передки на батарею!..

Бѣшено скачутъ передки на позицію по тѣнистой аллеѣ, единственному скрытому отъ взоровъ противника, пути и вдругъ, высоко взмахнувъ задними ногами въ воздухъ, сунувшись головой на землю, падаетъ коренной жеребецъ перваго орудія Чингисъ. Передки падаютъ другъ на друга, все перепуталось и сразу остановилось.

— Прикрытіе, въ цѣпь передъ батареей!..

Нѣтъ прикрытія: Кавказскіе стрѣлки-грузины разбѣжались. Остался лишь одинъ взволнованный, смущенный офицеръ, — командиръ взвода.

Т. М. Галушукъ уже у передковъ. Постромки об-

рублены, убитый жеребец выкинуть из упряжки. Передки вмиг распутаны, вновь скачутъ. Не уменьшая аллюра, берутъ орудія и ящики и, уже съ посаженной прислугой, скачутъ обратно и скрываются въ аллеѣ.

Только въ моментъ смертельной опасности возможна такая быстрота и такая ловкость.

Я мчусь за батареей, поворачиваю голову назадъ и, черезъ вѣтки деревьевъ, смотрю на покинутое только что мѣсто: германская пѣхота входитъ на позицію 6-й батареи.

У деревни Михаловка 6-я батарея переходитъ въ шагъ. На перекресткѣ дорогъ стоитъ командующій бригадой и дѣлаетъ мнѣ знакъ рукой подъѣхать къ нему.

— Все, что осталось отъ бригады я передаю въ ваше командованіе. Я сейчасъ уѣзжаю въ тылъ для новаго формированія погибшихъ частей. До свиданья.

Я отвелъ батарею за строенія и остановилъ.

— Ъздовые слѣзай!

Сзади еще слышна рѣдкая канонада. По единственной гати, черезъ обширное болото, идущее отъ деревни Михаловка назадъ къ горизонту, небольшими группами, отходятъ остатки нашей пѣхоты.

Что дѣлать дальше?

Я вывожу батарею къ гати и, въ этотъ моментъ, двѣ германскія шрапнели рвутся передъ батареей. Три человека ранены. Я поворачиваю батарею опять за строенія.

Наступаютъ сумерки. По гати въ Михаловку движется колонна пѣхоты. Это подходятъ свѣжія пластунскія части. Ихъ шесть батальоновъ, взятыхъ изъ состава 5-го Кавказскаго корпуса.

Я вывожу батарею изъ за строеній и ставлю укрыто на позицію за деревню. У меня сборная девятиорудійная батарея. Командующій 4-й батареей капитанъ Л. Н. Карабановъ становится старшимъ офицеромъ этой сводной батареи.

Наступаетъ холодная ночь. Опять, какъ въ ту памятную ночь передъ боемъ у города Санка, мы лежимъ въ небольшой ложицѣ и отъ холода стучимъ зубами.

Съ утра мы ничего не ѣли и сейчасъ голодь даетъ себя чувствовать. Настроение скверное, подавленное.

Что же будетъ дальше? Когда же, наконецъ, станетъ какой нибудь просвѣтъ въ нашей неудачной боевой жизни.

Усталость дѣлаетъ свое дѣло: понемногу всѣ засыпаютъ нервнымъ, мучительнымъ сномъ. Это даже не сонъ, — это какое то забвеніе, безпокойное, тяжелое. Измученной душѣ, измученному тѣлу такой сонъ не даетъ отдыха.

На разсвѣтѣ меня будятъ:

— В. В., приказаніе.

— Подготовьте огнемъ своей батареи атаку пластунамъ на селеніе Радымно.

Подъѣзжаетъ подполковникъ Г., командиръ 3-й батареи 33-й бригады, когда то въ Карпатахъ смѣненной нами.

— Генераль С. приказалъ вамъ поставить батарею на берегъ Сана.

Это что же? Опять хочеть устроить какой нибудь тетъ-де-понъ? Пусть самъ туда ѣдетъ, если желаетъ, а намъ здѣсь хорошо.

— Спросите его, гдѣ его батарея? — шепчетъ мнѣ на ухо кто-то изъ офицеровъ.

* * *

Рядомъ съ Н. А. Тилчеевымъ я лежу на животѣ у изгороди, на окраинѣ деревни Михаловка и смотрю въ бинокль, какъ, между строеніями селенія Радымно, прыгаютъ бѣлые дымки разрывовъ шрапнели моей сводной батареи.

Противникъ молчитъ, — выжидаетъ. Ахъ, вотъ и онъ заговорилъ: цѣпь появилась. Заколыхались мох-

натягивая черныя паннахи по чистому, открытому полю. Черныя свернутыя бурки черезъ плечо, серебро кинжаловъ.

Много ихъ, очень много. Быстро движутся мохнатые цѣпи въ черкескахъ, черными пятнами убитыхъ и раненыхъ заестрѣло все поле. Пластуны не сдадутъ: не повернуть обратно, не залягутъ.

Бѣшено рвутся снаряды противника; чернымъ, бѣлымъ дымомъ заволакиваютъ поле. Все быстрѣй и быстрѣй катятся пластунскія цѣпи, уже докатились...

— Ура! . .

Селеніе Радымно взято.

*
* *

Пластунамъ приказано отступать.

Пластуны идутъ обратно черезъ то же поле. Тѣснымъ кольцомъ окружили нѣсколько сотенъ пѣшихъ, несутъ на рукахъ своихъ раненыхъ, выносятъ оружіе убитыхъ. Опять ихъ бьетъ артиллерія противника, выхватываетъ новыя жертвы своихъ и чужихъ. Падаютъ черныя мохнатые шапки, падаютъ плѣнные.

Изъ шести батальоновъ вернулось около двухъ.

*
* *

— Командиръ корпуса приказалъ вамъ прикрыть отступление нашихъ частей. Вы должны отойти послѣдними.

6-я батарея стоитъ на позиціи и съ завистью наблюдаетъ, какъ по широкой гати проходятъ, одна за другой, наши части. Прошли пластуны, прошла гаубичная батарея, затѣмъ легкая. Небольшими группами проходятъ остатки нашихъ полковъ.

6-я сводная батарея молчитъ: противникъ нигдѣ не показывается, и только изрѣдка его тяжелыя бомбы бухаютъ въ болото, выкидывая вверху большія фонтаны черной грязи.

Но вотъ удары снарядовъ противника начинаютъ

приобрѣтать нѣкоторую систему: снаряды ложатся ближе къ гати.

— Въ передки, скорѣе! . .

*
* *

6-я батарея отрѣзана. Часть гати взлетѣла на воздухъ и цѣлымъ градомъ земляныхъ комьевъ и камня усеяла болото.

Человѣкъ пятнадцать оставшихъ пѣхотинцевъ стараются какъ нибудь пролѣзть черезъ мѣсто, гдѣ только что была гать. Вотъ они на той сторонѣ.

Что то кричатъ, побѣжали впередъ.

Вторая тяжелая бомба ударила по гати и снесла еще громадный кусокъ.

Топорами, шашками люди 6-й батареи рубятъ мелкія деревья и вѣтки, ломаютъ плетни. Толстымъ слоемъ ихъ укладываютъ дорогу черезъ болото, вправо, туда, гдѣ, невдалекѣ виднѣется на болотѣ невысокій кустарникъ. Лишь бы дойти до кустовъ.

Первыми двинулись одиночные всадники: новая гать изъ вѣтокъ ихъ держитъ хорошо, знать не очень ужъ вязко болото. Двинулось 1-ое орудіе. Лошади чувствуютъ опасность: храпятъ и быстро тянутъ орудія. Новый слой вѣтокъ. — двинулся ящикъ. Первое орудіе уже далеко, идетъ, не останавливается, не сбавляетъ хода. Дошло уже до кустовъ. Корни крѣпко держатъ, рѣжутъ ихъ колеса орудія, вода хлюпаетъ подъ копытами лошадей и мелкими брызгами покрываетъ листь кустарника. Подъ ногами уже твердая почва.

Одна за другой собираются упряжки на сухомъ ровномъ мѣстѣ. Лошади фыркаютъ, обмахиваются хвостами. Люди веселы, смѣются, шутятъ.

6-я сводная батарея вышла изъ затруднительнаго положенія, сдѣлала небольшой обходъ и, къ вечеру, прибыла къ деревнѣ Воля-Залѣсская, находящейся на пути отступленія нашихъ войскъ.

На всякій случай орудія сняты съ передковъ.

Есть впереди какія нибудь наши части? Вернувшійся развѣдчикъ доложилъ, что такъ, съ версту впереди деревни, онъ наткнулся на нашу рѣдкую пѣхотную цѣпь.

— А сколько ее, этой пѣхоты, кто знаетъ? Кажись, не больно густо. Темно, не разглядѣть хорошенько.

Свѣтаетъ. Впереди, съ болота, поднимается густой туманъ и заволакиваетъ весь видимый горизонтъ. Какъ то мерзко, мокро кругомъ.

Шинели отсырѣли, топорщатся, какъ картонныя, сапоги намокли.

Невдалекѣ впереди, сквозь туманъ, виднѣется небольшая горка, покрытая сосновой зарослью. Откуда здѣсь взялась она, эта горка, посреди ровнаго, чистаго поля?

Ежась отъ утренняго холода подхожу къ горкѣ. Что за диво? Внизу, у подножья ея, стоятъ два автомобиля, нѣсколько экипажей, верховые лошади.

Поднимаюсь наверхъ: все наше начальство съехалось. Какіе то генералы, офицеры генеральнаго штаба, тутъ же и подполковникъ Г. Всѣ взволнованы, жестикулируютъ, о чемъ то говорятъ горячо.

— В. П., обращается полковникъ генеральнаго штаба къ одному изъ генераловъ. — надо же намъ на чемъ нибудь порѣшить. Надо же, наконецъ, отдать какое нибудь приказаніе. Вѣдь непріятель не ждетъ.

— Да, конечно. А сколько у насъ пѣхоты? Кто тамъ ими командуетъ? Попросите его сюда.

Генераль протягиваетъ руку вправо, гдѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ горки, наскоро окопавшись, лежитъ наша жидкая пѣхотная цѣпь. По приказанію генерала является какой то штабсъ-капитанъ.

— Вы ими командуете? — Жестъ рукой въ направленіи пѣхотной цѣпи.

— Такъ точно, В. П., я.

— Сколько у васъ людей?

— Разныхъ полковъ, разныхъ дивизій — триста штыковъ.

— Можете вы поднять вашихъ людей и продвинуть ихъ нѣсколько впередъ?

— Не ручаюсь, В. П. Люди деморализованы, измучены и голодны.

— Хорошо, ступайте. Попросите сюда командующаго пластунами.

Влѣво виднѣются черныя папахи окопавшейся пластунской цѣпи.

Подходить войсковою старшина.

— Можете вы продвинуть своихъ пластуновъ на нѣкоторое разстояніе впередъ.

— Почему же нѣтъ, В. П.? Конечно могу.

Генералы сошлись совѣмъ близко и начали совѣщаться. Затѣмъ, всѣ вмѣстѣ, спустились съ горки, сѣли въ автомобили и экипажи и уѣхали.

Горка опустѣла. Цѣпи остались лежать на своихъ мѣстахъ. Я поднялъ бинокль и сталъ вглядываться вдаль. Противникъ не показывался нигдѣ.

Простоявъ нѣкоторое время, я вернулся на батарею.

Я сѣлъ на лошадь и отправился искать штабъ корпуса. Вскорѣ я его нашелъ въ одной изъ ближайшихъ деревушекъ. Я вошелъ въ одну изъ избъ и наткнулся на инспектора артиллеріи корпуса генерала-лейтенанта Долгова.

— Вы чего сюда пріѣхали, подполковникъ?

— Пріѣхалъ выяснить настоящую обстановку. Получить какія нибудь директивы, В. П.

— Эхъ, голубчикъ, ничего вы здѣсь не добьетесь. Какія тамъ директивы? Корпуса нѣтъ. Вмѣсто него пустое мѣсто, одинъ штабъ остался, да и тотъ сейчасъ уѣзжаетъ куда то въ тылъ.

— Такъ что же мнѣ дѣлать, В. П.?

— Поѣзжайте къ себѣ на батарею, а тамъ уже, смотря по обстоятельствамъ дѣйствуйте сами, по своей совѣсти, на свой страхъ и рискъ.

Я послѣдовалъ его совѣту и отправился на батарею. Здѣсь меня ожидалъ новый сюрпризъ.

— Командиръ, а вѣдь пѣхота то наша ушла, мы одни сейчасъ здѣсь болтаемся.

— Куда ушла ваша пѣхота?

А кто ихъ знаетъ. Пробовали спросить, да они и сами не знаютъ. Куда идти. Куда то туда, назадъ. Должно быть, на новое формироваіе.

— А пластуны?

— И пластуны ушли.

Ну вотъ и дѣйствуй теиерь по обстоятельствамъ настоящаго момента, на собственнѣй страхъ и рискъ, по своей совѣсти.

— Батарея въ передки! . .

А зачѣмъ, и самъ не знаю. Такъ, что бы чѣмъ нибудь заняться, да и отойти на всякій случай подалѣе отъ разныхъ неприятностей со стороны противника.

Прошли версту, другую, третью.

Долго ли еще двигаться? Кругомъ ни души. Остановилъ батарею за бугромъ, снялъ съ передковъ, выслалъ впередъ развѣздъ изъ развѣдчиковъ «для освѣщенія мѣстности».

Глупо все это какъ то выходитъ: девять пушекъ болтаются въ совершенномъ одиночествѣ среди чистаго поля, безъ всякой цѣли.

Все равно: подожду здѣсь пока на горизонтѣ не появятся нѣмцы.

Тогда пуцу имъ для острастки и для сигнала пару снарядовъ и уйду съ батареей далѣе назадъ.

— В. В., никакъ пластуны возвращаются.

Вдали, на дорогѣ, обрисовывается какая-то, темная масса. Да, это дѣйствительно пластуны. Ну, слава Богу!

Пластуны все приближаются. Вдали же, за ними, густое облако пыли.

— Кавалерія!

Пластуны прошли мимо и, рассыпавшись въ цѣпь влѣво отъ дороги, стали окапываться.

— 6-я сводная батарея отходить назадъ и, выбравъ хорошо маскированную позицію близь дороги, сзади одиноко стоящей избушки, на огородѣ снимается съ передковъ.

— Господинъ подполковникъ, разрѣшите пристроиться къ вамъ, у насъ совершенно нѣтъ телефоннаго провода, докладываетъ мнѣ неожиданно, какъ будто съ неба свалившійся, офицеръ, сидящій на рослой рыжей лошади.

— Откуда васъ сюда Богъ прислалъ?

— Разрѣшите представиться: командующій 2-й батареей 33 артиллерійской бригады, капитанъ Ярошевъ.

— Сколько у васъ орудій?

— Пять. Это все, что осталось отъ 33-й бригады.

— Отлично. Пристраивайтесь скорѣе. Пять орудій 33-й бригады становятся на правомъ флангѣ и я вступаю въ командованіе сводной, 14-ти орудійной батареей.

Мимо насъ проходитъ 11-я кавалерійская дивизія и, спѣшившись, окапывается справа отъ дороги.

Фронтъ корпуса возстановленъ.

*
* *

Дорога ожила: то и дѣло скачутъ по ней всадники, движутся патронныя двуколки, проходятъ группами пластуны, попадаютъ и неизвѣстно откуда появившіеся, одиночные солдаты нашихъ пѣхотныхъ полковъ.

А вотъ и какая то странная фигура въ чуждой формѣ. Да вѣдь это же нѣмецъ!

Настоящій нѣмецъ въ каскѣ. Сзади его идетъ пѣхотный солдатъ съ винтовкой въ рукахъ.

— Эй, другъ, откуда нѣмца ведешь?

Солдаты останавливаются и, самодовольно улыбаясь, фамильярно говорятъ:

— Дозвольте закурить, В. В.

— Ну, кури.

— Покорнѣйше благодарю. Такъ что, разрешите доложить, у меня ихъ было три. Да двухъ я закололъ, потому некогда сейчасъ возжаться съ этой дрянью. Ну, а этотъ, мальчонка, ужъ больно ревѣлъ, не хотѣлось, знать, помирать, ну и опять, В. В., молодъ больно. Такъ я вотъ и оставилъ его, можетъ понадобится показать нашимъ, которые еще нѣмцевъ не видывали, какіе такіе нѣмцы бываютъ. Ну, а можетъ и этого еще приколю, — добавилъ онъ совершенно неожиданно.

Хорошенькій бѣлокурый 18—19 лѣтній мальчикъ, нѣмецъ, все время пока солдаты говорили, съ тревогой и со страхомъ, слѣдилъ за своимъ конвоиромъ. Я похлопалъ его по плечу, стараясь ободрить и, насколько смогъ, постарался объяснить ему, собравъ весь нѣмецкій лексиконъ, чтобы онъ не боялся, что его никто не тронетъ. Затѣмъ, записавъ часть и фамилію конвоира, приказалъ ему сдать плѣннаго въ штабъ корпуса.

*
* *

Къ утру рядъ деревень, въ центрѣ которыхъ находилась деревня Воля-Залѣсская, у которой наканунѣ ночевала 6-я батарея, оказался плотно занятымъ германцами. Съ первыми лучами восходящаго солнца, ихъ снаряды уже загудѣли въ воздухѣ, осыпая пластуновъ и кавалеристовъ градомъ металла. Мѣсто, занятое обѣими сторонами, совершенно ровное. Германцевъ скрываетъ рядъ деревень, мы же совершенно открыты. Единственный небольшой открытый бугоръ, на который я было взобрался, моментально подвергся сильному артиллерійскому обстрѣлу со стороны противника и мнѣ пришлось оттуда уйти.

Н. А. Тилвчеевъ помѣстился между кавалеристами, я перешель къ пластунамъ.

Телефоннаго провода не хватило и пришлось его дополнить цѣпью передатчиковъ.

Одно только утѣшало меня: это моя 14-ти орудійная батарея, силу и мощь которой я чувствовалъ всёмъ своимъ существомъ.

Ширина фронта батареи 130 саженой. Я развернулъ еще немного вѣрѣ батареи. Я располагалъ линіей сплошнаго огня больше четверти версты шириной и при скорострѣльности нашихъ пушекъ, при сравнительно небольшой дистанціи, я чувствовалъ, что могу дать такой ураганъ огня, отъ котораго едва ли что нибудь уцѣлѣеть.

Нѣмцы почти не показывались. Я выжидалъ и только рѣдкими одиночными выстрѣлами опредѣлялъ дистанціи и углы поворотовъ. Между тѣмъ германцы буквально засыпали насъ своими снарядами.

Начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи послалъ донесеніе въ штабъ корпуса о томъ, что держаться больше не въ состояніи и получилъ разрѣшеніе отступить. 6-й сводной батареѣ было приказано сняться съ позиціи.

Кавалеристы стали отступать, но лишь только они поднялись изъ окоповъ, земля у нашихъ боевыхъ линій закипѣла отъ огня противника и, въ это же время, скрывавшаяся до сихъ поръ въ деревняхъ, германская пѣхота бросилась въ атаку по чистому открытому полю.

Предчувствуя, что отступление нашихъ кавалеристовъ и пластуновъ, въ настоящихъ условіяхъ, будетъ слишкомъ тяжелымъ, я не выполнилъ даннаго мнѣ приказанія сняться съ позиціи и отступить. Насталъ моментъ, котораго я ждалъ съ такимъ волненіемъ: 14-ти орудійная батарея должна себя показать.

Внезапный ураганъ сорвался отъ маленькаго домика на шоссе и сразу покрылъ оторопѣлыхъ нѣм-

цевъ, валившихся на землю безъ счета, страшнымъ вихремъ рвущагося и сыплющагося на нихъ раскаленнаго металла.

Моментъ былъ слишкомъ острымъ. 14-ти орудійная батарея работала почти безъ перерывовъ, какъ при картечномъ огнѣ. Небольшіе перерывы получались только при поворотахъ вѣера батареи. Выравно на галонѣ, выкатили, прямо въ открытую, двѣ германскія батареи. Я ихъ не видѣлъ, но объ этомъ мнѣ передалъ Н. А. Тиличевъ. Поворотъ огня вправо и объ батареяхъ легли двумя громадными кучами, даже не снявшись съ передковъ. Уцѣлѣвшіе германцы снѣжно старались скрыться въ строеніяхъ своихъ деревень, на которыя я перенесъ огонь батарей.

14-ти орудійная батарея превзошла сама себя: у орудій не живые люди, а машины, быстрота и точность работы которыхъ доведены почти до совершенства. Жаръ раскаленныхъ пушекъ, вой и трескъ пролетающихъ непріятельскихъ снарядовъ, ничто не нарушаетъ темпа и правильности этой боевой работы и только потъ, обильными струями стекающій съ лицъ и особый возбужденный блескъ глазъ свидѣтельствовали о томъ, что это не машины, а живыя существа чувствующія и понимающія.

Сильный трескъ среди грома выстрѣловъ батарей. Окровавленные люди 3-го орудія 6-й батареи валятся на землю. Трескъ повторяется снова. Люди 4-го орудія, блѣдные, испуганные замираютъ на мѣстѣ.

Что случилось? Непріятельскіе снаряды рвутся на батареѣ?.. Нѣтъ!.. Казенная часть 3-го орудія, вся развороченная, съ вырваннымъ замкомъ, зияетъ чернымъ отверстіемъ. 4-е орудіе, стоитъ какъ бы съ разрубленной дульной частью. Невыдержали работы орудія — слишкомъ перекалились.

Люди 3-го орудія, всѣ шесть номеровъ и орудійный фейерверкеръ, живы, но съ ужасными ранами: оторваны руки, выбиты глаза, разворочена грудь.

Кровью собственной орудійной прислуги залито мертвое 3-е орудіе.

А батарея продолжаетъ работать, какъ бы ничего не случилось, засыпывая германцевъ вихремъ своихъ снарядовъ.

. . .

Отступление отмѣнено. Бой затихаетъ. Я перехожу ближе къ батарее и сажусь подь дерево у шоссе, куда переносу и свой телефонъ.

Мимо меня, опираясь на винтовки, или обнявъ и поддерживая другъ друга, тянутся раненые. Тяжело раненыхъ несутъ на носилкахъ, какъ бы въ кровавыхъ мѣшкахъ, другихъ несутъ на винтовкахъ. Большинство, проходящихъ по дорогѣ, раненыхъ останавливается около батареи и съ особымъ чувствомъ и жаромъ, благодаритъ ее, глядятъ пушки руками. Даже тяжело раненыхъ подносятъ къ батарее, опускаютъ у орудій на землю и они, своими слабыми улыбками, выражаютъ батарее свою благодарность, которую уже не въ состояніи произнести въ слухъ запекшіяся ихъ уста.

Ко мнѣ подходитъ, опираясь на винтовку, раненый пластунъ.

— В. В., разрѣшите сдать патроны на батарею. Подсумки давятъ на рану и она очень болитъ. Итти тяжело очень.

Я самъ принялъ патроны отъ пластуна.

— Командиръ батареи?

— Такъ точно, В. П.

Подъѣхавшій верхомъ кавалерійскій генераль молча протягиваетъ мнѣ руку.

— О вашей сегодняшней работѣ я сообщу вашему начальству.

Генераль отъѣхалъ. Я спросилъ у проходящаго мимо гусарскаго офицера фамилію генерала.

— Генераль Розалионъ-Соцальскій.

Германцы отказались отъ повторенія атаки и, въ этотъ день и до самаго вечера, больше насъ не беспокоили. Вечеромъ же мы получили приказаніе отступить.

*
* * *

Мы привыкли уже къ отступленію. Разбили ли насъ германцы, сами ли мы, оцетинившись, расколо-тили ихъ, мы знаемъ, что, въ концѣ концовъ, мы будемъ все-таки отступать. Мы замѣтили также, что мы всегда сталкиваемся съ противникомъ, много превосходящимъ насъ своею численностью, не говоря уже о колоссальной артиллеріи всевозможныхъ калибровъ и видовъ, находящейся всегда въ его распоряженіи, которой мы можемъ противопоставить только свои легкія 3-хъ дюймовыя пушки, съ придачей самаго незначительнаго числа полевыхъ гаубицъ. Нашу тяжелую артиллерію мы видимъ крайне рѣдко. Такъ въ бою у Радымно, какъ рѣдкій случай, съ нами былъ тяжелый дивизионъ, раздѣлившій общую участь плѣна съ большинствомъ нашихъ полковыхъ батарей.

Говорятъ, что у насъ нѣтъ снарядовъ. Мы пока этаго не чувствуемъ, хотя постоянно намъ напоминаютъ о бережливомъ ихъ расходованіи, причемъ учетъ имъ ведется самый строгій.

Итакъ, мы снова отступаемъ. Отступаемъ спокойно, безъ выстрѣла со стороны непріятеля, но тѣмъ не менѣе какая-то особенная тоска и обида гложуть душу. И это явленіе общее у насъ у всѣхъ, и у офицеровъ, и у солдатъ.

Ночь довольно свѣтлая, звѣздная ночь. Я сижу верхомъ на лошади погрузившись въ невеселыя думы, связанныя съ нашей горькой участью.

— Послушайте, подполковникъ, вѣдь это же чертъ знаетъ что такое! Вѣдь нѣтъ конца этому издѣвательству надъ нами.

Я поднимаю голову и вижу рядомъ съ собой Сибиряка-командира батарен.

— Ну чего мы опять отступаемъ? Не знаю какъ у васъ, а у насъ, на правомъ флангѣ, всѣ наши дѣла были въ полномъ порядкѣ. А мы опять бѣжимъ.

Если такъ уже плохо у насъ, если нѣтъ снарядовъ, нѣтъ снаряженія, нѣтъ артиллеріи, если у нашего начальства есть увѣренность, что мы не можемъ, въ настоящихъ условіяхъ, бороться съ нѣмцами, то тогда отступали бы ужъ прямо безъ этихъ встрѣчныхъ боевъ и контръ-атакъ, безъ этаго самоуничтоженія и моря крови, а если необходимо все-таки непріятеля задерживать, то выбирали бы для этого позиціи, которыя давали бы намъ хотя преимущество своимъ рельефомъ, своимъ положеніемъ, а не наоборотъ: всѣ преимущества позицій, непременно, сами отдають непріятелю.

Ну чего, скажите пожалуйста, мы полѣзли подъ Радымно?

Я только пожалъ плечами.

— Ну вотъ видите: вы не знаете и я тоже не знаю. А начальство наше, вы думаете, знаетъ? У нихъ предположеніе одно, а выходитъ то совсѣмъ другое. Засадить насъ въ болото и, въ такомъ видѣ, подставить подъ удары, сидящихъ на горныхъ позиціяхъ германцевъ. А теперь мечутся и не знаютъ, что дѣлать я все это, конечно, первымъ дѣломъ отзывается на нашихъ спинахъ.

Если насъ сейчасъ вздумаютъ повернуть обратно, я готовъ не исполнить приказанія.

Мой собесѣдникъ оказался пророкомъ: не больше чѣмъ черезъ часъ послѣ этого разговора, насъ, дѣйствительно, повернули обратно и заставили занять позиціи впереди галиційскаго мѣстечка Краковецъ.

На смѣну 11-й Кавалерійской дивизіи и пластунамъ спѣшно прибылъ цѣлый рядъ нашихъ пѣхотныхъ частей, вмѣстѣ съ артиллеріей, и цѣлый рядъ батарей, невидимо для противника, вытянулся въ грозную

боевую линію, за сплошнымъ высокимъ лѣсомъ. Пѣхота заняла опушку лѣса, обращенную къ неприятелю.

2-я батарея 33-й бригады ушла на новое формирование бригады, а 6-я сводная батарея попала въ распоряженіе начальника 32-й пѣхотной дивизіи.

Въ батареѣ осталось семь орудій. Двѣ разорванныя пушки я отправилъ въ обозъ, находящійся въ мѣстечкѣ Краковецъ, но, къ моему удивленію, черезъ нѣкоторое время эти двѣ пушки вернулись обратно.

— Разрѣшите доложить, В. В., когда мы проѣзжали мимо штаба корпуса, начальникъ штаба остановилъ насъ, спросилъ какой батареи и велѣлъ орудія везти назадъ на позицію. Я доложилъ имъ, что орудія разорваны, но начальникъ штаба закричалъ: все равно, назадъ на позицію.

Послѣ этого доклада, отвозившаго пушки, фейерверкера Денисова, не оставалось ничего больше, какъ отправить ихъ въ обозъ съ наступленіемъ темноты, что я и сдѣлалъ.

Итакъ, въ нашемъ штабѣ царить паника. Хорошаго мало.

*
* *

Широкая поляна за лѣсомъ, декорированная небольшими группами, разбросанныхъ по всей полянѣ, деревьевъ и кустарника. Избушка лѣсника, пріютившаяся среди блестящихъ молодыхъ березокъ, у большого болотца, на которомъ мирно плаваютъ, среди широкихъ зеленыхъ листьевъ, желтыя кувшинки. Мирный уголокъ, дышашій покоемъ, манищій своимъ уютомъ и своей незатѣливой природной красотой.

Хорошо здѣсь, у этого тихаго болотца, растянуться на мягкой зеленой травѣ, дать отдыхъ своему тѣлу, послѣ всѣхъ передрыгъ и волненій послѣдняго времени. И люди пользуются настоящимъ моментомъ — разлеглись, блаженствуютъ.

Подойдешь совѣмъ близко и то сразу не замѣ-

тишь орудій, выглядывающихъ своими жерлами изъ за группы невысокихъ кустовъ, прикрывающихъ фронтъ батарей.

Германская артиллерія стрѣляетъ рѣдкими одиночными выстрѣлами.

— Что-то разрывовъ не слышно, братцы. Стрѣляютъ, а куда неизвѣстно.

— Въ болото бухаютъ бомбы то ихнія. Потому и разрывовъ не слышать, что въ болото. Я намедни былъ въ окопахъ, такъ пѣхотинцы сказывали, что все въ болото садить. И рада же, наша пѣхота, смѣху то что одного. Такъ, говорятъ, сади, чего жалѣть, добро казенное.

Я лежу и прислушиваюсь къ разговорамъ своихъ солдатъ. Кажется такъ бы вѣкъ пролежалъ, не поднимаясь, на этомъ мѣстѣ.

Тамъ, на опушкѣ лѣса, на наблюдательномъ пунктѣ сидитъ Н. А. Тиличевъ, замѣнившій меня на нѣкоторое время, чтобы дать мнѣ отдохнуть. Н. А. Тиличевъ устал и не знаетъ, онъ весь, всей душой, ушелъ въ боевую работу, забывъ свой тяжелый физическій недугъ.

Изъ лѣсу, въ направленіи батарей, показался всадникъ, а за нимъ пѣшій. Видимо не хочетъ отстать отъ всадника, идетъ въ припрыжку. Оба быстро приближаются къ намъ. Всадникъ, — кубанскій казакъ, пѣшій, — нѣмецъ.

— Эй, казакъ, что за нѣмецъ бѣжитъ за тобою?

— А кто его знаетъ? Гдѣ-то присталъ проклятый и не отвяжешься отъ него никакъ. Сказываетъ, что онъ перебѣщикъ, ушелъ отъ своихъ значить. Воевать не охота.

Нѣмецъ, дѣйствительно, перебѣщикъ, — природный пруссакъ, мастеровой изъ Берлина.

Однако германскіе снаряды не всеъ попадаютъ въ болото: гулкое эхо разрыва тяжелой бомбы катится по лѣсу. Надъ деревьями развернулось розовое облачко австрійской шрапнели и тихо поплыло надъ

лѣсомъ. Разрывы слышатся чаще, противникъ усиливаетъ свой огонь.

Тревожный гудокъ телефона:

— Командиръ, атака!

— Открывайте огонь, Н. А., я сейчасъ къ вамъ приѣду.

— Командиръ, артиллеристы снимаютъ свои пункты, — уходятъ. Теперь то и бить, а они все уходятъ. Густо нѣмцы идутъ, — колоннами.

— Два патрона бѣглый огонь!..

Я жду свою верховую лошадь и пока я сажусь на нее и скачу на наблюдательный пунктъ, батарея уже грохочетъ, выпуская сотни снарядовъ.

Справа, слѣва гудко заговорили наши батареи, бѣглый огонь пошелъ по всей нашей артиллерійской линіи. Слава Богу, значить не сняли своихъ пунктовъ командиры батарей, или вернулись обратно, увлеченные или пристыженные примѣромъ Н. А. Тилчеева.

Рядомъ съ нимъ ложусь на землю въ опушкѣ лѣса. Нѣсколько впереди насъ, уже на полѣ, расположена окопанная пѣхота. Винтовки положены на, выкинутую изъ окоповъ, землю, штыки торчатъ навстрѣчу наступающему противнику, который густыми цѣпями и сплошными колоннами, насколько глазъ хватаетъ, покрываетъ поле, отъ линіи своихъ деревень, въ направленіи нашего лѣса. Здѣсь и германцы и австрійцы, рѣзко выдѣляющіеся своимъ голубо-сѣрымъ обмундированіемъ на фонѣ зелено-сѣрыхъ германцевъ. Нещадно бьетъ ихъ наша артиллерія по всему ихъ наступающему фронту. Сотни снарядовъ рвутся въ ихъ рядахъ, валятъ ихъ цѣлыми колоннами, рвутъ на части.

Я лишь наблюдаю бой, представивъ подпоручику Тилчееву расправляться съ противникомъ самостоятельно, давъ ему возможность примѣнить на дѣлѣ весь запасъ накопленныхъ имъ познаній.

Не выдержала пѣхота противника, повернула

обратно и въ паникѣ, бросилась бѣжать, оставляя поле все сплошь покрытое тѣлами убитыхъ и раненыхъ.

Мы не вѣримъ своимъ глазамъ: непріятельская пѣхота встрѣчена огнемъ своихъ собственныхъ батарей. Бѣглымъ огнемъ бьетъ противникъ свою пѣхоту заставляя ее прійти въ себя и вновь идти въ атаку. — поворачиваетъ ее.

Находясь подъ перекрестнымъ огнемъ своимъ и чужимъ, соединенная австро-германская пѣхота опять повернула на насъ.

Въ это время одна изъ нашихъ Сибирскихъ батарей, увлеченная боемъ, безъ зарядныхъ ящиковъ, плохо рассчитавъ моментъ, выскочила впередъ на открытую позицію для преслѣдованія бѣгущаго противника и, разстрѣлявъ небольшой запасъ имѣвшихся въ орудійныхъ передкахъ снарядовъ, попала подъ ударъ, повернувшихъ въ новую атаку, германцевъ. Батарея погибла.

— 6-я батарея! Командиръ корпуса благодарить батарею за работу!

— 6-я батарея! Инспекторъ артиллеріи благодарить батарею за работу!

А батарея, безъ перерывовъ, жестокимъ огнемъ опустошаетъ ряды противника, коситъ ихъ, наваливаетъ груды тѣлъ и сѣро-голубыхъ и сѣро-зеленыхъ.

Вторая атака австро-германцевъ отбита. Пѣхота ихъ разбѣялась, частью сдались нашей пѣхотѣ двѣ роты австрійцевъ, добѣжавшія до окоповъ съ поднятыми вверхъ руками. Ихъ осталось всего 14 человекъ изъ двухсотъ, вышедшихъ сегодня въ атаку.

Бой прекратился и только двѣ германскія шрапнели, какъ бы прощаясь, подъ самый конецъ боя, лопнули какъ разъ передъ нами, осыпавъ меня и Н. А. Тилищева снами своихъ, рѣжущихъ воздухъ, пуль и, какъ ни странно, не причинивъ намъ ни малѣйшихъ раненій.

Гудокъ телефона:

— Сообщить въ штабъ корпуса сколько 6-я батарея, сегодня въ бою выпустила снарядовъ?

— 1200.

— Командиръ корпуса приказалъ сообщить командиру 6-й батареи, что если еще разъ повторится такой чрезмѣрный расходъ снарядовъ, командиръ батареи будетъ немедленно отрѣшенъ отъ командованія батареей.

*
* * *

Непріятель, на нѣкоторое время, оставилъ насъ въ покоѣ и это дало мнѣ возможность заняться осмотромъ своихъ орудій, состояніе которыхъ начало возбуждать во мнѣ сильное безпокойство.

Разрывъ двухъ орудій въ бою у Воли-Залѣсской самъ по себѣ послужилъ крупнымъ поводомъ къ серьезному безпокойству за участь остальныхъ, а когда, въ послѣднемъ бою, разсѣиваніе снарядовъ начало превышать уже всякую норму, появилось опасеніе въ повтореніи катастрофы.

Въ полной исправности оказалось лишь одно первое орудіе, во всѣхъ же остальныхъ обнаружилась, прежде всего, значительная расшатанность всей системы, въ особенности колесъ. Но самую главную непріятность доставили намъ каналы орудій, сплошь покрытые сильными выгарами. Во второмъ и шестомъ орудіяхъ эти выгары оказались настолько значительными, что мы всѣ были сильно удивлены, какъ онѣ выдержали послѣдній бой и не дали разрывовъ. Эти два орудія пришлось тоже отравить въ обозъ и, такимъ образомъ, на батарее осталось всего ихъ пять: три 4-й батареи и два 6-й.

Невдалекѣ отъ 6-й сводной батареи стояли на позиціи четыре полевые гаубицы 1-й батареи 21-го Мортирнаго дивизиона подполковника Николаева. Эти гаубицы, въ послѣднемъ бою, оказались настолько расшатанными, что понорамы въ ихъ гнѣздахъ прихо-

дилось привязывать веревками, такъ какъ иначе, послѣ каждаго выстрѣла, панорамы выскакивали и отлетали назадъ. Эта батарея, послѣ боя, скорѣ была уведена.

* * *

Я получилъ приказаніе перемѣнить позицію, занявъ новую у выступающей прямо назадъ, косы хвойнаго лѣса, послѣ ухода съ этой позиціи одной изъ батарей. Какими причинами было вызвано это перемѣщеніе 6-й батареи, я лично объяснить затрудняюсь, такъ какъ съ обѣихъ позицій, и со старой, и съ новой, неприятель обстрѣливался совершенно одинаково.

Съ большимъ сожалѣніемъ мы разставались съ живописнымъ болотцемъ, покрытымъ желтыми кубшинками, съ уютной избушкой лѣсника, съ тихимъ привѣтливимъ уголкомъ необъятнаго Божьяго міра.

Густая хвоя вершинъ прямыхъ шумливыхъ сосенъ совершенно скрываетъ небольшую походную офицерскую палатку, въ которой, за кипящимъ самоваромъ, мы дѣлимся своими впечатлѣніями о послѣднемъ боѣ, вспоминаемъ моментъ передъ сдачей, объятыхъ ужасомъ, бѣгущихъ съ поднятыми руками австрійцевъ, выраженіе ихъ лицъ, животную радость спасенія въ первый моментъ плѣна.

Пріятная прохлада, навѣянная тѣнью скрывающаго насъ лѣса, легкой, пріятный запахъ цвѣтущихъ травъ, смѣшанный съ запахомъ смолы, все, какъ нельзя больше, гармонируетъ съ нашимъ настроеніемъ, съ тѣмъ состояніемъ, когда усталое тѣло и разгоряченный мозгъ получили, наконецъ, свой желанный покой. Наслаждаясь всѣмъ своимъ существомъ текущимъ моментомъ, мы не замѣтили даже предательскаго треска мотора, кружащагося надъ позиціей батареи, германскаго аэроплана.

Наше настроеніе было прервано рѣзкимъ сухимъ шорохомъ съ свистомъ близко падающаго снаряда и

отвратительнымъ трескомъ разрыва тяжелой германской бомбы. Мы выскакиваемъ изъ лѣса и первое, что бросается намъ въ глаза, это большіе черные кресты на крыльяхъ кружащагося надъ нами аэроплана. Онъ сигнализируетъ: выпускаетъ на воздухъ какіе-то яркіе цвѣтные шарики и, вследъ за этими сигналами, вторая германская бомба взрываетъ землю на самой батарее. Осколки бьютъ по орудіямъ, одинъ изъ зарядныхъ ящиковъ горитъ. Изъ пробитыхъ дверецъ ящика валитъ дымъ.

Одна общая мысль овладѣла мозгомъ, какъ бы прикованныхъ къ мѣсту, застывшихъ людей: сейчасъ будетъ взрывъ.

Молодой фейерверкеръ 4-й батареи бросается къ горящему ящику. Въ одинъ моментъ сбрасываетъ на землю, привязанные къ ящику, горящіе шинели и ранцы, откидываетъ дверцу короба ящика и выкидываетъ вонъ лотки съ горящимъ порохомъ внутри пробитыхъ снарядныхъ гильзъ.

Неминуемая опасность ликвидирована. Новый Георгіевскій Кавалеръ украсилъ собою ряды 4-й батареи.

Аэропланъ все кружится и все сигнализируетъ. Германскія бомбы бьютъ по лѣсу, въ которомъ скрываются люди батареи и заставляютъ всѣхъ насъ, оставивъ лѣсъ и батарею, отойти подальше въ сторону. Когда бомбардировка кончилась и мы вернулись назадъ, мы нашли два трупа: старшаго телефониста фейерверкера Безмѣнова, убитаго у телефоннаго ровика, и ѣздового, знахаря, фейерверкера Болтова, убитаго у протекающей здѣсь рѣчки, вмѣстѣ съ парой своихъ красавцевъ вороныхъ жеребцовъ, которыхъ онъ въ это время, велъ на водопой.

Вечеромъ 6-я сводная батарея вернулась на старую свою позицію, къ болотцу съ желтыми кувшинками. Я донесъ въ штабъ дивизіи, что сдѣлалъ это только по необходимости, чтобы избѣжать дальнѣй-

шихъ ненужныхъ потерь, вълѣдствіи возможнаго новаго обстрѣла батареи.

* * *

Непріятель все еще воздерживается отъ энергичнаго нажима на насъ. Хотя, время отъ времени, обстрѣливаетъ рѣдкимъ огнемъ наше расположеніе. Мы тоже такимъ же образомъ, рѣдкимъ огнемъ отвѣчаемъ ему и, въ теченіи четырехъ послѣдующихъ сутокъ, два орудія сводной батареи, изъ за окончательной ихъ расшатанности и угрозы разрыва стволовъ, пришлось опять отправить въ обозъ, какъ совершенно непригодныя къ дальнѣйшей боевой работѣ. Эти орудія начали уже давать частые, преждевременные разрывы снарядовъ, сейчасъ же послѣ вылета ихъ изъ канала орудій.

Я отправился въ штабъ корпуса.

— Съ чѣмъ вы пріѣхали, подполковникъ? Спросилъ меня, не очень ласково начальникъ штаба.

— В. П., я пріѣхалъ доложить вамъ о совершенной непригодности 6-й сводной батареи, которой и имѣю честь командовать, къ дальнѣйшей боевой работѣ.

Начальникъ штаба не далъ мнѣ докончить своего доклада.

— Нужно же кому нибудь работать. Одинъ не хочетъ, другой не желаетъ. Кто же будетъ работать, господа?

— В. П., у меня на позиціи изъ 9-ти осталось только 3 орудія, да и тѣ уже почти совершенно не годны. Я ничего не докладываю вамъ о физической и моральной усталости личнаго состава, ни о рваной, кое какъ связанной веревками, конской аммуниціи, ни о другихъ неисправностяхъ, нуждающихся въ устраниеніи, и нуждахъ батареи, не выходявшей изъ боевъ со времени отступленія изъ Карпатъ. Но мы представляемъ изъ себя для корпуса, въ настоящее время, совершенно бесполезный балластъ и больше ничего.

— Я не буду съ вами спорить, подполковникъ. Кто нибудь долженъ работать. Досвиданія.

Итакъ я уѣхалъ ни съ чѣмъ.

На утро мы получили телефонограмму.

— 6-й сводной батареѣ отправиться немедленно на соединеніе со своей дивизіей, находящейся въ настоящее время въ районѣ мѣстечка Спичава.

*
*
*

Мы не идемъ вдоль фронта. Наша задача не только присоединиться къ своей дивизіи, но прибыть туда боеспособными, замѣнивъ по дорогѣ свои негодныя орудія новыми и потому, запасясь отъ инспектора артиллеріи XXI-го корпуса необходимыми документами, мы углубляемся нѣсколько въ тылъ.

Замѣна орудій сильно тормозитъ наше движеніе, но, въ концѣ концовъ, мы съ успѣхомъ выполняемъ нашу задачу и наша сводная батарея распадается на двѣ шести-орудійныя батареи: 4-ю и 6-ю.

Какъ мы всё себя чувствуемъ во время этого похода?

Отлично. Насъ никто не гонитъ, ничто не угрожаетъ намъ. Мы двигаемся вполне спокойно, отдыхаемъ сколько нужно, хорошо спимъ, хорошо питаемся. Мѣста, по которымъ мы идемъ, войной не разорены, селенія живутъ полною жизнью. По ночамъ мы не видимъ зарева пожаровъ.

Бѣлыя акаціи въ цвѣту. Большія, старыя деревья, покрытыя густыми гроздьями этихъ цвѣтовъ, окаймляютъ дорогу, ведущую къ небольшой помѣщичьей усадьбѣ.

Какой сильный запахъ. Онъ будитъ въ груди какія-то заснувшія чувства, поднимаетъ изъ глубины души давно забытыя впечатлѣнія, воспоминанія. Другая жизнь чудится, другіе люди, другія событія.

Да полно, — развѣ была когда нибудь эта другая жизнь, такая прекрасная, совсѣмъ не похожая на ту, которою мы сейчасъ живемъ? А если была, то поче-

му мы въ то время, такъ мало цѣнили ее? Почему памъ теперь такъ милъ даже этотъ нашъ походъ, проходящій внѣ сферы разрывовъ снарядовъ, свиста пуль и воя осколковъ?

Розы.. Какая масса розъ всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Усадьба пуста, заколочены окна, забиты досками двери помѣщичьяго дома.

Меня догоняетъ отставшій развѣдчикъ съ громаднымъ букетомъ розъ въ рукахъ.

— В. В., розы. . .

Да, розы. Но что мнѣ дѣлать съ этимъ букетомъ?

Я прикрѣпляю его къ холкѣ своей лошади и люблюсь сочетаніемъ цвѣтовъ нѣжныхъ, душистыхъ лепестковъ. Я оглядываюсь назадъ на батарею, вытянувшуюся длинной цѣпью упряжекъ, орудій и зарядныхъ ящичковъ. Я вижу розы въ рукахъ своихъ офицеровъ и солдатъ. Видимо всѣхъ за живое задѣли онѣ, у всѣхъ пробудили чувства другія, не тѣ которыми мы жили все наше долгое военное время.

Розы остались сзади. Мы давно прошли уже эту цвѣтущую усадьбу. Новое впечатлѣніе заставляетъ насъ, на время забыть наши розы: мы встрѣтили партію плѣнныхъ германцевъ, конвоируемую конными донскими казаками. Казачьи лошади идутъ привычнымъ «стротомъ», аллюромъ среднимъ между шагомъ и рысью. Плѣнные должны поспѣвать, конвоиры казаки не хотятъ считаться съ физическимъ состояніемъ этихъ людей, съ ихъ усталостью. Для нихъ плѣнные, хотя и безоружные и безвредные, все равно враги, а потому ихъ и жалѣть нечего.

Плѣнные почти бѣгутъ, несмотря на крайнюю усталость, мучительно отраженную въ ихъ лицахъ. Въ особенности меня поразило лицо, идущаго впереди, германскаго унтеръ-офицера: это уже не лицо, — это олицетворенное страданіе. Онъ какъ-то неравномѣрно и странно выкидываетъ впередъ свои одеревенѣлыя ноги и кажется, что онъ сейчасъ упадетъ, и,

навѣрное, онъ непременно узналъ бы, если бы только, какъ разъ въ это время, вся команда остановилась бы на отдыхъ.

Мы прошли мимо.

* * *

Мы присоединились къ своей дивизіи на Санѣ, у большого села Цеплице. Въ самомъ селѣ мы нашли только штабъ дивизіи. Полки-же и, находящіяся при нихъ, 1-я и 3-я батареи стояли, на позиціяхъ на самой рѣкѣ, противоположный берегъ которой былъ занятъ австрійцами.

Новый начальникъ дивизіи генераль Ваденшернъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо и прежде чѣмъ послать на позицію, поставилъ насъ на двое сутокъ въ резервъ, чтобы мы могли, послѣ нашего похода, хорошенько отдохнуть.

Здѣсь мы узнали, что мы вошли въ составъ 3-го Кавказскаго корпуса и что 2-я и 5-я батареи уже вновь сформированы. Въ командованіе 5-й батареей, вмѣсто попавшаго въ плѣнъ подполковника А. В. Васильева, вступилъ капитанъ М. А. Гофманъ.

Странное существо человѣкъ: давно ли мы радовались, удаляясь отъ фронта, отъ постоянной опасности, а между тѣмъ, когда мы снова подошли къ фронту, мы опять радуемся, что попали въ привычную сферу, въ кругъ давно знакомыхъ, родныхъ частей своей дивизіи. Долетающіе до насъ звуки недалекихъ разрывовъ, свои отвѣтные орудійные выстрѣлы, вся эта постоянно тревожная обстановка представляется намъ уже необходимымъ дополненіемъ къ нашей обычной жизни и кажется, что ничего необыкновеннаго или ненормальнаго въ этой нашей жизни нѣтъ: все въ порядкѣ вещей.

Мы — офицеры размѣстились въ домѣ стараго уніатскаго священника, принявшаго насъ очень ласково. Онъ отвелъ намъ въ своемъ домѣ лучшія комнаты и, чѣмъ только могъ, старался быть намъ полезнымъ.

Старый священникъ разсказалъ намъ, что второй уже разъ онъ встрѣчаетъ, въ своемъ домѣ, русскихъ офицеровъ, которыхъ считалъ своими родными, близкими по крови. Когда, въ первый разъ, русскіе, во время своего наступленія, проходили черезъ село, онъ сильно боялся за свою церковь, на постройку которой всю свою жизнь собиралъ деньги и, только передъ самой войной, эта завѣтная его мечта осуществилась и . . . — представьте себѣ мое состояніе, мой ужасъ, — разсказывалъ дальше онъ, — когда отступающіе австрійцы, у самой церкви, поставили свою батарею. Но Богъ спасъ мое дѣтище, мою церковь въ полной сохранности: ни одинъ осколокъ, ни одна пуля не тронули ее.

Старый священникъ показавъ намъ свою церковь, съ какой-то особенной любовью и радостью, обращая наше вниманіе на каждую мелочь. Справа, у самой церкви, фронтомъ къ наступающимъ нашимъ войскамъ, до сихъ поръ сохранились еще окопы 4-хъ орудійной батареи.

Мы на позиціи: густая опушка старой березовой рощи скрываетъ орудія отъ глазъ противника не только спереди, но и сверху. Скрываетъ и то, что дѣлается въ лѣсу. Мы совсѣмъ невидимы, но поставить орудія здѣсь было очень трудно. Хорошо, если мы будемъ отступать спокойно, а если придется слѣшить? 6-я батарея вѣритъ въ свое боевое счастье и потому о послѣднемъ не беспокоится.

Влѣво отъ батарей, въ лѣсу, въ резервѣ, стоитъ 2-й полкъ. Полкомъ временно командуетъ мой другъ полковникъ Ермолаевъ. Пользуясь свободнымъ временемъ, я отправился навѣстить полкъ, котораго давно не видѣлъ. Офицеры полка сейчасъ же меня окружили. Здѣсь были и старые мои боевые соратники, мои старые друзья, но большинство было новыхъ, которыхъ я еще не зналъ.

Порѣдѣли ряды старыхъ офицеровъ, многихъ изъ нихъ уже мнѣ не пришлось увидѣть: кровь свою, жизнь отдали они своей Родинѣ, выполняя свой долгъ передъ Нею.

Отъ Карпаты и до Сана разбросаны ихъ безвѣстныя могилы.

Но ни время, ни люди, никто не сможетъ уничтожить ихъ Славы, ихъ Доблести и ихъ высокой Офицерской Чести, которую, безъ единого пятнышка, съумѣли они донести до своихъ преждевременныхъ могилъ.

Шуршать отъ легкаго вѣтра листья березъ, сплошнымъ кольцомъ окружающихъ лѣсную поляну, на которой, по свѣжей зеленой травѣ, разстланы скатерти. Вѣстовые, въ тарелкахъ, разносятъ горячіе щи. Въ растяжку, лежа обѣдаютъ офицеры, идутъ шумные разговоры, рассказы, воспоминанія о совмѣстныхъ бояхъ 6-й батареи съ полкомъ.

2-й полкъ завтра смѣняетъ 4-й, находящійся на самомъ берегу Сана, въ окопахъ. Полковникъ Ермолаевъ предлагаетъ мнѣ, послѣ обѣда, отправиться въ окопы, осмотрѣть наши позиціи и познакомиться съ расположеніемъ непріятели.

— Вы навѣрное не успѣли еще тамъ побывать?

— Да, еще не былъ.

— Ну и отлично. Я вѣдь тоже тамъ еще не былъ.

Послѣ обѣда, мы съ нимъ вдвоемъ, спустились изъ лѣса къ дугу, изпещренному ярко-красными пятнами растущаго, въ изобиліи, на немъ Краснаго мака. Мы пошли по дугу, напрямикъ, и, только пройдя нѣкоторое разстояніе сообразили что мы совершенно открыты и представляемъ изъ себя для австрійцевъ прекрасную цѣль и чѣмъ ближе мы подвигаемся къ окопамъ, тѣмъ выстрѣлы австрійцевъ будутъ вѣрнѣе. Итти же намъ надо довольно долго и, сидящіе на своемъ берегу, выше насъ, австрійцы могутъ разстрѣливать насъ сколько угодно.

Тѣмъ не менѣе полковникъ Ермолаевъ ни однимъ словомъ не обмолвился о положеніи, въ которое мы попали, изъ чувства своей офицерской гордости продолжалъ идти медленнымъ шагомъ и, какъ бы нарочно затягивая наше движеніе, то и дѣло нагибался и срывалъ въ букетъ красные маки.

Я тоже сталъ рвать маки, считая неудобнымъ высказать ему свои опасенія и, такимъ образомъ, мы тихо подвигались къ окопамъ, разговаривая о совершенно постороннихъ вещахъ. Когда же, наконецъ, мы совершенно благополучно достигли своей цѣли, то взглянули другъ на друга въ глаза и сразу расхохотались. Въ рукахъ у насъ красовались громадныя красныя букеты, которые мы сейчасъ же выбросили.

Черезъ нѣкоторое время мы отправились обратно, но уже кружнымъ скрытымъ, путемъ, взявъ изъ 4-го полка солдата — проводника.

— Да, — сказала старый полковникъ подѣ конецъ этой нашей прогулки, — что кому на роду суждено, того никакъ и никогда не избѣгнешь. Повѣрите-ли, въ Японскую войну ружейная пуля ударила меня въ середину лба и вышла въ затылокъ, прострѣливъ мою голову насквозь. А вотъ я же выжилъ и совершенно здоровъ, хотя, знаете, это можетъ быть по пословицѣ: глупую голову и пуля не беретъ.

*
* *

Блѣдное раннее утро постепенно заливаешь своимъ тихимъ свѣтомъ березы нашего лѣса. Надъ широкимъ, впереди лежащимъ лугомъ поднимается густой бѣлый паръ, медленно вырастающій къверху. Вотъ онъ уже затянулъ тусклыя пока полосы занимающейся, на востокѣ, зари.

Въ лѣсу мокро, — все отсырѣло, даже стоящія въ кустахъ орудія покрыты, какъ бисеромъ, мелкими каплями влаги.

Несмотря на слишкомъ ранній часъ, на батареѣ

всѣ уже встали. Какое-то общее тревожное настроеніе подняло на ноги всю батарею. Всѣ чего-то ждутъ.

Выстрѣлъ. . . Сухимъ трескомъ пронесся оупъ по бѣлой целинѣ и отозвался, затыжнымъ эхомъ, глубоко въ нашемъ лѣсу.

Опять выстрѣлъ. . . Влѣво застучалъ пулеметь, ружейные выстрѣлы. — наши сухіе, глухіе — австрійскіе.

Гудокъ телефона:

— Наша пѣхота отстунаетъ.

Почему отстунаетъ наша пѣхота? Нажали ли вдругъ австрійцы или же сами отходимъ вслѣдствіи неожиданно полученнаго приказанія?

Влѣво сильная ружейная перестрѣлка, видимо тамъ отстунленіе нашей пѣхоты проходитъ не совсѣмъ гладко.

— 6-й батареѣ прикрыть отходъ нашей пѣхоты.

Зачѣмъ отдавать такія приказанія? Само собой разумѣется, что мы не бросимъ свою пѣхоту на произволь судьбы, но, въ настоящее время, никакой поддержки пока не требуется: артиллерія противника молчитъ, передъ фронтомъ батареи боя не слышно, если не считать рѣдкихъ отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Стоявшій въ лѣсу, въ резервѣ, 4-й полкъ проходитъ мимо батареи.

— 6-я батарея, пора уходить!.. Непрiятель уже подходитъ. 2-й полкъ отстунаетъ влѣво, передъ фронтомъ никого не остается.

Наша сосѣдка, батарея 20-й артиллерійской бригады, покинула позицію.

Я передаю по телефону въ штабъ дивизіи:

— Фронтъ нашей пѣхотой очищенъ. Резервный 4-й полкъ отстунилъ. Прошу разрѣшенія уйти съ позиціи.

Получаю отвѣтъ:

— Ваши свѣдѣнія не точны: впереди васъ нахо-

дится 2-й полкъ и наша батарея на его отвѣтственности. Не волнуйтесь.

Влѣво ружейная стрѣльба усиливается. Передъ фронтомъ батареи полная тишина. Туманъ рѣдѣетъ и въ немъ вдали вырисовывается какая-то пѣхотная колонна. Неужели австрійцы?

Нѣтъ, это наши. По штыкамъ видно, что наши. На всякій случай передки подведены къ орудіямъ. Пѣхота подходит ближе.

А вѣдь это 1-й баталіонъ нашего 2-го полка. Я узнаю командира баталіона капитана А. М. Купрюхина.

— 6-я батарея еще на позиціи? Скорѣе уходите, австрійцы сейчасъ будутъ здѣсь.

— А гдѣ вашъ полкъ?

— Влѣво. Слышите бой? Это нашъ полкъ отбивается отъ насѣвшихъ австрійцевъ. Мы оторвались отъ полка въ туманѣ. Уходите скорѣе.

Батарея, съ трудомъ, начинаетъ сниматься съ позиціи. Баталіонъ поворачивается къ противнику. Три роты разсыпаются въ цѣль, четвертая становится въ резервѣ, на правомъ флангѣ батареи. Батарея благополучно скрывается въ лѣсу, съ приказаніемъ остановиться и ждать меня за селомъ. Баталіонъ сворачивается и уходитъ.

Сквозь порѣдѣвшій туманъ виднѣются сѣро-голубые австрійцы.

Вдвоемъ съ телефонистомъ я стою въ опушкѣ лѣса у телефоннаго аппарата.

Въ лѣсу трубачъ держитъ трехъ лошадей.

Я подношу трубку телефона къ губамъ:

— Штабъ дивизіи, въ какомъ положеніи дѣло?

— Не опасайтесь: впереди васъ еще цѣлый полкъ. А 6-я батарея прикрываетъ ли, своимъ огнемъ, отступленіе нашей пѣхоты?

— Да, прикрываетъ.

Сѣро-голубыя волны все приближаются. Мы сняли телефонный аппаратъ, сѣли на лошадей и уѣхали. Телефонный проводъ пришлось бросить.

Лѣсъ занять австрійской пѣхотой, вытѣяющейся перейти въ наступленіе. Поле совершенно открыто, они несутъ значительныя потери и продвинуться впередъ имъ никакъ не удастся.

Къ несчастью мы не можемъ, въ настоящее время, развить ту силу огня, на которую рассчитываетъ наша пѣхота: у насъ ограниченное количество снарядовъ и, сдерживая напоръ непріятели, ихъ надо растянуть до вечера. Вечеромъ мы отступимъ.

Въ маленькомъ ровикѣ, вырытомъ на одномъ изъ песчаныхъ бугровъ, посреди хлѣбнаго поля, я наблюдаю за боемъ. Рядомъ такой-же ровикъ штаба 4-го полка. Въ настоящее время тамъ, кромѣ Командира полка и его адъютанта, находится еще полковой священникъ, никогда не покидающій полкъ на боевыхъ позиціяхъ. Мы уже привыкли къ его нѣсколько комичной фигурѣ, безъ рясы, въ защитнаго цвѣта солдатскихъ штанахъ и рубахѣ, съ длинными, развѣвающимися по вѣтру волосами и длинной бородой.

— Сегодня что то слабо насъ поддерживаетъ наша артиллерія, — говоритъ Командиръ полка.

— Снарядовъ нѣтъ.

— Да, это вѣрно. Вы знаете, одинъ изъ Командировъ Гренадерскихъ батарей послалъ донесеніе, что у него осталась всего одна шрапнель. Что дѣлать. Начальникъ штаба корпуса отвѣтилъ: наклеить на нее ярлыкъ, написать: «послѣдняя» и отправить въ Москву въ музей.

Австрійскія гранаты начали бить по нашему бугру. Онъ видимо сильно заинтересовалъ австрійскихъ артиллеристовъ. Штабъ полка рѣшилъ перейти въ другое мѣсто, не желая подвергать себя напрасной опасности. Землянка опустѣла и какъ разъ вовремя: австрійская граната влетѣла въ самую землянку, разорвалась, обрушила ее и наполнила тѣмъ дымомъ мой сосѣдній ровикъ.

Попытки австрійцевъ перейти въ наступленіе прекратились. Они какъ будто рѣшили ждать, когда мы сами отступимъ. Тѣмъ не менѣе они продолжали усиленно обстрѣливать наше расположеніе.

Мимо насъ пронесли на носилкахъ, смертельно раненаго, старшаго офицера 1-й батареи капитана Мингина. Блѣдное, совершенно мертвое лицо и только рѣсницы чуть чуть вздрагиваютъ. Онъ безъ памяти и даже не стонетъ. Стало меньше однимъ храбрымъ и дѣльнымъ артиллеристомъ, вотъ и все. Чья теперь очередь?

Сумерки прекратили перестрѣлку и мы отошли назадъ къ деревнѣ Слобода, оставивъ австрійцамъ большое, гостепріимное село Цеплице.

* * *

Мы знаемъ повадки непріятеля и поэтому нисколько не заботимся о томъ, что онъ будетъ насъ сейчасъ преслѣдовать. Мы спокойно отходимъ, сколько намъ надо, останавливаемся, ставимъ свои походныя палатки, раздѣваемся и спимъ. Непритель подойдетъ только утромъ и, къ этому времени, мы всегда успѣемъ подготовиться, чтобы его встрѣтить. Все равно, австрійцы ли это или германцы. Первые переняли у вторыхъ ихъ наступательную тактику и только въ рѣдкихъ случаяхъ нарушаютъ ее.

* * *

Маленькая галиційская деревенька Слобода расположена на ровной мѣстности, кое гдѣ пересѣченной небольшими перелѣсками. Отъ самой деревни, къ непріятелю, тянется большое поле, покрытое растущимъ хлѣбомъ, уже превышающимъ ростъ человѣка.

Цѣпи нашего 2-го полка скрываются въ густо растущемъ хлѣбѣ и, время отъ времени, до насъ доносятся рѣдкія щелканія ихъ выстрѣловъ.

Я озабоченъ отысканіемъ точки, съ которой я могъ бы видѣть хоть какъ нибудь расположеніе не-

пріятеля, занимающаго окраину деревни Цеплище, но такой точки я нигдѣ не могу найти. Крыши избъ нашей деревеньки слишкомъ низки, высокихъ деревьевъ нѣтъ совсѣмъ, мѣстность слишкомъ ровная, впереди растущій хлѣбъ совершенно скрываетъ видимый горизонтъ.

Н. А. Тилшесвъ повелъ проводить куда то впередъ въ пѣхотную линію. Иду къ нему по его проводу. Вотъ и пѣхота окопалась въ растущемъ хлѣбѣ и передъ собой ничего не видитъ. Только одинъ шелестъ хлѣба и выставленные впередъ рѣдкіе секреты могутъ выдать продвигающагося противника.

Проводъ идетъ дальше черезъ пѣхотные окопы и, наконецъ, на самомъ краю хлѣбнаго поля, я замѣчаю своего Н. А., въ одиночествѣ, сидящаго съ телефоннымъ аппаратомъ, подъ ружейнымъ огнемъ какъ чужихъ, такъ и своихъ.

— Н. А., развѣ можно выкидывать такіе номера? Уходите отсюда хотя бы на линію нашей пѣхоты.

— А что я тамъ увижу? И здѣсь-то сидя видишь передъ собой только небольшой кусочекъ, а въ хлѣбѣ я буду совершенно безполѣзенъ. Я очень прошу васъ разрѣшить мнѣ здѣсь остаться.

— Да вѣдь мало того, что вы рискуете быть убитымъ своей же пулей, васъ тутъ легко могутъ захватить въ плѣнъ.

— А развѣ можно на войнѣ не рисковать?

Я разстался съ Н. А., взявъ съ него слово быть крайнѣ осторожнымъ и, при первомъ намекѣ на опасность, немедленно вернуться назадъ.

Итакъ никакія наблюденія невозможны, надо дѣйствовать какъ нибудь иначе.

Я соединяю свою 6-ю батарею съ 4-й, нѣсколько разворачиваю вѣрѣ этой 12-ти орудійной батареи и получаю огневую завѣсу около 150 саженой шириною.

Кусты, въ которыхъ стоятъ орудія, и впереди раскинувшаяся деревушка скрываютъ совершенно ба-

тарею. Три выпущенныхъ снаряда, скорректированные Н. А. Тиличевымъ, вполне опредѣлили рубежи до села, занятаго непріятелемъ, и до границы хлѣбнаго поля, занятаго нашей пѣхотой.

У въѣзда въ деревню сложенъ штабель крупныхъ тесаныхъ бревенъ. Отличное прикрытіе отъ пуль для насъ съ командиромъ 4-й батареи Л. Н. Карабановымъ. Конечно, если попадетъ сюда тяжелый снарядъ, то хорошаго будетъ мало, но тяжелой артиллеріи у австрійцевъ пока мы не замѣтили. Мы садимся спинами къ бревнамъ: къ встрѣчѣ непріятели мы подготовились.

Розовые дымки австрійской шрапнели шарятъ по хлѣбу, уже нащупываютъ нашу пѣхоту, но результаты этаго обстрѣла не велики. Шрапнели раскидываются по всему полю: противникъ стрѣляетъ наугадъ и безъ всякой системы.

— Командиръ, вы слышите меня? Командиръ, у церкви, на старомъ мѣстѣ, гдѣ показывалъ священникъ, опять стоитъ батарея. Она стрѣляетъ по нашей пѣхотѣ, — передаетъ, по телефону, взволнованнымъ голосомъ, Н. А. Тиличевъ.

Что дѣлать?.. Бить батарею? А церковь — цѣль жизни, дѣтище милаго стараго священника? Пусть себѣ стрѣляетъ батарея. Отъ ея огня вреда немного, а вечеромъ мы все равно отступимъ.

Я вырвалъ листокъ бумаги изъ полевой книжки и написалъ:

— Отецъ, у вашей церкви опять стоитъ австрійская батарея. Мы ее видимъ, но боясь повредить вашъ Святой Храмъ, мы оставляемъ эту батарею въ покоѣ. Ваши бывшіе гости, русскіе офицеры — артиллеристы.

Эту записку я вручилъ старику крестьянину изъ деревни Слобода, вызвавшемуся передать ее священнику, послѣ нашего отхода.

Н. А. Тиличевъ слышитъ слѣва отъ себя шорохъ: человекъ десять австрійскихъ развѣдчиковъ пробираются въ нашу сторону, между нимъ и нашей

цѣбною. Они скрываются въ густомъ хлѣбѣ и, встрѣченныя нашимъ ружейнымъ залпомъ, бѣгутъ обратно мимо Н. А., его не замѣчая. Схвативъ телефонный аппаратъ Н. А. Тиличевъ, согласно данному мнѣ слову, возвращается на батарею.

— Ну и слава Богу, Н. А. Увѣрю васъ, что вы тамъ сейчасъ совершенно бесполезны.

*
* *

Розовые дымы австрійскихъ шрапнелей все чаще и больше появляются надъ, колеблющимся отъ легкаго вѣтра, хлѣбнымъ полемъ.

Сначала рѣдкіе, одиночные ружейные выстрѣлы постепенно учащаютъ свой темпъ. Къ нимъ присоединяется характерное туکانіе австрійскихъ пулеметовъ. Ружейныя пули, съ тихимъ свистомъ, какъ пчелы, рѣжутъ воздухъ, залетаютъ и къ намъ и, съ какимъ-то хлюпающимъ звукомъ, то и дѣло впиваются въ защищающія насъ сухія бревна. Ясно, что противникъ готовится къ атакѣ.

Мы выжидаемъ.

Изъ второго полка гудитъ телефонъ:

— Противникъ атакуетъ! . .

— Въ какомъ мѣстѣ?

— 2-й баталіонъ.

Я поворачиваю вѣеръ 12-ти орудійной батареи влево.

На участкѣ 2-го баталіона, бѣлый дымъ разрывовъ заволокъ все пространство между хлѣбомъ и селомъ Цеплице. Онъ все сгущается, сплошной пеленой осѣдаетъ внизъ, рѣзкими, крупными искрами вспыхиваютъ въ немъ новые и новые разрывы снарядовъ.

— Атака отбита! . .

Около часу проходитъ въ полной тишинѣ. Наша пѣхота отходитъ.

— В. В., пакетъ:

— Бригадѣ собраться у одинокаго домика, на шоссе.

*
*
*

Одна за другой подходят батареи бригады къ сборному пункту и останавливаются. Усталые люди слѣзаютъ съ лошадей и кучками усаживаются по обочинамъ дороги. Лошади дремлютъ.

Я захожу въ калитку небольшого садика и тоже сажусь на землю. За мной трубачъ вводитъ туда-же нашихъ лошадей. . .

Я просыпаюсь отъ толчка въ бокъ.

— Эй, кто здѣсь валяется?

Сумерки. Около меня стоитъ какой-то пѣхотный солдатъ. Я вскакиваю на ноги и оглядываюсь. На шоссе никого нѣтъ. Мой трубачъ, сидя, спитъ глубокимъ сномъ, въ рукахъ у него поводья двухъ нашихъ лошадей, тоже какъ будто спящихъ.

— Гдѣ бригада?

— Не могу знать.

— А ты что здѣсь дѣлаешь?

— Ноги поднатерлись, отсталъ.

Я разбудилъ трубача и, захвативъ съ собой на сѣдло отсталого нашего спасителя, мы рысью пустились догонять ушедшую сонную бригаду.

7. Отступленіе по русской территоріи.

Прощай, Галиція! Сожженные села, измятыя поля, изрытая снарядами почва, политая потоками, рѣками русской крови, вся покрытая безчисленными холмиками безвѣстныхъ русскихъ могилъ.

Прощай Галиція! Воплями, стопами, проклятьями, слезами насыщенъ твой воздухъ. Надежды, радость, величіе души, сверхчеловѣческіе геройскіе подвиги: сколько пережито, перечувствовано!

Небольшая равнинная рѣчка вьется по дугамъ, среди перелѣсковъ. Лучи солнца отражаясь въ ея свѣтлыхъ водахъ, играютъ цвѣтными зайчиками на блестящей ея поверхности. Чистой изумрудной зеленью раскрашены листья, нависшихъ надъ водою кустовъ.

Вьется, бѣжитъ весело рѣчка, увлекаетъ за собой наши взоры куда-то вдаль, туда, гдѣ мы еще не были, гдѣ легкое ажурное облачко далекаго неба купается, свѣсившись, въ свѣжей влагѣ, блестящей на солнцѣ рѣчки.

Это рѣка Таневъ: за сѣной у насъ Галиція, впереди Россія.

Мы перешли Таневъ и вступили на родную почву. Впереди виднѣтся деревня куда посланы уже наши квартиреры. Вскорѣ они возвращаются.

— Разрѣшите доложить, В. В., квартиры хорошия. Избы большія, свѣтлыя, сразу видно, что это наша Россія, а не ихъ Галиція съ курными «халупа-

ми». И народъ, В. В., совѣмъ другой: попросили молока, потому жарко, такъ сейчасъ же во какихъ два горлача притащили. Пейте, говорятъ на здоровье. И денегъ не берутъ, не то, что галиційскіе паны: попросишь что, такъ сейчасъ же плакаться начинаютъ, что и ничего у нихъ нѣтъ и дѣти у нихъ голодные, и самимъ то жрать нечего, только рукой махнешь бывало. А бабы ихнія сейчасъ и въ ревъ, до какъ заголосятъ, какъ будто ихъ рѣжутъ, ну конечно изъ избы и бѣжишь куда попало, лишь бы воя ихъ бабьяго этаго не слышать. А тутъ нѣтъ: и голубчики, и родные. Совѣмъ другая страна, а вѣдь только рѣчку одну переѣхать.

*
* *

Квартиры, вѣрно, хорошія и хозяева привѣтливые. Ёсть хочется. — попросили кислаго молока. Молодая хозяйка, съ улыбкой во всю ширь румянаго лица, принесла громадную миску съ молокомъ и, большими ломтями, нарѣзанный свѣжій ржаной хлѣбъ. Ёли впятеромъ и не могли никакъ осилить всей миски. И вѣрно, не хотятъ брать денегъ:

— Пусть лучше свои съѣдятъ на здоровье, чѣмъ завтра нѣмцы прійдутъ и все слопаютъ окаянныя.

Размѣстились хорошо: орудія скрылись въ густыхъ заросляхъ кустарника, лошади въ лѣсной тѣни, люди по избамъ деревни. Офицеры расположились въ избѣ, а я, вдвоемъ, съ Н. А. Тиличевымъ, въ небольшомъ сѣнномъ сараѣ.

Хорошо, послѣ многихъ дней случайнаго сна, улечься на чистую простыню, оправленную на разставленной походной кровати. Пахнетъ свѣжимъ сѣномъ, усталые глаза смыкаются сами, чудятся милые образы далекой домашней обстановки. Засыпаешь крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ и не просыпаешься до самаго утра, когда свѣтлая пятна, отъ яркихъ лучей утренняго солнышка, проникаютъ черезъ дыры и щели, прикрытыхъ на ночь, воротъ и медленно движутся, измѣняя

свои очертанія, по полу, по одѣяду, заползаютъ тебѣ на лицо. Прищуривъ глаза и смотришь на эти горящія пятна и видишь, какъ мелкая пыль, стоящая въ воздухѣ, окрашивается въ яркіе цвѣта солнечнаго спектра.

Ворота, со скрипомъ, растворяются и цѣлый снопъ свѣта сразу врывается въ полутемный сарайчикъ.

— В. В., чай будешь пить? Самоваръ давно уже вскипѣлъ, — какъ всегда фамиллярно, заявляетъ мой деньщикъ, скуластый, бѣлобрысый вотякъ Милигаліевъ.

— Хорошо, Миша, скорѣй тащи воды умываться.

Н. А. Тиличеева уже давно нѣтъ въ сараѣ. Ему не терпится познакомиться съ новымъ расположеніемъ своихъ и австрійцевъ. Онъ уже гдѣ-то бродитъ въ пѣхотныхъ окопахъ.

Какіе то одиночные австрійцы изрѣдка появляются изъ еле нарытыхъ кое-гдѣ окоповъ на томъ берегу. Наша пѣхота говоритъ, что у нихъ тамъ, на фронтѣ нашей дивизіи, всего лишь одинъ баталіонъ, да и тотъ составленъ изъ стариковъ и инвалидов какого-то глубокаго резерва. Командуетъ ими даже не офицеръ, а какой-то старый врачъ изъ отставки. Можетъ быть и такъ, кто ихъ знаетъ? Во всякомъ случаѣ они насъ несколько не беспокоятъ, а сами насъ безумно боятся: по ночамъ все время пускаютъ освѣтительныя ракеты, совсѣмъ какъ въ былое время, подъ Перемышлемъ.

Стрѣльбы нѣтъ совершенно, развѣ только какойнибудь изъ нашихъ болѣе рьяныхъ солдатъ, для острастки, пуститъ въ ихъ сторону одинокую пулю. Прозвучитъ въ воздухѣ рѣзкій винтовочный выстрѣлъ и постепенно затихнетъ вдали.

*
* *

Ясное утро. На наблюдательномъ пунктѣ, въ опушкѣ лѣса, собирались офицеры батареи.

На фронтѣ полная тишина, непрерываемая ни однимъ звукомъ, характеризующимъ военное время. Офицеры разлеглись на травкѣ и ведутъ разговоры.

— Господа офицеры, будьте добры указать мнѣ, гдѣ находится землянка командира 4-го баталіона 1-го полка? — Саперный поручикъ вѣжливо приложилъ руку къ козырьку фуражки.

— Разказать трудно, давайте я самъ проведу васъ туда. — Н. А. Тиличевъ поднялся на ноги.

Онъ сдѣлалъ всего три шага и вдругъ упалъ. Офицеры бросились къ нему: Н. А. Тиличевъ былъ мертвъ.

Умеръ прекрасный, чудный юноша, идеально храбрый въ бою, идеально чистый въ жизни, съ твердою, сильною волей, съ мягкой, нѣжной и любящей душой.

Черное облако заволокло 6-ю батарею. Всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты впали въ уныніе. Что-то какъ будто оборвалось, лопнуло въ стройномъ механизмѣ батареи, чего уже не исправить никогда.

Въ продолженіи нѣсколькихъ послѣдующихъ дней всѣ интересы, какъ общіе, такъ и личные, отошли совершенно на задній планъ и всѣ мысли, всѣ разговоры сосредоточились только на этой внезапной смерти общаго любимца 6-й батареи.

Умеръ мой лучший другъ, почти никогда, въ боевой обстановкѣ, не покидавшій меня, готовый всегда своимъ тѣломъ, своею жизнью закрыть меня отъ грозящей опасности. Н. А. Тиличевъ, въ сферѣ огня, всегда становился такъ, чтобы закрыть собою меня отъ возможнаго раненія. Я отлично понималъ эту его уловку, но нарочно, чтобы его не огорчить, дѣлалъ видъ, что не замѣчаю ее, такъ какъ я всегда твердо вѣрилъ, что отъ судьбы не уйдешь никогда, или, по сложившейся поговоркѣ: виновнаго найдеть.

Подпоручикъ 6-й батареи Николай Александровичъ Тиличевъ похороненъ на рѣкѣ Тапевѣ, въ мѣстечкѣ Бѣлгораѣ Холмской губерніи, въ церковной оградѣ мѣстной приходской церкви.

Таневскими лѣсами, широкими песчаными дорогами, покрытыми слоемъ сухой опавшей хвои, двигается 6-я батарея.

Громадныя сосны и ели, качаясь отъ вѣтра, скрипятъ и шумятъ тихомъ шепотомъ родного русскаго лѣса. Пахнеть смолой, можжевельникомъ и еще какимъ то особеннымъ запахомъ, давно знакомымъ, милымъ, роднымъ.

Упруגיע, крупныя корни елей все время попадаютъ подъ колеса орудій, на моментъ поднимаютъ ихъ и, со звономъ, рѣзко бросаютъ на землю. Прохладно, свободно дышется, лошади отъ удовольствія фыркають, ихъ шага на мягкой дорогѣ не слышно и только орудія и ящики звенятъ своимъ характернымъ металлическимъ звономъ.

Лѣсная русская деревушка. Почернѣлыя избы, разбитыя стекла оконъ, залѣпленныя кусками синей сахарной бумаги, суетящіеся жители деревни, собирающіеся покинуть родныя углы ввиду приближенія непріятеля, перепуганныя куры и утки, со страху бросающіяся подъ колеса орудій и ящиковъ, — все это остается сзади. Батарея двигается дальше.

Опять лѣсъ, лѣсъ безъ конца. Дорога идетъ въ гору, спускается внизъ. Легкимъ вечернимъ холодомъ потянуло изъ низины. Пролетѣла безшумно сова, замычала, гдѣ-то въ далекомъ болотѣ, выпь.

Ночуемъ у такой-же лѣсной деревеньки въ походныхъ палаткахъ. Здѣсь лучше, чѣмъ въ избахъ со спертымъ воздухомъ, съ запахомъ какого-то варева, съ шумящими по угламъ тараканами.

Въ лѣсу, на коновязи, темнѣютъ силуэты лошадей, стоящихъ вплотную другъ къ другу и мѣрно жующихъ свое сѣно. Свѣтятся огоньки догорающихъ костровъ у палатокъ и чувствуется сильный запахъ горѣлыхъ сосновыхъ шишекъ. Въ лѣсу тишина и тотъ же таинственный шепотъ верхушекъ деревьевъ.

*
* *

Дѣсь окончился. Песчаный, тяжелый подъемъ беретъ батарея. Далеко вправо идетъ ружейная перестрѣлка. Мы видимъ, какъ наша пѣхота отходить прямо на насъ. Батарея совершаетъ фланговый маршъ въ виду непріятели.

Я, съ безпокойствомъ, слѣжу за своими упряжками, медленно поднимающимся въ гору. Весь ободъ колеса уходитъ въ дорожный песокъ. Лошади всѣмъ тѣломъ легли въ хомуты, построжки натянуты, орудія и ящики скрипятъ, мелютъ, растираютъ песокъ.

Лишь бы вытянули только лошади, лишь бы не остановились!

Мѣрнымъ, ровнымъ, тяжелымъ шагомъ поднимается батарея все выше и выше, не растягивается, упряжки не налѣзаютъ другъ на друга, ѣздовые спокойны, нагаекъ не видно, не слышно шума.

Какъ сейчасъ, на тяжеломъ подъемѣ, хороша моя батарея!

*
* *

6-я батарея проходитъ мимо заранѣе подготовленной, на случай отступленія, укрѣпленной позиціи.

Ровною линіей тянутся бетонированные пѣхотные окопы, чистенькіе, аккуратные. Сзади, въ нѣкоторомъ разстояніи, тоже бетонированная позиція для шестиорудійной полевой батареи, тоже чистенькая, аккуратная.

Какъ можно въ полевой войнѣ заранѣе опредѣлять мѣста будущихъ позицій? Какими соображеніями руководствовались лица, бросившіе но оборудование и постройку ихъ уйму денегъ, уйму человѣческаго труда? Хотѣлъ бы я увидѣть, какой наивный командиръ батареи занялъ бы своими орудіями эту чистенькую, оборудованную позицію, построенную людьми, имѣющими очень слабое понятіе объ артиллерійской такти-

къ и объ артиллерійскомъ боѣ. Проходя мимо нее мы громко разсмѣялись, а наша пѣхота, перескакивая черезъ приготовленные для нее окопы, ни минуты не поколебалась оставить ихъ въ наслѣдство непріятелю.

*
* *

Мы спускаемся къ мѣстечку Замостье, которое уже готовится ко сну. Вдалекѣ мелькають огни мѣстечка, сначала одиночныя, а затѣмъ, послѣ поворота, все Замостье засвѣтилось огнями. Красиво и заманчиво.

Хорошо бы теперь сидѣть въ одномъ изъ этихъ освѣщенныхъ домиковъ спокойно, за самоваромъ, въ особенности въ настоящую минуту, когда сильно хочется пить. Но вотъ на дорогѣ колодезь, который вмѣгъ облѣпляется нашими людьми. Безъ конца пьемъ вкусную, холодную воду. Ъздовые бѣгутъ съ ведрами, чтобы напоить лошадей, отъ нетерпѣнія ржущихъ и копающихъ копытами дорогу.

Замостье проходимъ не останавливаясь. Оно уже спитъ, огни потухли и улицы пусты.

Мы идемъ къ городу Красноставу.

*
* *

Въ Красноставѣ отдыхъ. Непріятель не преслѣдуетъ отступающія наши войска и мы располагаемся спокойно, ставимъ свои палатки и все время пьемъ чай.

Здѣсь, впервые, мы встрѣтили волну нашихъ бѣженцевъ — крестьянъ.

Кто ихъ заставилъ бросить свои родныя деревни, свое имущество, все, что такъ дорого сердцу крестьянина, чѣмъ онъ живетъ и пуститься въ пространство, въ полную неизвѣстность, навстрѣчу голоду и болѣзнямъ?

Кошмарное впечатлѣніе.

Крестьянскія повозки, запряженныя изморенными, малорослыми лошадьми, полны всякимъ крестьян-

скимъ добромъ — домашнимъ скарбомъ. Раскрашенные затѣйливыми всякими узорами, простые деревянные сундуки, узлы съ носильной одеждой, подушки, простая глиняная посуда, мѣшокъ съ мукой, связка луку, куры, утки, выглядывающія изъ рѣшетъ и лукошекъ, прикрытыя грязными тряпками.

Перепуганныя женщины, со страхомъ оглядывающія насъ и бѣлокуроыя дѣтскія головки, выглядывающія изъ за грязнаго полога, пристроенной къ телѣгѣ, кибитки. Повозки жмутся одна къ другой, растерянные крестьяне не знаютъ, что имъ дальше дѣлать, собираются кучками и горячо шепчутся между собой.

Дѣтскій плачь, визги привязаннаго къ телѣгѣ поросенка и лай, въ пространство, сопровождающей хозяевъ, собаки, съ рѣвьями въ хвостѣ.

Что ихъ ждетъ, въ будущемъ, этихъ несчастныхъ, обездоленныхъ людей?

У вдовы крестьянки пала лошадь. Съ растеряннымъ, убитымъ горемъ лицомъ, безмолвно стоитъ она у своей телѣги, надъ трупомъ лошади и только крупныя слезы текутъ изъ глазъ по лицу. Въ телѣгѣ, между кучи разнаго добра, видны двѣ плачущія маленькія дѣвочки.

Кто ей поможетъ, этой вдвойнѣ осиротѣлой семьѣ?

Я приказалъ отдать ей одну изъ свободныхъ сверхштатныхъ лошадей. Горе смѣнилось безумной радостью. Но надолго ли хватитъ имъ этой радости?

Къ вечеру 2-й дивизионъ получилъ приказаніе отойти въ Армейскій резервъ, къ городу Холму.

Маленькая ферма подъ самымъ городомъ. Большой тѣнистый вишневый садъ, въ которомъ мы разставили свои палатки.

Мы, впервые, за все время военныхъ дѣйствій, находимся въ офиціальномъ резервѣ. Мы мечтаемъ о томъ, что навѣрное простоимъ здѣсь долго и занима-

емя составленіемъ плана препровожденія нашего свободнаго времени.

Поручика К. мнѣ удалось устроить на привязной аэростатъ, на «колбасу», какъ у насъ его называли. Эта служба вполне устраивала его и избавляла отъ неудобнаго его положенія въ батареѣ.

Теперь въ батареѣ осталось всего только два офицера: поручикъ Н. Н. Кувалдинъ и подпоручикъ Т. М. Галуцукъ, офицеры, воинская доблесть которыхъ, хладнокровіе и знаніе дѣла неоднократно уже испытаны въ цѣломъ рядѣ боевъ.

Мы простояли въ Армейскомъ резервѣ до вечера, когда я получилъ приказаніе смѣнить на позиціи у города Красностава, командуемымъ мною дивизиономъ, дивизионъ 52-й бригады, уставшій за время послѣднихъ боевъ и походовъ.

«Уставшій»!.. А мы не устали?

* * *

Это послѣднее приказаніе пришлось немедленно выполнить. Дивизионъ вернулся къ Красноставу.

Изрѣдка перестрѣливаясь съ непріателемъ, дивизионъ простоялъ на позиціи сутки, а затѣмъ былъ отправленъ къ городу Грубешову, на присоединеніе къ своей дивизіи.

На позиціи у Красностава не обошлось безъ анекдота. Одинъ изъ командировъ баталіоновъ передалъ мнѣ, что на отдѣльномъ грушевомъ деревѣ, стоящемъ посрединѣ поля, находится непріятельскій наблюдатель, котораго онъ проситъ сбить.

Сколько мы не разсматривали въ бинокли вполне ясно видимое дерево, никакого наблюдателя увидѣть не могли, но командиръ батальона продолжалъ настаивать на своемъ предположеніи и, потому, я приказалъ 4-й батареѣ обстрѣлять грушевое дерево. Выполнившій эту задачу, старшій офицеръ 4-й батареи поручикъ А. М. Козыревъ, послѣ обстрѣла дерева, сообщилъ командиру батальона:

— Всѣ груши отрясъ съ дерева, наблюдателя стрясти не могъ.

Командиръ батальона обидѣлся. Пришлось извиниться.

* * *

Походъ подъ Грубешевъ продолжался около двухъ дней.

По дорогѣ мы обратили вниманіе на большое количество, въ лѣсахъ, черешневыхъ деревьевъ, усыпанныхъ спѣлыми, хотя и мелкими, но очень вкусными плодами. Остановливаться, конечно, для сбора черешень, мы не могли и только съ сожалѣніемъ проходили мимо этихъ деревьевъ.

Остановившись на ночлегъ въ одной изъ попутныхъ деревень, мы застали здѣсь казачій постъ, начальникъ котораго, донской сотникъ, очень обрадовался нашему прибытію, такъ какъ, въ одиночествѣ, отъ скуки, не зналъ что дѣлать съ собою. Къ ужину, къ которому мы его пригласили, пригласили, онъ прислалъ два ведра прекрасныхъ лѣсныхъ черешень и затѣмъ объяснилъ намъ, что сборъ черешень въ лѣсу ими производится очень просто: посылаются въ лѣсъ нѣсколько казаковъ съ топорами. Дерево рубятъ, а затѣмъ собрать черешни дѣло уже легкое.

Прошли черезъ Грубешовъ, небольшой городокъ Холмской губерніи и остановились для ночлега въ молодой дубовой рошѣ.

Ночью меня разбудилъ, спавшій въ одной палаткѣ со мною, командиръ 4-й батареи Л. Н. Карабановъ.

— Послушайте, ко мнѣ подъ одѣяло залѣзъ какой-то звѣрь.

Мы зажгли свѣчу и обнаружили, прижавшагося къ нему, маленькаго зайчонка.

Утромъ спѣшно потребовали въ бой.

* * *

За деревней Гоздово, на нашихъ огородахъ, ука-

занъ районъ для позиціи нашего 2-го дивизиона. Колеса орудій и ящиковъ, копыта лошадей мнутъ роскошно развившуюся зелень овощей. Уже высокая, широколистая кукуруза декорируетъ, и безъ того хорошо укрытыя, орудія.

Впереди характерная стихія сильнаго боя: сухой, рѣзкій трескъ рвущихся, въ громадномъ количествѣ, германскихъ бризантныхъ снарядовъ. Мягкое, сравнительно съ нимъ, шелканіе разрывовъ шрапнелей, бѣлый дымъ которыхъ уже слился въ одно общее облако, разсѣкаемое фонтанами чернаго, фѣдкаго дыма германскихъ гранатъ и бомбъ.

Огни разрывовъ, завываніе крупныхъ осколковъ, стоны оторвавшихся снарядныхъ трубокъ, шипѣніе пролетающихъ снарядовъ.

Германцы готовятъ атаку на занимающую опушку лѣса нашу 77-ю пѣхотную дивизию, покрывая ее, по своему обыкновенію, градомъ снарядовъ всевозможныхъ калибровъ и видовъ. Ихъ пѣхота уже двинулась густыми цѣпями, цѣпь за цѣпью. Почти бѣгомъ наступаютъ германцы по открытому полю.

Изъ за лѣса летятъ имъ навстрѣчу шрапнели, люди мѣшаются съ дымомъ. Изъ опушки, сплошнымъ роємъ, засвистѣли пули. Мертвые и раненые, указываютъ слѣдъ наступленія германской пѣхоты.

Мы стоимъ подъ угломъ къ атакуемой 77-й дивизіи.

— Левъ Николаевичъ, голубчикъ, отдайте мнѣ свою батарею! — 12 орудій почти во флангъ неприятелю!

— Бѣглый огонь!..

Ничего не видно: сплошная бѣлая, клубящаяся пелена отъ огня соединенныхъ 4-й и 6-й батарей.

Рѣдѣетъ. На полѣ все лежитъ. Изъ кучи тѣлъ поднимается офицеръ и машетъ надъ головой шапкой. Поле оживаетъ: зашевелились лежащія кучи и бурный потокъ германской пѣхоты вновь понесся впередъ. Германская артиллерія усилила свой дождь снарядовъ.

— Бѣглый огонь!.

Бѣлое, клубящееся облако опять затянуло кипящее поле. За спиной у насъ горитъ деревня и обдаетъ насъ жаромъ и фонтанами искръ. Снаряды германцевъ воютъ и свистятъ у насъ надъ головами.

— Бѣглый огонь!.

Германская артиллерія уже не стрѣляетъ. Атака отбита. Бѣлая дымовая завѣса на полѣ расходится. Поле мертво, покрыто только тѣлами, которымъ уже не подняться. Вдали виднѣются остатки уходящей назадъ германской пѣхоты.

Вечеромъ мы отошли за городъ Грубешовъ.

* * *

Черное небо покрыло непроницаемымъ шатромъ взволнованную, политую человѣческой кровью, землю. Ночь не даетъ покоя: въ воздухѣ масса всевозможныхъ звуковъ отъ скрипа повозокъ, лошадиного ржанія, до стона раненыхъ, которыми нагруженъ цѣлый транспортъ телѣгъ, прошедшихъ въ тылъ. По всѣмъ дорогамъ двигаются тѣни отступающихъ войсковыхъ частей, въ настоящее время расходящихся по намѣченнымъ мѣстамъ новыхъ позицій.

6-я батарея повернула жерла своихъ орудій въ направленіи города Грубешова, оставляемаго неприятелю.

Что дастъ завтрашній день?

Сзади батареи темнѣетъ поле высокой пшеницы, тихо шелестящей своими колосьями. Впереди батареи бугоръ. Прикрываетъ ли онъ вполнѣ батарею? Ночью, да еще такой темной ночью, ничего не видно. Батарея поставлена наудачу. Рано утромъ ожидается подходъ противника и, конечно, снова бой.

Въ темнотѣ натыкаемся на небольшую кучку колючихъ кустовъ. Кажется мѣсто высокое, лишь бы былъ какойнибудь кругозоръ.

Стучать лопаты о подвертывающіеся камни, земля выбрасывается назадъ въ кусты. Небольшой ро-

викъ готовъ, а насколько онъ будетъ пригоденъ покажетъ утро. Сегодняшняя ночь еще наша и все мы стараемся не думать о завтрашнемъ днѣ. Мы лежимъ на землѣ и жуемъ сухари, оказавшіеся въ сумкѣ одного изъ развѣдчиковъ.

Батарея уже около сутокъ ничего не дѣла: бой, отступленіе, постановка на новую позицію отняли все наше время. Усталость даетъ себя чувствовать и, постепенно, все мы засынаемъ.

*
* *

Близкій разрывъ тяжелаго снаряда сразу поставилъ всехъ насъ на ноги. Сонъ слетѣлъ и, въ блѣдномъ освѣщеніи разсвѣта, мы начинаемъ оглядываться по сторонамъ.

Мѣсто наблюдательнаго пункта высокое, но совершенно открытое и только нѣсколько кустовъ ежевики прикрываютъ наши головы отъ взоровъ непріятеля. Мы не можемъ отсюда выйти незамѣченными и къ намъ никто не можетъ подойти. И такъ, мы, во всякомъ случаѣ, до наступленія темноты, обречены на полную голодовку. Мы протягиваемъ руки къ кустамъ ежевики и, съ жадностью поѣдаемъ незрѣлыя, едва успѣвшія покраснѣть, ягоды. Къ несчастью этихъ ягодъ немного и мы переходимъ на совершенно зеленныя, но эти послѣднія всецѣмъ несъѣдобны и, вмѣсто пріятной кислоты, отъ нихъ во рту мы ощущаемъ горечь.

Внизу, въ лощинѣ алѣютъ черепичныя крыши небольшого городка. По гребню длиннаго холма, передъ нами, торчатъ штыки нашей, окопаншейся, пѣхоты. Туда-то, главнымъ образомъ, и летятъ снаряды противника, чернымъ столбомъ дыма, земли и осколковъ вылетая обратно послѣ каждаго разрыва. Обстрѣлъ не сильный, но постоянный, методичный.

Я смотрю влѣво: тамъ за невысокимъ, поросшимъ кустами, холмомъ, стоитъ непріятельская тяже-

лая гаубичная батарея. Я ее вижу, вижу и густыя колоссальныя кольца дыма, вылетающія изъ жерлъ этихъ гаубиць, послѣ каждаго ихъ выстрѣла.

Странно: нѣмцы, какъ будто, стрѣляютъ чернымъ, дымнымъ порохомъ. Я направляю туда сразу двѣ свои гранаты на предѣльномъ прицѣлѣ. Обѣ онѣ пролетѣли едва двѣ трети пространства до гаубиць. Итакъ, эта батарея неуязвима для нашихъ орудій, поэтому она такъ откровенно и держитъ себя.

По всей линіи идетъ довольно оживленная ружейная перестрѣлка, но непріятель не обнаруживаетъ желанія атаковать наши позиціи. Это видно по огню ихъ артиллеріи, равномерно разбрасываемому по всей нашей линіи, съ рѣдкимъ обстрѣломъ тыла.

По телефону мнѣ передаютъ, что, залетѣвшимъ въ передки снарядомъ, убитъ ѣздовой канониръ Пытковскій и ранено еще два человѣка. Изъ обоза прибыла походная кухня съ готовымъ обѣдомъ, но подѣхать къ батарее нѣтъ возможности. Я приказалъ кухнѣ ждать вечера.

Цѣлый день идетъ перестрѣлка, цѣлый день, мы, голодные, сидимъ въ маленькомъ ровикѣ, не смѣя оттуда вылѣзть наружу, чтобы хотя немного размять свое застывшее тѣло. Съ наступленіемъ темноты приказано отступить, уничтоживъ постѣвы.

Какъ легко отдать такое приказаніе и какъ трудно его выполнить. «Уничтожить постѣвы» — безконечное море высокой наливающейся пшеницы.

Мы отступаемъ. Развернутымъ фронтомъ орудій и ящиковъ проходитъ батарея по густому полю, но до уничтоженія его еще слишкомъ далеко и поле, такое же пышное и только лишь мѣстами помятое, остается въ даръ непріятелю, какъ и раньше, до этого случая, ему всегда оставлялось безконечное количество всякаго рода хлѣбныхъ полей.

Мы немного отошли и остановились въ опушкѣ

большого дубоваго лѣса. Для всѣхъ насъ было ясно, что германцы сейчасъ насъ преслѣдовать не будутъ, а потому мы спокойно разставили свои палатки подъ сѣнью громадныхъ дубовъ и, до самаго утра, совершенно спокойно проспали. Утромъ же получили приказаніе выдвинуться немного впередъ, въ сторону непріятеля.

Поставивъ батарею въ лоцинѣ между хлѣбными полями, я установилъ свой наблюдательный пунктъ на линіи нашихъ пѣхотныхъ окоповъ, проходящихъ въ этомъ мѣстѣ черезъ околицу небольшой, покинутой жителями, деревни. Усѣвшись, со своей группой телефонистовъ и наблюдателей, за крайней избой, пить чай, я по телефону былъ увѣдомленъ, что сейчасъ наша пѣхота отодвинется немного назадъ, на линію 46-й дивизіи, по ошибкѣ не дошедшей до намѣченнаго ей мѣста и чтобы и этотъ отходъ не принялъ бы за отступление.

Дѣйствительно, вскорѣ наша пѣхота поднялась и стала отходить, но, какъ разъ въ это время, этотъ маневръ былъ замѣченъ подходившимъ противникомъ и его артиллерія открыла сильный огонь по нашей пѣхотѣ.

Мнѣ ни разу еще не приходилось видѣть такого разнообразія цвѣтовъ разрывовъ германскихъ снарядовъ, какъ въ этомъ обстрѣлѣ. Здѣсь были дымы черные, бѣлые, зелено-желтые, красные, голубые. Пѣхота наша, начавшая свой отходъ въ порядкѣ, бросилась въ разсыпную, стараясь скорѣе спрятаться отъ глазъ непріятеля въ громадныхъ хлѣбныхъ поляхъ.

— В. В., наша то пѣхота совсѣмъ уходитъ.

— Какъ совсѣмъ? Не можетъ этаго быть!

Мои наблюдатели оказались правы: подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ германцевъ, раскиданнымъ по всему полю, дивизія прошла назначенную ей линію въ безпорядкѣ и передніе уже начали скры-

ваться въ лѣсу, въ которомъ мы провели предыдущую ночь. Мы остались одни съ телефоннымъ аппаратомъ. Всѣ провода оказались порванными и, такимъ образомъ, связь съ батареей прекратилась. Оставалось лишь захватить аппаратъ и идти на батарею, что мы и сдѣлали.

Какъ только мы углубились въ хлѣбныя поля, сейчасъ же около меня образовалась группа изъ отставшихъ нашихъ пѣхотныхъ солдатъ, которая стала расти и черезъ нѣкоторое время достигла внушительныхъ размѣровъ. Опасаясь, что мы, такимъ образомъ, привлечемъ на себя огонь непріятеля, я раздѣлилъ приставшихъ пѣхотинцевъ на нѣсколько частей, назначилъ старшихъ и указалъ каждой группѣ свой путь отхода. Черезъ нѣкоторое время около меня выросла новая группа отставшихъ, съ которой я опять продѣлалъ то-же самое, что и съ первой. И, такимъ образомъ, пока мы дошли до батареи, мнѣ нѣсколько разъ приходилось продѣлывать этотъ маневръ съ отставшими солдатами. Обычное явленіе: въ опасныя минуты боевой жизни, оставшіеся безъ своихъ офицеровъ, солдаты всегда жмутся къ первому попавшемуся офицеру, хотя бы и совершенно посторонней части.

Стоявшая невдалекѣ 4-я батарея, подъ огнемъ непріятеля, галопомъ ушла уже назадъ. 6-я батарея, въ совершенномъ одиночествѣ, осталась на позиціи посреди хлѣбныхъ полей. Ко мнѣ обратились взволнованные взоры людей. Нужно было успокоить людей и, кромѣ того, я не хотѣлъ рисковать отходомъ, подъ сильнымъ огнемъ, по единственной, ведущей въ тылъ дорогѣ, проходящей по совершенно открытому мѣсту.

Хорошо изучивъ характеръ наступленія германцевъ, я зналъ, что сейчасъ противникъ свернется въ колонны, артиллерія не видя больше цѣли, прекратитъ огонь, снимется съ позиціи и тоже двинется впередъ. Я рѣшилъ выждать этотъ моментъ.

— Ребята, пить ли у кого чаю? Я пить хочу.

Одна изъ солдатскихъ рукъ, нерѣшительно, протянулась ко мнѣ съ кружкой холоднаго чая. Я сѣлъ на телефонный аппаратъ и медленно сталъ пить.

Я слышалъ кругомъ себя шепотъ своихъ солдатъ и видѣлъ удивленные, кидаемые на меня, взоры, но дѣлалъ видъ, что, занятый своимъ чаемъ, ничего не вижу и не слышу.

Огонь непріятеля началъ рѣдѣть и вскорѣ совсемъ прекратился. Я выползъ на пригорокъ и сталъ всматриваться впередъ: тамъ, вдаль, стройными колоннами, двигались германцы. Фигуры ихъ все вырастаютъ въ стеклахъ моего бинокля, они все ближе и ближе подвигаются къ намъ.

Опять во мнѣ, какъ когда то у Санка, начало расти сильное желаніе ударить по этимъ колоннамъ бѣглымъ огнемъ изъ всѣхъ шести орудій батареи, разнести ихъ, растрепать по всему полю, но опять внутренній голосъ шепталъ, что, такимъ образомъ, я могу погубить безцѣльно свою батарею и, преодолевъ свой соблазнъ, я скомандовалъ батареѣ: «въ передки».

Спокойно выѣхала 6-я батарея на дорогу и, на виду у наступающаго непріятеля, безъ одинаго выстрѣла съ его стороны, прошла все это опасное разстояніе до самаго лѣса, изъ котораго въ это время, навстрѣчу батареѣ, бѣглымъ шагомъ вышелъ 1-й батальонъ 2-го полка.

— Какая батарея?

— 6-я.

— Ну, слава Богу! А мы шли вамъ на выручку.

— Командиръ батальона полковникъ Ермолаевъ крѣпко пожалъ мою руку.

*
*
*

— В. В., медку не угодно-ли?

Оборачиваюсь назадъ и не могу узнать своего развѣдчика, съ совершенно запухшимъ лицомъ.

— Голицынъ, ты?

— Такъ точно, В. В., вотъ пчелы маленько покусали, только все это ничего, — пройдетъ. А медъ хорошій.

Кругомъ хохотъ столпившихся солдатъ и фѣкая, простонародная острота по поводу, удвоеннаго въ размѣрѣ, лица развѣдчика Голицына.

Разрѣшите доложить, В. В., такъ что усадѣбка здѣсь махонькая, а хозяевъ нѣтъ, — удрали, въ бѣженцы пошли. Пчелы однѣ въ ульяхъ то и остались. Жаль стало: нѣмцы все прикончатъ. Ну я прямо, значить и полѣзь въ колоду съ ножомъ. Такъ знаете, В. В., еле отбился опосля отъ нихъ, отъ пчелъ этихъ. Ну, а медку все-же добылъ.

Ну, что-же? Не пропадать же въ самомъ дѣлѣ добру, коль оно уже здѣсь налицо, и мы всѣ, съ наслажденіемъ, принялись пить чай со свѣжимъ сотовымъ медомъ, добытомъ такой дорогою цѣной, не пожалѣвшимъ себя, лихимъ развѣдчикомъ.

Надъ нами, величественно распластавшись въ воздухѣ, качаются крѣпкія, кряжистыя вѣтви старыхъ дубовъ чистаго большого дубоваго лѣса, у края котораго, прижавшись къ опушкѣ, уже окончились рядомъ двѣ батареи: 6-я и 4-я.

*
* *

Въ воздухѣ прожужжалъ снарядъ, первый вѣстникъ близко уже подошедшаго непріятеля.

Густая листва большого дуба скрываетъ меня и телефониста Ячменева. Мы наблюдаемъ движеніе германской пѣхоты, уже развернувшейся въ боевой порядокъ.

— Лѣвое огонь! . .

Рѣзко хлопнула лѣвая пушка, какъ мячикъ от-

скочило назадъ ея тѣло и плавно стало опять на свое мѣсто. Бѣлый дымъ ираншелей понесся по вѣтру вдоль фронта наступающихъ германскихъ цѣпей.

Низко стелется цѣлое облако отъ разрывовъ нашихъ ираншелей. Въ немъ, то скрываясь, то снова появляясь, мелькають фигуры наступающихъ германцевъ.

— В. В., вотъ то здорово! . . . Какъ разъ по самой по кучѣ ихней! Смотрите, В. В., назадъ уходить. Не нравится имъ это, — и Ячменевъ, лѣзетъ на самую верхушку дуба, а я за нимъ.

Страшный ударъ, оглушительный трескъ, вой и облако черного дыма. Громадный дубъ затрясся, какъ былинка на поле. Мы оба лежимъ подъ дубомъ, плотно прижавшись къ землѣ.

— Ячменевъ, что мы сами слѣзли или свалились?

— Не могу знать. В. В., чи слѣзли, чи свалились, а только здорово же онъ саданулъ чертовъ пѣмецъ. Знать замѣтилъ, когда мы на верхушку то самую вылѣзали.

Тяжелыя германскія бомбы, одна за другой, съ воємъ, шипѣніемъ и грохотомъ, начали рваться въ лѣсу.

Закачались дубы, завертѣлись въ воздухѣ, цѣлыми роями, зеленые ихъ листья, мѣшаясь съ клубами черного дыма. Громадныя вѣтви дубовъ, какъ щепки, уносились налетѣвшимъ вихремъ и отлетали далеко въ стороны.

— Братцы, гляди, теленокъ!

Въ одинъ мигъ, люди обѣихъ батарей, до сихъ поръ сидѣвшіе, прижавшись въ своихъ орудійныхъ ровикахъ, какъ по командѣ, выскочили наружу и понеслись по обстрѣливаемому пѣмцами лѣсу, велѣдъ за перепуганнымъ, неизвѣстно откуда появившимся, теленкомъ. Погоня длилась не долго и вскорѣ злосчастное животное, зарѣзанное, ободранное и раздѣленное пополамъ, лежало уже у позицій обѣихъ батарей.

Изумрудомъ сверкаетъ широкая, гладкая полоса Западнаго Буга. Ровной лентой охватываетъ высокій берегъ, поросшій густымъ мѣшанымъ лѣсомъ, уходящимъ впередъ, къ позиціямъ, занятымъ нашей пѣхотой. Она основательно окопалась впереди, мысомъ выдающагося, стараго дубоваго лѣса, землю котораго вчера, съ такой злобой, копали германскія бомбы.

Угломъ врѣзалось въ лѣсъ небольшое паровое поле, на которомъ стоятъ наши три батареи: 6-я, 4-я и 3-я.

Раннее утро. На востокъ свѣтлѣетъ. Небо покрылось пока еще мутными красками. Легкимъ утреннимъ холодомъ тянетъ съ рѣки. Стая дикихъ утокъ, со свистомъ, промчалась и скрылась за лѣсомъ. Гдѣ-то вдали, на болотѣ, трубнымъ звукомъ пронесся крикъ журавлей.

Я несу въ рукахъ станцію полевого телефона. За мной нагруженный телефоннымъ проводомъ, плетется мой телефонистъ Коровинъ. Мы ищемъ новый наблюдательный пунктъ.

Вонъ впереди и влѣво, на пригоркѣ, деревенское кладбище. Большіе намогильные кресты уже выступаютъ темными тѣнями изъ рѣдѣющаго мрака ночи.

— Не пойти ли намъ на кладбище, какъ ты думаешь, Коровинъ?

— Такъ точно, В. В., другого мѣста никакъ не видать.

Мы мѣняемъ направление, но до кладбища дойти намъ не суждено: раньше насъ туда залетаютъ двѣ германскія бомбы. Высокими фонтанами земли и обломковъ крестовъ, преграждаютъ намъ туда доступъ.

— Уже?.. Такъ рано?..

Мы останавливаемся. Что дѣлать дальше?

Тонкой, ломанной линіей, передъ нами, рисуются свѣжіе пѣхотные окопы. По ней, по этой пѣхотѣ, бьютъ уже германскіе снаряды, заволакивая дымомъ

и земляную насыпь окоповъ, и фигуры, прижавшихся, въ страхѣ, къ этой насыпи людей.

— Коровинъ, будетъ атака.

— Такъ точно, непременно атака.

— Надо помочь.

Я выбираю самую высокую точку окоповъ, беру на нее направленіе, ложусь на землю и ползу. За мной Коровинъ.

Тяжелый снарядъ ударяетъ въ шагахъ десяти отъ насъ. Звонъ въ ушахъ отъ взрыва и пѣнія осколковъ. Мы прижимаемся къ землѣ. Наши шинели покрыты блестками и мельчайшими крупинками яркаго металла. Бѣдкій дымъ рѣжетъ глаза, во рту горько.

Мы не можемъ продвинуться: снаряды все чаще и чаще роютъ землю кругомъ насъ. Мы чувствуемъ жаръ, пролетающихъ мимо, крупныхъ осколковъ. Въ вискахъ стучить, въ головѣ звонъ, въ глазахъ зеленые круги отъ дыма.

Мы полземъ дальше, опять прижимаемся къ землѣ, опять выжидаемъ удобный моментъ для нашего движенія. Наконецъ мы у цѣли. Я вваливаюсь въ окопъ.

— Какой полкъ?

— 77-й пѣхотный Тенгинскій.

— Коровинъ, тани проводъ на батарею. Можешь?

— Такъ точно, — и Коровинъ, съ проводомъ въ зубахъ ползетъ обратно. Я сѣлъ сзади на окопъ.

Впереди окоповъ полка ровное чистое мѣсто. Вдали деревня, занятая пѣмцами. Отъ ней, отъ деревни, большія поля высокой пшеницы отлого спускаются къ обширному, чистому лугу, ведущему къ нашимъ окопамъ. Посрединѣ, между полями пшеницы, дорога въ деревню.

Гудитъ телефонъ: 6-я батарея къ бою готова.

Я продолжаю усиленно вглядываться впередъ: неприятельской пѣхоты нигдѣ не видно.

— В. В., мы двѣ линіи протянули. Вторую, когда ползли обратно сюда.

Я отрываюсь отъ стеколь своего бинокля. Передомною сѣяющія лица Коровина и наблюдателя Чухломна.

— Цѣлы?

— Такъ точно.

— В. В., глядите: по хлѣбу-то, по хлѣбу... Нѣмцы по хлѣбу пруть куда-то. . . И много ихъ, и все согнувшись, чтобы не видать. . . В. В., и въ другую сторону отъ дороги, по хлѣбу тоже нѣмцы.

Наблюдатель Чухломинъ правъ: одинъ за другимъ, какъ волки, пробираются германцы по хлѣбнымъ полямъ, все въ одномъ направленіи, въ полъ оборота отъ бѣлѣющей на солнцѣ дороги.

Что бы это значило?.. Да вѣдь тамъ скрытая лощина, за хлѣбомъ, на лѣвомъ флангѣ полка, а на правомъ — оврагъ, поросшій кустарникомъ. Теперь все понятно: накопленіе на флангахъ. Короткій ударъ, съ охватомъ фланговъ.

— 4-я и 6-я батареи къ бою!.. Передайте командиру 4-й батареи, что я прошу его распредѣлять мои команды по обѣимъ батареямъ, чтобы не перепутали.

— Первые орудія обѣихъ батарей, огонь!..

Два облака, почти одновременно, повисли въ воздухѣ: направо надъ врагомъ, налѣво надъ лощиной.

Воздухъ наполнился свистомъ летящихъ снарядовъ. Столбомъ поднялся черно-бѣлый дымъ, виситъ грозной тучей и надъ оврагомъ, и надъ лощиной.

Тенгинцы, въ удивленіи, смотрятъ на два кипящихъ котла и ничего не понимаютъ.

Германскія тяжелыя бомбы усиленно забили по нашимъ окопамъ. И надъ нами стоитъ черная туча. Вокругъ стовутъ и шипятъ раскаленные осколки ихъ снарядовъ.

Я получилъ въ спину сильный ударъ и, какъ мѣшокъ, валюсь прямо въ окопъ.

— Командиръ раненъ!

Отъ этаго крика я прихожу въ себя. Вежочилъ на ноги.

— Нѣтъ, я не раненъ, неправда! Передай на батарею, что я совершенно цѣлъ.

Я, дѣйствительно, цѣлъ, только спина отъ удара нѣсколько поеть.

— Бѣглый огонь! . .

Прорвало, наконецъ, плотину: потокъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ хлынулъ изъ долины обратно въ гору по хлѣбу и все, въ страшной паникѣ, поспешло на совершенно открытую дорогу. Туда-же, бросая оружіе, хлынулъ и другой потокъ изъ оврага.

— Бѣглый огонь, безъ счета патроновъ!..

Все видимое поле заволокло сплошной пеленой бѣлаго прапирельнаго и чернаго гранатнаго дыма.

Галопомъ подвозятъ на обѣ батареи патроны изъ резерва. Орудія накалились. Жарко работать орудійной прислугѣ.

Страшно, — лопнуть орудія. . .

Нѣтъ, не лопнуть: новыя пушки выдержать бой.

Германцы потеряли свой разумъ. Сколько ихъ?.. Все бѣгутъ и бѣгутъ, какъ бабочки на огонь, все на дорогу, прямо подъ разрывы нашихъ снарядовъ. Груды тѣлъ покрываютъ дорогу, груды тѣлъ видны и по хлѣбу: густая пшеница не можетъ уже ихъ закрыть.

Германская артиллерія уже давно прекративъ огонь.

Когда на землю опустились сумерки, развѣдчики Тенгинскаго полка недолго побывали въ развѣдкѣ:

— Все поле стонетъ. Жутко, — былъ докладъ командиру полка начальника развѣдки — офицера.

Свою задачу, въ этотъ день, мы выполнили. Мы собрались уходить изъ окоповъ Тенгинскаго полка.

— Господинъ подполковникъ, полкъ проситъ васъ не покидать окоповъ: люди волнуются, — заявилъ мнѣ подошедшій командиръ батальона.

— Мы вернемся обратно, мы хотимъ ѣсть.

*
* *

Германцы атакуютъ сосѣдній участокъ пѣхотныхъ окоповъ, занятый нашимъ 2-мъ полкомъ.

Наши три батареи, стоящія на вѣхавшемъ въ лѣсъ кускѣ парового поля, не могутъ помочь нашей пѣхотѣ: только на большія дистанціи мы можемъ стрѣлять отсюда.

Это моя вина, моя недопустимая грубая ошибка: я недостаточно рекогносцировалъ правый участокъ, не учелъ всѣхъ появившихся возможностей. Пушки упираются въ лѣсъ, переставить ихъ некуда, — всюду лѣсъ. Артиллерійская поддержка, откуда то справа, очень слаба.

2-й полкъ самъ отражаетъ атаки германцевъ своимъ ружейнымъ огнемъ. Полкъ весь въ дыму отъ снарядовъ противника.

Первыя двѣ волны германской атакующей пѣхоты не выдержали огня 2-го полка и залегли. 2-й полкъ несетъ крупныя потери, но стойко держится. Свѣжія толпы озвѣрѣлыхъ германцевъ проносятся черезъ залегшихъ, поднимаютъ ихъ и, всѣ вмѣстѣ, врываються въ наши окопы. Наши резервы опоздали.

Нѣмые свидѣтели предѣла человѣческой злобы и ненависти, старые, поросшіе мохомъ, дубы, счастье, что природа не дала вамъ рѣчи и грядущія поколѣнія людей никогда не узнаютъ отъ васъ, что творили отцы ихъ, въ это утро, подъ сѣнью вашихъ вѣтвей.

Съ искаженными лицами, опьяненные льющейся кровью, затуманивъ ею разсудокъ, люди рѣжутъ другъ друга, трещать черепа подъ ударами ружейныхъ прикладовъ.

Въ старомъ дубовомъ лѣсу идетъ штыковой бой

2-й полкъ, подъ напоромъ потока германцевъ, отходитъ назадъ, заливая кровью своей и чужой торчащія корни дубовъ и, покрытую старыми сухими листьями, землю. Бой приближается. Положеніе на-

шихъ трехъ батарей, стоящихъ у лѣса, становится критическимъ.

— Трубка на картечь!.. Передки на батареи!..

Батареи уходятъ за Бугъ къ деревнѣ Коритищѣ и здѣсь останавливаются.

Подослѣвшіе свѣжіе резервы измѣнили положеніе: германцы отступаютъ. На штыкахъ выносятъ ихъ изъ лѣса наша пѣхота. Дошли до дороги, раздѣляющей лѣсъ пополамъ. Здѣсь, у самой дороги, противникъ уже успѣлъ окопаться. Наша пѣхота, подъ градомъ посыпавшихся на нее пуль, съ быстротою кротовъ, тоже стала зарываться въ землю, по другую сторону дороги.

Штыковой бой прекратился. Старые дубы тихо шелестятъ своими листьями, грустно внимая стону живыхъ еще человѣческихъ тѣлъ, истекающихъ кровью. Помочь этимъ людямъ никто не можетъ: недобитые, они умираютъ въ страшныхъ мученіяхъ, безъ капли воды съ занекшимися, окрашенными кровью, губами.

Только ширина лѣсной дороги раздѣляетъ враговъ. Остатки 2-го полка отведены за Бугъ.

* * *

Мы вернулись обратно: снова перешли Бугъ и вышли къ громадной лѣсной полянѣ, покрытой нями уже давно вырубленнаго лѣса.

Шагами размѣриваю позиціи для двухъ батарей: 6-й и 4-й. Обстрѣла почти никакого, но дубовый лѣсъ можно все-таки взять подъ обстрѣлъ.

Меня беспокоитъ тяжелое положеніе нашей пѣхоты, засѣвшей по краю лѣсной дороги, на границѣ дубоваго лѣса, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ германцевъ. Рѣзко хлещутъ по лѣсу, тамъ на дорогѣ, одиночные ружейные выстрѣлы и, послѣ каждаго такого вѣстрѣла, я останавливаюсь и поднимаю голову.

Это нашъ выстрѣлъ, а это выстрѣлъ противника. Я знаю, что стрѣляютъ по одиночнымъ, неудачно высунувшимся людямъ.

— В. В., букетъ, вотъ извольте.

Я оборачиваюсь: развѣдчикъ Куриловъ протягиваетъ мнѣ руку, въ которой держитъ довольно большой букетъ крупныхъ, спѣлыхъ земляничныхъ ягодъ, ярко краснѣющихъ на фонѣ свѣтло-зеленыхъ листьевъ.

— Спасибо, Куриловъ.

Двѣнадцать орудій уже стоятъ на мѣстахъ. Одиночные, легкіе дымки нашихъ прапшелей, на всякій случай, разбѣриваютъ участки дубоваго лѣса. Рѣзкое эхо, послѣ каждаго выстрѣла, скачетъ по лѣсу, плыветъ по водѣ тихаго соннаго Буга.

— Эй, телефонисты! Кто изъ васъ беретъ протянуть проводъ къ нашей пѣхотѣ въ лѣсу, у дороги?

— Кого назначите, В. В., всѣ пойдемъ, — слышится изъ толпы голоса.

— А вы сами, В. В., тоже пойдете туда?

— Ну, конечно.

— Разрѣшите, В. В., доложить, — фельдфебель Додѣльцевъ мнется.

— Что тебѣ?

— Батарея такъ что очень волнуется. Не хотять васъ пускать. Говорять, что какъ васъ убьютъ, что будетъ тогда съ батареей? Дойтить туда прямо нѣтъ силъ никакихъ, только и можно прыжкомъ отъ дерева къ дереву. Вонъ командиръ батальона ихняго чуть высунулся и сразу готовъ. Наблюдатели, тѣ просятъ пошлите кого изъ нихъ, все вамъ будутъ докладывать по телефону, а только вамъ, В. В., никакъ штить невозможно, потому батарея сильно волнуется.

Пришлось, къ стыду своему, остаться и, вмѣсто себя, послать развѣдчика — наблюдателя. По жребію пошелъ Голицынъ.

Гудитъ телефонный гудокъ.

— Добрались. Все слава Богу благополучно. Нѣмцы все время ругаются по русски, свиньями все насъ величаютъ. А только наши солдаты тоже нѣмецкой колбасой ихъ обругиваютъ, да еще въ придачу, загигаютъ хорошимъ словомъ, чтобы крѣпче было. А

очень обрадовались въ пѣхотѣ. Когда мы ввалились къ нимъ съ телефономъ.

— В. В., такъ что командиръ батальона съ вами говорить будутъ.

— Командиръ батареи? Голубчикъ, нѣмцы сейчасъ пустили къ намъ свою бомбу, да вмѣсто насъ къ себѣ попали. Пустите имъ туда, пожалуйста, еще свою гранату.

— Не рискую. Сами вы говорите, что нѣмцы сейчасъ пустили, но ошибкѣ, къ себѣ свою бомбу. Такая же ошибка можетъ быть и у меня, что вы тогда скажете?

— Все равно. Всю отвѣтственность мы беремъ на себя. Это очень ободрить солдатъ. Ужъ больно тяжело здѣсь сидѣть, въ такомъ близкомъ соствѣствѣ.

— Коли такъ, хорошо, попробую.

Я подошелъ къ своему первому орудію, единственному, оставшемуся въ батарее съ самаго начала войны. Оно никогда не измѣняло, не измѣнитъ и теперь.

— Слѣдите за разрывомъ.

Шрапнель, рѣзкимъ хлестомъ бича, щелкнула въ лѣсу, за германскими окнами.

— Направленіе вѣрно.

— Гранатой! . .

Дико свиснула граната надъ головами, быстро пригнувшихся, пѣхотинцевъ. Ударила, за противникомъ, въ основаніе большого дуба, треснула, вышустивъ клубъ чернаго дыма и разбросала во всѣ стороны, вмѣстѣ со своими осколками, массу щепокъ.

— Перелетъ!

Взрыла землю вторая граната, засыпала ею головы ближайшихъ нѣмцевъ, съ тонкимъ, пѣжкимъ пѣніемъ пронеслись осколки ея надъ нашими пѣхотинцами.

— Перелетъ!

Третья граната развернула земляную насыпь окна, треснула, брызнула землей и кровью наружу, за-

стонали осколки надъ головами, прижавшихся въ окопѣ. нашихъ пѣхотныхъ солдатъ.

— Ура! . . . Еще одну можно?

Засуетились нѣмцы въ окопѣ, потянули вдоль окопа нѣсколько тѣлъ, только что жившихъ полною жизнью людей.

Черный дымъ четвертой гранаты медленно перебросился отъ противника въ наши окопы и поползъ по землѣ. Посыпались листья и мелкія вѣтки ближайшихъ дубовъ. Сразу все стихло.

— Спасибо.

*
* *

Сильный взрывъ и громадный фонтанъ черного дыма, земли, камней и металла. Люди повернулись и смотрятъ назадъ на поляну.

Это въ отместку по нашимъ двумъ батареямъ.

Новый взрывъ ближе. . . Сразу четыре на самой 6-й батарее.

— Прислуга въ стороны, живо!

Вмигъ опустѣла батарея. Лишь однѣ, не знающія страха смерти, орудія спротивно остались стоять на мѣстахъ.

Нѣтъ, не однѣ: оба мои офицера, какъ каменные, не шевелясь, стоятъ у орудій въ дыму, подъ громомъ осколковъ германскихъ снарядовъ.

Я залюбовался своими офицерами: поручикъ Кувалдинъ спокойный, увѣренный смотритъ впередъ, поднимая голову и по лицу его ничего не узнаешь. Точно нѣтъ въ немъ никакихъ чувствъ, волнующихъ душу. Подпоручикъ Галуцукъ повернулъ голову въ мою сторону. Я вижу въ его глазахъ твердую вѣру въ Судьбу и чувствую силу, сковавшей его тѣло, его волю.

А такъ? Ну, хорошо!

— 6-я батарея, къ бою! . . . По дубовому лѣсу бѣглый огонь! . . .

Черезъ четверть часа все стихло.

У лѣваго фланга 4-й батареи я наткнулся на два, лежащихъ подъ шинелями, тѣла. Это офицеры 4-й батареи поручикъ Козыревъ и подпоручикъ Соколовскій. Сердце сразу застыло въ груди.

— Убиты?

— Никакъ нѣтъ В. В., они сняты. Легли, какъ только батарея стала на позицію, и заснули, да вотъ никакъ и не просыпались съ того времени. Знать крѣпко устали.

Я разбудилъ спящихъ. Дѣйствительно крѣпко устали, если не проснулись не только отъ взрывовъ германскихъ тяжелыхъ снарядовъ и воя осколковъ, но даже и отъ выстрѣловъ своихъ орудій, отъ которыхъ, бываетъ, что лопаются барабанные перепонки и не у очень нѣжныхъ ушей.

*
* *

Ночь спустилась на землю. Ночная прохлада очистила воздухъ отъ запаха гари и дыма.

На флангѣ нашихъ позицій свѣтится звѣздочка. — виситъ на березѣ фонарикъ: ночная точка отмѣтки орудій. Утомленные люди, завернувшись въ шинели, спятъ. Лишь одно первое орудіе не спитъ: наводчикъ, съ жиденькой, тощей бородкой, старовѣръ Илья Варенковъ, пригнувшись, наводитъ орудіе по свѣтящейся точкѣ. Свѣтъ отъ небольшого фонарика бросаетъ свой тусклый лучъ ему на лицо и на грудь, на которой колышата и поблескиваютъ его кресты и медали.

— Готово.

— Огонь! . .

Брызнуло яркимъ свѣтомъ орудіе. Граната со свистомъ, быстро несется въ германскій окопъ. Гулко, съ раскатомъ, рвется граната, нагло нарушая святость, окутавшей землю, ночи и снова все тихо, все спитъ, земля отдыхаетъ.

Подъ утро наша пѣхота покинула свои окопы въ лѣсу.

Мы отошли за Бугъ.

6-я батарея на походѣ. Наканунѣ мы получили приказаніе оставить берегъ Буга и двигаться по присланному намъ маршруту, но куда, мы пока не знаемъ. Известно только, что дивизія получила какое-то особое назначеніе.

Связь съ противникомъ мы, такимъ образомъ, потеряли совершенно и двигаемся въ мирной обстановкѣ съ привалами, ночлегами и дневками. У насъ говорятъ, что конечно насъ перебрасываютъ туда, гдѣ плохо. — это обычная участь нашей отдѣльной дивизіи, не входящей постоянной единицей ни въ одинъ изъ существующихъ корпусовъ. Что дѣлать? Такова ужъ наша доля.

Мы идемъ черезъ большія лѣсныя пространства, очень слабо населенныя, по плохимъ лѣснымъ дорогамъ и ночуемъ гдѣ попало, чаще всего прямо подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго признака вблизи какаго нибудь жилья.

Теперь намъ эти переходы не страшны: погода хорошая, тепло, лошади прекрасно втянуты въ работу, запасъ овса имѣется большой. Отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ мы не страдаемъ, такъ какъ, самое главное, — мясо, у насъ всегда подъ рукой, въ видѣ своего собственнаго небольшого гурта рогатаго скота, постоянно еще пополняемаго бродячими коровами, брошенными злосчастными крестьянами, ушедшими въ бѣженцы. Этотъ бездомный скотъ попадаетъ довольно часто и, жалобно мыча, даже самъ по себѣ присоединяется къ нашему стаду.

Въ опустѣвшихъ деревняхъ, встрѣчающихся изрѣдка на нашемъ пути, мы постоянно наталкиваемся на потерявшихъ хозяевъ, куръ, утокъ и гусей. Все они, конечно, кончаютъ свою жизнь въ котелкахъ нашихъ солдатъ, многіе изъ которыхъ, въ послѣднее время, стали даже отказываться отъ казеннаго обѣда.

Дневной переходъ оконченъ. Орудія и ящики кое-какъ завезены въ лѣсъ, между крушыхъ сосенъ. Лошади выпряжены и отдыхаютъ на длинной коновязи, растянутой между деревьями.

Но лѣсу всюду костры: люди поуживали и теперь, собравшись кучками, кипятятъ постоянные чайники.

Дневка въ лѣсу. Отлично устроились въ тѣни громадныхъ деревьевъ и все бы было прекрасно, но только одна бѣда: воды нигдѣ нѣтъ.

Напрасно я разослалъ во все стороны своихъ развѣдчиковъ: вода есть, но далеко. Это насъ не устраиваетъ.

— В. В., а вѣдь мы сами добудемъ себѣ воду. Болота есть, стало быть и вода будетъ.

Роютъ мои молодцы на болотѣ широкую яму. Опускаютъ въ нее, тутъ же сколоченный, срубъ и колодезь готовъ. Только надо чтобы вода отстоялась.

Забурлили на кострахъ солдатскіе жестяные чайники. Кругомъ костровъ разѣлался люди, пьютъ чай и съ . . . вареніемъ.

— А вареніе откуда?

— Да здѣсь же, В. В., голубики сколько угодно, сахаръ тоже имѣется, вотъ и вареніе готово, только сварить, — дѣло не мудреное.

Любятъ наши сѣверяне варенье, благо ягодъ въ нашихъ лѣсахъ всегда сколько угодно и какихъ угодно. У нашихъ сѣверянъ свой особый вкусъ: наварили какъ то, глядя на офицеровъ, котель молодой кукурузы и всю выкинули вонъ.

— Это намъ не подходитъ, не по утробѣ барская эта бѣда, — слишкомъ ужъ она нѣжна. Намъ, что попроще, посытиѣ.

— В. В., прибѣжалъ запыхавшись солдатъ, — пожалуйте на охоту.

— Какую такую охоту?

— Птицы невиданныя какія-то. И много ихъ, —

штукъ десять. А громадныя какія, да красивыя. На деревьяхъ разсѣлись и ничего, не пужаются.

— Господи, да это же павлины! Откуда только забрались они сюда? Знать изъ покинутой какойнибудь усадьбы занесло ихъ такъ далеко, въ погонѣ за кормомъ. Пускай ихъ живутъ, — жаль. Хвосты то какіе видѣль?

— Такъ точно.

Мы нагоняемъ другую колонну, идущую обочинной дороги: это бѣженцы.

Повозка за повозкой, еле плетутся тощія крестьянскія лошаденки. Унылый, усталый видъ людей, потухшій, притупленный взоръ, грязныя лохмотья истасканной, изодранной одежды. Одна телѣга отстала: свалилось колесо. Другія безучастно ее объѣзжаютъ. Здѣсь уже никого не трогаетъ чужое горе. Никто не подумалъ помочь суетящейся бабѣ и мальчугану лѣтъ двѣнадцати, изъ всѣхъ силъ старающимся надѣть колесо на ось. Хорошо, что мы ихъ нагнали и наши солдаты мигомъ наладили дѣло, а то и осталась бы горемычная баба, со своимъ мальчикомъ, одна на дорогѣ, совершенно безпомощная, повѣрять свое горе одному лишь свободному вѣтру.

Вотъ они плоды кабинетныхъ разсужденій: уничтожить посѣвы, убрать населеніе съ пути непріятеля.

По сторонамъ нашей дороги то и дѣло попадаютъ маленькіе холмики свѣже-насыпанной земли. Это все могилы бѣженцевъ, среди которыхъ быстро развиваются всякія болѣзни. Больше все умираютъ дѣти, но взрослыхъ смерть тоже не оставляетъ въ покоѣ.

Нѣтъ, въ тысячу разъ лучше зрѣлище кровью насыщенной земли, съ трупами мертвыхъ, разбросанныхъ по всему полю бойцовъ, чѣмъ зрѣлище этихъ

несчастныхъ обреченныхъ болѣзнямъ и смерти, тупо-покорныхъ людей.

Наконецъ мы узнали куда мы идемъ: мы идемъ въ Брестъ-Литовскъ. Неужели опять въ гарнизонъ крѣпости? Что дѣлать. — отъ Судьбы не уйдешь.

Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ цѣли, тѣмъ больше оживаетъ дорога, по которой мы двигаемся. Дѣйствительно, жизни на ней стало много, по много и смерти. Свѣжія могилы бѣженцевъ, съ маленькими бѣлыми крестами, уже не одиночныя, а цѣлыми группами, по три, четыре рядомъ, указываютъ уже постоянно крестный путь этихъ несчастныхъ людей.

А по сторонамъ дороги, иногда прямо въ придорожныхъ канавахъ, валяются трупы павшихъ коровъ и овецъ изъ нашихъ казенныхъ интендантскихъ гуртовъ. Какая ихъ масса, этихъ мертвыхъ животныхъ и почему наше интендантство не принимаетъ никакихъ мѣръ къ сохраненію въ цѣлости гонимыхъ гуртовъ? Почему въ нашихъ батарейныхъ стадахъ нѣтъ совсѣмъ падежа?

Мы идемъ лѣсомъ. Лошади чувствуютъ близость ночлега и сами прибавляютъ шагъ.

Хорошо знакомый звукъ мотора въ воздухѣ заставляетъ всѣхъ сразу поднять вверхъ свои головы. Надъ нами плыветъ германскій хищникъ съ черными крестами на крыльяхъ.

Хищникъ сдѣлалъ кругъ надъ лѣсомъ и вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, раздаея сильный грохотъ, какъ отъ разрыва тяжелаго снаряда. Взрывъ негодованія прошелъ по всей колоннѣ:

— Онъ въ бѣженцевъ, въ бѣженцевъ бросаетъ бомбы!

На опушкѣ лѣса 5-я батарея снимается съ передковъ.

— Спустить хобота въ канаву!.. Живо!.. Слышится рѣзкая, энергичная команда М. А. Гофмана.

Высоко къ небу взвилась шрапнель. Новое облачко появилось среди плывущихъ по небу облаковъ. Застукали бѣглымъ огнемъ орудія 5-й батареи, рѣзкой дробью покатилося эхо по окрестнымъ лѣсамъ, небо запестрѣло отъ цѣлой серіи разрывовъ шрапнели.

Германскій хищникъ понялъ опасность, круто свернулъ и быстро скрылся за лѣсомъ.

Вскачь несемся мы къ бѣженцамъ, въ ужасѣ сбившимся въ одну громадную кучу. Слава Богу, бомба упала далеко. Блѣдые, перепуганные люди выглядываютъ изъ за повозокъ. Они теперь не боятся: мы ихъ защитимъ.

Нахлестываютъ бѣженцы своихъ изморенныхъ лошадокъ, — боятся отстать отъ нашей колонны.

*
* *
*

Пляшетъ мой «Нарядный», все рвется впередъ. Что за лошадь такая? Больше 20-ти лѣтъ моему старику, всѣ походы провелъ подъ сѣдломъ а все еще пляшетъ. Молодымъ еще офицеромъ сѣлъ я на него и до сихъ поръ онъ мнѣ служитъ, съ возрастомъ совершенно не измѣняя своихъ привычекъ.

Вотъ и ночлегъ. Круто свернула съ дороги 6-я батарея и стала въ общую резервную колонну.

— Слѣзай! . .

Зафыркали сразу лошади, обтрясываются. Многія норовятъ лечь, поваляться въ пыли, прямо съ сѣдлами. Ъздовые стараются тутъ-же размять свои, затекшія въ сѣдлахъ ноги. Какъ то вдругъ стало вѣсѣмъ необычайно весело. Какъ хорошо, какъ соблазнительнъ отдыхъ послѣ долгаго похода. Только здѣсь, на войнѣ, можно испытать такое колоссальное удовольствіе, даже радость, отъ предстоящаго отдыха.

М. А. Гофманъ, съ озабоченнымъ лицомъ, вышелъ за околицу деревни.

— Что задумался, Миша?

Да вотъ, овецъ нашихъ нѣтъ. Не понимаю, гдѣ онѣ такъ долго могли застрять.

Вдали, на дорогѣ, показалось облако пыли и въ немъ громадный гуртъ овецъ.

— Да воишь, видишь, овцы?

— Вижу. Только у насъ ихъ всего десять штукъ, а не табуны въ нѣсколько сотенъ головъ, который къ намъ приближается.

Овцы подходятъ и М. А. Гофманъ, съ растеряннымъ лицомъ, смотритъ и ничего не можетъ понять: при громадномъ стадѣ, въ сотни двѣ головъ, его 5-й батареи солдатъ — пастухъ и его овчарка собака.

— Разрѣшите доложить, В. В., ничего не могу подѣлать съ этимъ чортомъ (пастухъ показалъ на собаку). Какъ гдѣ увидитъ овецъ, сейчасъ загоняетъ въ свое стадо, и интендантскихъ, и бѣженскихъ. Такъ вотъ и пригналъ всѣхъ сюда. Какъ прикажете, В. В?

М. А. Гофманъ смущенъ, но не надолго. Гдѣ теперь искать хозяевъ овецъ? Ну, что за бѣда? Къ зимѣ у всей батареи, по крайней мѣрѣ, будутъ хорошія, дѣйствительно теплыя шапки.

* * *

Подходимъ уже къ Брестъ-Литовску. Это чувствуется по движенію, которое происходитъ здѣсь по дорогамъ. Мы, то пересѣкаемъ путь другимъ колоннамъ, — паркамъ, обозамъ, то сами вынуждены остановиться и кого нибудь пропустить.

* * *

Здравствуй Брестъ-Литовскъ. Давно ли съ несказанной радостью, съ цѣлымъ запасомъ розовыхъ надеждъ, мы покинули тебя?

Намъ странно было подумать тогда, что мы опять вернемся когда нибудь къ твоимъ устарѣлымъ кирпичнымъ фортамъ, что услышимъ здѣсь, у твоихъ

заснувшихъ крѣпостныхъ валовъ, хотя бы одинъ разрывъ германскаго снаряда.

Это было недавно, но тогда это казалось совершенно невѣроятнымъ событіемъ.

Дивизионъ сталъ бивакомъ у 4-го форта.

Брестъ-Литовскъ переполненъ. Главнымъ образомъ здѣсь сосредоточились обозы, лазареты, парки, бѣженцы со своими повозками. Полевыхъ войскъ не видно совсѣмъ. — Какъ будто только одна наша дивизія и нѣсколько дружинъ ополченцевъ.

Лихорадочной жизнью живетъ Брестъ-Литовскъ. Магазины и разныя кафэ открыты. Хозяева ихъ, пользуясь временемъ, собираютъ обильную жатву. Съ вѣзала на востокъ все время отходятъ переполненные поѣзда съ гражданскимъ населеніемъ, спѣшащимъ покинуть ненадежное пристанище. — обреченный уже, какъ будто, городъ.

— В. В., — докладываетъ фельдфебель, — надо пользоваться временемъ и запастись скотомъ. Теперь у бѣженцевъ почему хошь купишь: за пять рублей отдають корову.

— Ладно, покупай. Только меньше чѣмъ по 25 рублей за корову чтобы заплочено не было. Понимаешь?

— Такъ точно, понимаю.

Я сижу въ палаткѣ, перелистываю денежный журналъ и слышу какъ кто-то крихтитъ у самой моей палатки.

— Кто тамъ?

Это я, Викторовъ, мясникъ. В. В., пожалуйста корову смотрѣть.

Я выхожу.

— Какую корову?

— Для васъ В. В., кушили. То-есть безъ изъяна корова: головка, рожки, сама вся, ну, красавица настоящая. Какъ съ войны вернетесь домой, такъ и коровка на память вамъ будетъ.

— Вонъ куда гнешь!

Да, корова, дѣйствительно, хороша, но только зачѣмъ она мнѣ? Ну, ладно, пускай остается. Молоко пригодится и въ нашей бездомной, ночевой жизни. Эта корова, дѣйствительно, рѣдкая красавица, не долго побыла въ батареѣ. На одномъ изъ переходовъ она захромала такъ сильно, что ее пришлось тутъ же прирѣзать.

Намъ понадобилось перемѣнить одно изъ орудій и для этой цѣли я отправилъ въ мѣстный артиллерійскій складъ Т. М. Галущука, который еле вырвалъ новое орудіе у начальника склада, стараго артиллерійскаго чиновника, несмотря на то, что складъ былъ орудіями переполненъ.

Начальникъ склада прежде всего потребовалъ соответствующій документъ отъ инспектора артиллеріи корпуса.

— Какого вамъ еще инспектора артиллеріи? У насъ нѣтъ корпуса, понимаете? Мы отдѣльная дивизія и никакого инспектора артиллеріи у насъ нѣтъ.

Начальникъ склада все-таки заупрямился и продолжалъ стоять на своемъ.

— Да понимаете ли вы, что мы идемъ въ бой и намъ необходимо исправное орудіе и времени у насъ нѣтъ? Вы же все равно будете все свое имущество не сегодня, такъ завтра, эвакуировать и если вы добромъ не дадите мнѣ новое орудіе, то я, все равно, возьму его силой и получится только лишній скандалъ.

При этомъ Т. М. Галущуку, угрожающе приказалъ войти всѣмъ, прибывшимъ съ нимъ людямъ и только такимъ образомъ ему удалось получить то, что ему было нужно.

Дня черезъ два послѣ нашего прибытія, получилось распоряженіе спѣшно разгрузить Брестъ-Литовскъ отъ частныхъ жителей, до послѣдняго человѣка включительно.

Въ городѣ поднялась паника: приходилось бросать все имущество на произволъ судьбы. Квартиры съ полной обстановкой, съ бѣльемъ и даже съ сильнымъ платьемъ. Магазины, переполненные товарами. — все было брошено несчастными жителями и торговцами. Брестъ-Литовскъ сразу взмѣнилъ свое лицо: замолкъ, заснулъ и только военные мундиры и форменныя платья сестеръ милосердія, время отъ времени, появлялись на улицахъ.

*
* *

— В. В., командующій бригадой просить васъ немедленно прибыть къ нимъ на квартиру.

Съ такимъ докладомъ ко мнѣ въ палатку вошелъ мой фельдфебель. Я сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ. У командующаго бригадой застаю командира 1-го дивизиона.

— Вотъ что господа: городъ Брестъ-Литовскъ и крѣпость сѣбно очищаются. Все казенное имущество увозится. Всѣ войсковыя части и подразделения немедленно выводятся. Въ Брестѣ остается часть крѣпостной артиллеріи, наша пѣхотная дивизія и одинъ дивизионъ нашей бригады. Другой дивизионъ уходитъ.

Непріятель уже близко. Крѣпость на дняхъ будетъ осаждена и должна держаться до крайности, послѣ чего нашимъ осажденнымъ частямъ предоставляется самимъ себѣ искать выходъ, какой имъ будетъ угодно, вплоть до сдачи въ плѣнъ непріятелю, или, для болѣе энергичныхъ, вплоть до прорыва черезъ осаждающее кольцо германцевъ.

Итакъ, господа командиры дивизионовъ, тяните жребій кому уходитъ. Кому оставаться.

Командующій бригадой вынулъ носовой платокъ и завязалъ на немъ узелъ.

— Узелъ остается въ гарнизонѣ осажденной крѣпости. Тяните.

Мы взялись за концы зажатого въ рукѣ платка. Командующій бригадой разжалъ руку.

— Узель! . . . 2-й дивизионъ остается.

Командиръ 1-го дивизиона распрощался и вышелъ.

— Такъ вотъ: все, что вамъ нужно, вы можете просить гдѣ хотите и у кого хотите. Вамъ ни въ чемъ не будетъ отказа, включительно до денегъ, если онѣ вамъ нужны.

— Благодарю васъ, господинъ полковникъ, намъ ничего не нужно.

И поклонился и уѣхалъ къ себѣ въ батарею.

*

Вѣсть о томъ, что 2-й дивизионъ остается въ гарнизонѣ крѣпости, въ жертву неприятелю, моментально разнеслась по бригадѣ. Ко мнѣ сейчасъ же пришли командиры батарей: 4-й, временно командующій батареей поручикъ Козыревъ и 5-й капитанъ Гофманъ.

— Ну, что-же, значитъ судьба, отъ которой не уйдешь и не увернешься.

Наше положеніе въ Брестѣ какъ то сразу измѣнилось. Даже въ поднявшейся суетѣ, въ связи съ эвакуаціей, насъ вездѣ сразу замѣчали. Всѣ, куда не повернешься, стали къ намъ какъ то особенно внимательны. Начальникъ артиллерійскаго склада самъ пріѣхалъ ко мнѣ справиться не нужно ли намъ чегонибудь изъ склада?

— Берите всѣ орудія, если вы въ нихъ нуждаетесь.

Ярко выразилось, во всеобщемъ вниманіи и сочувствіи, положеніе тяжело-больного, умирающаго, котораго уже спасти нельзя, а потому врачи разрѣшили ему все давать, что онъ только захочетъ. И всѣ, съ грустными лицами, съ грустными улыбками, старались проявить намъ свое сочувствіе.

Стало какъ то не по себѣ. Скорѣе бы уходили, оставили бы насъ однихъ.

Какъ разъ въ это время получаю записку отъ командующаго дивизіей генерала Ремизова:

— Дивизія немедленно выступает навстрѣчу противнику. Догоняйте насъ и присоединяйтесь.

Я выскочилъ изъ палатки:

— Трубачъ, труби походъ 2-му дивизиону.

На душѣ стало даже радостно. Когда я услышалъ первые звуки родного сигнала: «Всадники, други въ походъ собирайтесь . . .», вылетающіе изъ трубы моего трубача, чернобородаго Нижегородца, красавца Калина, на груди котораго, отъ натуги, запрыгали его Георгіевскіе кресты.

Изъ полатокъ всего дивизиона, какъ по тревогѣ, высыпали люди и пустились бѣгомъ къ лошадямъ и орудіямъ. Всѣ рады, что томительное ожиданіе окончилось. Все равно: бой, такъ бой. Не впервые.

Мимо насъ тянутся обозы, парки, лазареты. Мы поворачиваемъ въ противоположную сторону.

* * *

2-й Дивизионъ вскорѣ нагналъ ушедшую впередъ пѣхоту.

Мы двигаемся по широкимъ крѣпостнымъ дорогамъ, раньше обсаженнымъ крупными деревьями. Теперь всѣ эти многолѣтніе красавцы лежатъ у дорогъ, погибшіе подъ ударами, ничего не щадящихъ, стальныхъ топоровъ.

Вонъ, влѣво отъ дороги, березовая роща, когда-то свѣжая, цвѣтушая, сейчасъ вся лежитъ, образуя естественную засѣку для наступающаго противника.

Однако, здѣсь постарались, ничего не пожалѣли.

Отрядъ остановился. Здѣсь будемъ ожидать подхода непріятели.

Передъ нами опустѣвшая деревня. На соломенной крышѣ одной изъ избъ прилѣпилась двурогая труба Цейса. Горизонтъ ясенъ, пустъ.

Какъ всегда, въ такихъ случаяхъ, въ свое свободное время, мы распиваемъ чай.

Напивайтесь, братцы, плотнѣе: съ наступленіемъ темноты костры разводить запрещено.

И люди, хорошо уразумѣвъ послѣднее приказаніе, пьютъ чай не останавливаясь, до самаго послѣдняго, возможнаго момента. И куда они вливаютъ въ себя такое количество чаю, причемъ, непременно, закусываютъ его большими ломтиами ржаного хлѣба?

Ночь. Все кругомъ замерло, все спитъ примиряющимъ сномъ.

Розово-сѣрыми полосами покрылось на востокъ небо. Холодно. Хочется спать. На горизонтѣ, понемногу, обрисовывается линія далекаго кустарника или мелкаго лѣса.

Совеѣмъ свѣтаеть. Попрежнему кругомъ все пусто и мертво.

Нѣтъ, не мертво: зорькіе глаза наблюдателя уже разбираютъ какую-то жизнь въ дальней растительности. Въ опушкѣ показался человекъ . . . второй, третій и черезъ минуту всѣ трое скрылись.

— Германскіе развѣдчики.

Появилась небольшая цѣпь.

Короткимъ ударомъ отдался въ избахъ деревни первый пушечный выстрѣлъ, нарушившій тишину яснаго утра.

Дивизія начала свой обратный отходъ подъ защиту крѣпостныхъ укрѣпленій.

Прикрываясь землянымъ валомъ, въ промежуткѣ между двумя фортами, стоитъ 6-я батарея. Въ пустомъ пѣхотномъ крѣпостномъ оконѣ, подъ козырькомъ, съ насыпанной сверху землей, покрытой дерномъ, я слѣжу за движеніями противника.

Гдѣ-то справа уже идетъ бомбардировка одного изъ фортовъ, занятаго нашей пѣхотой. Слѣва тоже началась кононада.

Отвѣчаютъ ли наши крѣпостныя орудія? Кажется еще нѣтъ: это слышатся разрывы германскихъ снарядовъ, а не наши выстрѣлы.

— Ну, что у васъ видно?

Этотъ вопросъ миѣ задалъ командиръ 4 го полка полковникъ Ивановъ, появившійся у меня на пунктѣ.

— Да ничего. Какая то рѣдкая цѣпь непріятеля окопалась вдали. А вѣдь наше здѣсь дѣло слабо, господинъ полковникъ?

— Да, очень слабо. Плохо намъ придется.

— В. В., кавалерія! — перебиваетъ нашъ унылый разговоръ наблюдатель Куриловъ.

Вдали, по дорогѣ, шагомъ, открыто идетъ эскадронъ.

— 6-я батарея къ бою! . . Правымъ взводомъ огонь! . .

Только легкимъ свистомъ надъ головами у насъ промчались шрапнели. Эскадронъ вздрогнулъ и брызнулъ, на полномъ галопѣ, во все стороны, а на его мѣстѣ появились два дыма, въ которыхъ по землѣ что-то барахталось.

Полковникъ Ивановъ просіялъ:

Ну и ловко.

Справа уже сильный бой: винтовочные выстрѣлы, дробь пулеметовъ, все уже слилось. Неужели нѣмцы штурмуютъ фортъ?

— Бѣгу къ полку. До свиданія, спасибо.

— Полковникъ Ивановъ исчезъ.

Рѣзкимъ, рѣжущимъ звукомъ посыпались около меня шрапнельныя пули. Часть моего земляного козырька рухнула. Вотъ какъ построено укрѣпленіе.

Влѣво, бѣглымъ огнемъ, заработала 4-я батарея. Я повернулъ свой бинокль: германскія густыя цѣпи куда-то наступаютъ.

Помочь, что-ли, 4-й батарее? Нѣтъ не стоитъ, — далеко, только запутаю Козырева, самъ справится. Хорошо ложатся разрывы шрапнелей 4-й батареи. Вырываютъ противника цѣлыми кучами.

Я не выдержалъ, схватилъ трубку телефона:

— Bravo, Козыревъ!

А вправо все гремитъ и гремитъ. Чѣмъ тамъ

кончится? Неужели нѣмцы возьмутъ фортъ съ налета?

День подходитъ къ вечеру. Вправо бой утихаетъ. Гудитъ телефонъ:

— Первоначальное предположеніе измѣнилось: съ наступленіемъ темноты войскамъ гарнизона отступить, оставивъ крѣпость неприятелю.

То такъ, то этакъ. Сразу никакъ не могутъ рѣшить такого серьезнаго вопроса: удерживать крѣпость или нѣтъ, — мечутся, — замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ.

Какое чувство мы всѣ испытали, получивъ послѣднее приказаніе? Радость? Нѣтъ, какъ то безразлично приняли это извѣстіе люди:

— Ну что же, отступить, такъ отступимъ. И все.

Сумерки. Какія то особенно мрачныя. А можетъ быть это такъ мрачно у меня на душѣ?

Вдали на горизонтѣ, зарево: пылаетъ деревня, третья. . . Кто могъ поджечь, точно по уговору, пустыя, покинутыя жителями селенія? Не нѣмцы же?

Дивизионъ, длинной ломанной линіей, вытянулся на голомъ внутреннемъ, крѣпостномъ полѣ. Сзади, справа, слѣва, все въ огнѣ, все горитъ. Мы идемъ прямо къ бушующему морю огня: горитъ городъ Брестъ-Литовскъ.

Страшное, ужасающее зарево колоссальнаго пожара! Зловѣщее зрѣлище! . . . Это адъ!

А. М. Козыревъ бросаетъ зажженную спичку, въ кучу сваленныхъ на полѣ, крѣпостныхъ ракетъ, приготовленныхъ для уничтоженія, мимо которыхъ мы проходимъ. Вспыхнула куча. Высокіе языки пламени взвились къ небу, закружились въ воздухѣ искры. Огонь, въ одинъ мигъ, перекинулся на сосѣднія кучи, невидимыя нами въ темнотѣ.

Лошади, въ испугѣ, шарахнулись въ сторону. Сильный свѣтъ залилъ все поле. Ночь превратилась

въ день, не яркій лѣтній день, залитый золотистыми лучами солнца а, блѣдный, горячій, зловѣщій.

Дивизионъ, рѣзкой, темной чертой, рельефно выдѣлился въ этомъ бѣломъ, матовомъ свѣтѣ ракетъ.

Германцы сейчасъ откроютъ огонь по дивизиону!

Нѣтъ, все тихо. Дивизионъ благополучно проходитъ освѣщенное поле и погружается въ мракъ.

Мостъ черезъ рѣку Муховець. У моста стоятъ саперы.

— Скорѣе проходите, мостъ минированъ, сейчасъ будемъ взрывать.

— Стой! Какъ взрывать? Сзади насъ отступаетъ еще цѣлый 3-й полкъ нашей дивизіи.

— Какой полкъ? Намъ ничего неизвѣстно.

Я оставляю у моста офицера и нѣсколькихъ развѣдчиковъ. Черезъ четверть часа они насъ догоняютъ, полкъ подходитъ къ мосту.

Сзади взрывъ! Одинъ, другой... Мостъ взорванъ.

Жарко. Мы лѣземъ прямо въ гигантскій костеръ: мы выходимъ на главную улицу города Брестъ-Литовска.

Двѣ колоссальныя стѣны сплошного огня, бушующаго, вьющагося съ трескомъ, съ шипѣніемъ, съ какимъ-то стономъ. Буря огня!

Насъ засыпаетъ искрами, копотью. Горящія головки падаютъ прямо подъ колеса орудій и зарядныхъ ящиковъ, подъ ноги лошадей. Лошади жмутся одна къ другой, храпятъ, ноздри раздуты, мелкой дрожью подергивается ихъ кожа и ѣздовые, съ сильнымъ напряженіемъ, сдерживаютъ ихъ.

Наши лица и руки пылаютъ отъ жара. Не загорѣлись бы гривы и хвосты у лошадей, не накалились бы передки и зарядные ящики.

Бушующая огненная стихія. Какой ужасъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое величіе и какая красота!

Это наши, отступающіе полки подождли: Бресть-Литовскъ.

Путь черезъ огонь пройденъ. Дивизионъ прошелъ Брестъ и вышелъ на крѣпостную дорогу съ другой стороны. Прохлада лѣтней ночи проникаетъ въ грудь и освѣжаетъ разгоряченный мозгъ.

Мы оборачиваемся: сзади насъ сплошное зарево пожаровъ.

Жутко. . . Не скоро намъ отдѣлаться отъ этихъ впечатлѣній. Мы отходимъ все дальше и дальше и постепенно радость бытія вливается въ тоскующую душу.

*
* * *

Мы беремъ направление на мѣстечко Зельва и, не доходя до него, въ одномъ изъ селеній, присоединяемся къ ранѣе ушедшей бригадѣ. Насъ встрѣчаетъ командующій бригадой полковникъ Поповъ.

— Я получилъ уже свѣдѣнія о работѣ 2-го дивизиона у Бреста. Пѣхота наша въ восторгѣ. Отъ лица службы благодарю васъ.

Мы еще немного отходимъ на востокъ. Вернулся изъ отпуска, недавно только намъ разрѣшеннаго, командиръ 4-й батареи подполковникъ Л. Н. Карабановъ.

Командующій бригадой собираетъ командировъ батарей:

— Господа, получено распоряженіе, ввиду недостатка снарядовъ, выдѣлить, въ глубокой резервъ на отдыхъ, по одной батарее изъ каждаго дивизиона, до полученія особаго приказанія. Отъ 2-го дивизиона отдыхать я назначаю 6-ю батарею, какъ наиболѣе утомленную боями.

Командующій бригадой повернулся ко мнѣ:

— Завтра-же съ утра 6-я батарея должна выйти въ глубокой резервъ за городъ Борисовъ, на рѣку Березину, вотъ по этому маршруту, а вамъ лично я разрѣшаю двухъ-недѣльный отпускъ.

Рано утромъ 6-я батарея выступила въ походъ. На станціи Зельва я съ нею простился. Батарея подъ командой поручика Кувалдина, прошла мимо, а я впервые за все время военныхъ дѣйствій разставшись съ нею, сѣлъ въ санитарный поѣздъ и помчался на милый сердцу востокъ.

8. ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА 1915 года

Я въ отпуску. Домашняя мирная обстановка, милыя лица близкихъ людей, мирная, спокойная жизнь обывателей города, суета мелкой обыденной жизни. Я хожу по улицамъ, захожу въ магазины, встрѣчаю знакомыхъ и чувствую, что все это время мнѣ какъ то не по себѣ.

Я не могу дать себѣ яснаго отчета въ происходящемъ во мнѣ и только тогда, когда мой отпускъ истекъ и поѣздъ помчалъ меня обратно къ батарее, я сразу понялъ все: я отравленъ.

Отравленъ ядомъ боевой и походной жизни, колоссальными, все время мѣняющимися впечатлѣніями. Мои нервы не могутъ уже мириться съ слишкомъ спокойной домашней жизнью, имъ необходимо новая пища, та, которою они жили все послѣднее время и, когда я на станціи Борисовъ увидѣлъ свой экипажъ, запряженный моими батарейными лошадьми и, на козлахъ своего кучера въ солдатской шинели, я совершенно успокоился и душа моя получила свой желанный миръ. Я вернулся къ своей нормальной жизни. Странная притягательная сила войны втянула меня опять въ свою сферу.

— Ну что у васъ новаго?

Мой кучеръ повернулся ко мнѣ лицомъ:

— Новый у насъ командиръ бригады, а полковникъ Поповъ такъ что убиты.

Я могъ ожидать всего, но это извѣстiе поразило меня какъ громомъ.

— Когда убитъ. Какъ?

Артиллерійскимъ снарядомъ и вмѣстѣ со своимъ конемъ. Сказываютъ, когда наши отъ Зельвы отступали, такъ что тогда, а какимъ манеромъ. В. В., хорошо не могу рассказать.

Я прекратилъ свои распросы.

* * *

Я опять со своей 6-й батареей и какъ будто я съ ней совсѣмъ не разлучался. Люди отдохнули, веселы, довольны. Лошади отѣлись, кожа ихъ опять лоснится, заблестѣла. Я среди своихъ офицеровъ. Шумитъ самоваръ, на столѣ разныя закуски, привезенныя мною изъ отпуска. Тутъ же примостился фельдфебель Додѣльцевъ, Бушмакинъ, Малининъ. Идетъ веселый разговоръ, съ обѣихъ сторонъ распросы, рассказы.

Полковникъ Поповъ убитъ во время отхода отъ Зельвы, — это правда. Нѣмцы зашли въ тылъ нашимъ наблюдательнымъ пунктамъ. Всѣ кинулись къ лошадямъ, но не для всѣхъ это вышло удачно: полковникъ Поповъ убитъ, бригадный адъютантъ поручикъ Обыдовъ взять въ плѣнъ, командиръ 2-й батареи подполковникъ Волковъ сильно контуженный снарядомъ, въ безчувственномъ состояніи снятъ съ лошади, занесшей его въ тылъ,

Невеселыя вѣсти.

Мы вошли въ составъ Гренадерскаго корпуса третьей дивизіи. Командуетъ корпусомъ генераль адъютантъ Куропаткинъ. Въ командованіе нашей бригадой вступилъ, откуда-то присланный, старый полковникъ В. Слышно, что не изъ особо ретивыхъ: больше все сидитъ у себя въ управленіи бригады и пишетъ записки о Турецкой войнѣ 1877 года.

Наступленіе противника пріостановилось и обѣ стороны, видимо, готовятся къ зимовкѣ.

Наша дивизія расположена гдѣ-то въ районѣ, занятыхъ непріателемъ, Барановичей.

* * *

Я выхожу къ людямъ, которые сейчасъ же меня окружаютъ.

— Ну какъ живете, молодцы?

— Слава Богу, живемъ. А вы, В. В., погуляли маленько?

— Погулялъ, это точно.

— А въ Россіи что слышно новаго?

— Да вотъ ждуть, когда мы станемъ бить нѣмцевъ.

— А рази мы ихъ мало били, В. В.?

— Били то били, да сами все время отходили назадъ. Ждуть, когда мы нѣмцевъ погонимъ обратно.

— А что имъ ждать, когда намъ они оттуда не шлютъ ни снарядовъ, ни пушекъ тяжелыхъ. Вотъ когда пришлютъ и то, и другое, тогда спрашивать могутъ, а сейчасъ не къ чему, зря.

* * *

Черезъ недѣлю послѣ моего возвращенія въ батарею, я получилъ приказаніе итти походнымъ порядкомъ на присоединеніе къ бригадѣ.

Съ вечера 6-я батарея начала готовиться къ предстоящему походу. Это событіе вызвало крупное волненіе между обитателями села, въ которомъ батарея отдыхала.

Ко мнѣ явилось человекъ пятнадцать молодежи, желающей поступить въ батарею добровольцами. Я не могъ, конечно, принять такое число, изъ которыхъ многіе были еще слишкомъ юны, тѣмъ болѣе, что въ батареѣ и такъ числился большой сверхкомплектъ лю-

дей и, отобравъ изъ явившихся человѣкъ пять, остальнымъ пообѣщавъ принять ихъ впоследствии.

Итакъ, опять въ сферу огня, заботъ и волненій.

Я пропускаю мимо себя свою батарею, люблюсь сытымъ видомъ играющихъ лошадей, своими маленькими приземистыми, свирѣпыми пушками.

Да, конечно, свирѣпыми и миѣ приходитъ въ голову мысль, что эти маленькія стальные существа, въ сущности, самыя страшныя и кровожадныя чудовища въ мірѣ. И миѣ кажется, что онѣ живыя, что онѣ чувствуютъ, что каждая изъ нихъ обладаетъ своей собственной холодной стальной душой.

Опять поля, но уже опустѣвшія перелѣски, деревни, гладь блестящихъ водъ, верстовыя столбы, — все чередуется, все уходитъ куда-то назадъ. Ночевки по избамъ селеній, испуганный, озабоченный видъ, на постояяхъ, хозяевъ, распросы про нѣмца, бабьи вздохи и добрыя пожеланія и напутствія безъ конца.

Господскій домъ Вольна, расположенный у деревни того же названія, вотъ, въ настоящее время, цѣль нашего похода. Тамъ въ этомъ домѣ, находится штабъ нашей дивизіи и управленіе бригады.

На пятыя сутки похода мы приближаемся къ цѣли, мы чувствуемъ это и безъ карты: до насъ уже доносятся рѣдкіе, одиночныя орудійныя выстрѣлы.

Вольна. На широкомъ лугу, недалеко отъ господскаго дома, я выстраиваю батарею, а самъ отправляюсь являться по начальству. Меня принимаетъ худенькій старичокъ въ полковничьихъ погонахъ.

— Очень радъ васъ видѣть. Дошли благополучно?

— Такъ точно, господинъ полковникъ.

— Бригада сейчасъ стоитъ на позиціяхъ. Кажется командиръ 4-й батареи для васъ уже приготовилъ мѣсто гдѣ-то рядомъ съ собой. Вы когда собираетесь поставить батарею?

— Я хочу просить передать по телефону командиру 4-й батареи, чтобы онъ выслалъ миѣ сейчасъ кон-

наго проводника. Сегодня я рекогносцирую позицію и завтра, рано утромъ, поставлю на нее батарею.

— Уже такъ скоро?

— Такъ точно. Вамъ угодно будетъ сейчасъ по-смотреть 6-ю батарею?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Не стоитъ беспокоить уставшихъ людей.

Я разошелся съ полковникомъ Б. Станный человекъ: все у него какъ-то неопредѣленно, точно онъ ничего не знаетъ. Кажется личное спокойствіе для него дороже всего. Не повезло бригадѣ съ назначеніемъ новаго командира.

Я отправился къ начальнику дивизіи, котораго тоже еще не видѣлъ. Генераль Совичъ произвелъ на меня впечатлѣніе совершенно противоположное. Кажется, на этотъ разъ, мы будемъ довольны.

*
* *

Слѣдомъ за проводникомъ, съ толпою за собой конныхъ развѣдчиковъ, шагомъ ѣду по полевой широкой дорогѣ, съ любопытствомъ оглядывая прилежащія мѣста. Кто знаетъ: быть можетъ мы здѣсь и зимовать будемъ.

Деревня Бартники. Здѣсь расположено управленіе 2-го дивизіона.

— А кто-же командуетъ сейчасъ 2-мъ дивизіономъ?

Проводникъ, развѣдчикъ 4-й батареи, сообщаетъ мнѣ что командиромъ 2-го дивизіона назначенъ полковникъ Караевъ, но что онъ еще не пріѣхалъ. Мы поворачиваемъ направо. Налѣво, у дороги, небольшая усадьба, прямо лѣсъ, скрывающій наши позиціи.

Высоко надъ нами свиститъ снарядъ.

Это что?

— Такъ что нѣмцы пускаютъ. Должно отъ скуки, что ли. Только что пользы никакой: ударить гдѣ въ болото или въ лѣсъ, ну и все тутъ.

— А часто они такъ пускаютъ свои снаряды?

— Никакъ нѣтъ, рѣдко очень.

Мы вѣзжаемъ въ крупный еловый лѣсъ, который идетъ узкой полосой, проѣзжаемъ его и поднимаемся по пѣшеходной дорожкѣ вверхъ. Изъ за мелкихъ зарослей лѣсной опушки торчатъ дула полевыхъ орудій.

— Здорово, 4-я батарея!

— Здравья желаемъ, В. В., — дружнымъ хоромъ отвѣчаютъ, выбѣжавшіе изъ своихъ землянокъ, люди.

Въ маленькой, тѣсной, полутемной землянкѣ большое оживленіе: офицеры 4-й батареи усиленно кормятъ меня вѣмъ, что у нихъ въ настоящее время имѣется. Идетъ самый оживленный обмѣнъ мнѣній по вопросамъ, связаннымъ съ боевой жизнью настоящаго момента. Выясняются всѣ вопросы боевого и хозяйственнаго характера. Все это крайне важно, — это основа нашего существованія.

Мы выходимъ наружу. Позиція для 6-й батареи дѣйствительно подготовлена рядомъ съ 4-й батареей, только ближе къ дорожкѣ. Со своими развѣдчиками я намѣчаю мѣста орудій, мѣста будущихъ землянокъ для людей. Передки, коновязи, все это помѣстится рядомъ съ 4-й батареей, — мѣста въ лѣсу, слава Богу, сколько угодно. Наблюдательный пунктъ опредѣленный: въ пѣхотныхъ окопахъ, тамъ всѣ наши наблюдательные пункты, всего дивизиона.

Уже въ темнотѣ я возвращаюсь обратно. Стало холодно, подъ утро навѣрное будетъ морозить. Высоко въ небѣ медленно плыветъ серебрянный мѣсяць. Надъ нами тихая звѣздная ночь.

* * *

6-я батарея устанавливаетъ на позиціи свои орудія, копаетъ землянки, рубитъ необходимый лѣсъ.

Высокая, хорошо укрытая позиція, отъ которой рельефъ довольно круто спускается внизъ. Мѣсто сильно лѣсистое и только кое-гдѣ, между перелѣска-

ми, разбросаны небольшіе поляны. Впереди же туда, къ раскинутымъ по невысокой длинной возвышенности, пѣхотнымъ окнамъ, желтѣеть сжатое поле.

Офицеры руководятъ построшкой позиціи. Мы, вдвоемъ съ командиромъ 4-й батареи, сидимъ въ офицерской землянкѣ.

— Что это? Слышите? Какъ будто снарядъ провистѣлъ надъ землянкой. — И не успѣлъ я окончить своей фразы, какъ наша землянка затряслась отъ сильнаго взрыва и изъ единственнаго небольшо-го оконца посыпалось стекла.

Еще разрывы. . .

Мы выскочили наружу и, почти въ этотъ моментъ, новый снарядъ ударилъ въ самую землянку, въ которой мы только что сидѣли. Завыли, зашипѣли мимо ушей осколки, вокругъ насъ дождемъ посыпалась земля.

Взрывы снарядовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ. Лѣсъ наполненъ дымомъ, тучею стоящимъ между деревьями. Люди скучились у орудій. Гробовое молчаніе, только глазами слѣдятъ за разрывами германскихъ бомбъ, бьющихъ по лѣсу.

Не ласково же насъ встрѣтилъ противникъ въ первый же день нашего прибытія на мѣсто.

Около сорока бомбъ выпустили германцы по нашему лѣсу. Въ 6-й батарее убито семь лошадей и одинъ человекъ, — ѣздовой бомбардиръ Навозовъ. Въ 4-й потерь нѣтъ.

* * *

Странная судьба человека: Навозовъ былъ раненъ и, когда я былъ въ отпуску, онъ уже почти выздоровѣлъ и жилъ въ своей семьѣ. Онъ узналъ о моемъ приѣздѣ и пришелъ ко мнѣ.

— В. В., когда вы поѣдете въ батарею, я поѣду съ вами.

— Зачѣмъ ты спѣшишь? Оправься хорошенько, поживи дома, чай жена не гонить?

— Да ужъ вы, В. В., уговорите его, Бога ради, — заговорила и его жена, пришедшая вмѣстѣ съ нимъ. — Заладили одно: поѣду съ командиромъ, что хонь дѣлай съ нимъ.

Сколько я не уговаривала Навозова остаться, еще полѣчнться, ничего не помогло.

— Поѣду съ вами, В. В., я ужъ такъ положилъ себѣ.

— Такъ мы и поѣхали вмѣстѣ.

— Къ смерти своей стремился человекъ. — говорили про него солдаты батареи и, дѣйствительно, въ первый же день прибытя на позицію, Навозовъ былъ убитъ и только онъ одинъ.

Навозова похоронили на пригоркѣ, на лѣвомъ флангѣ позиціи батареи и каждый, проходя мимо большого бѣлаго креста на его могилѣ, неизмѣнно снималъ свою шапку и крестился.

— Вы стрѣляли когда нибудь ночью отсюда. — спросилъ я у Л. Н. Карабанова.

— Нѣтъ, не стрѣлялъ.

Какимъ же образомъ нѣмцы могли узнать о нашихъ позиціяхъ въ этомъ мѣстѣ, совершенно укрытыхъ густымъ лѣсомъ, даже и сверху?

На этотъ вопросъ мы отвѣта не нашли. Еще болѣе странно то, что впослѣдствіи непріятель уже этого лѣса никогда не трогалъ. Это былъ первый и единственный, но горячій обстрѣлъ.

* * *

— В. В., разрѣшите доложить, такъ что батарея просить дозволить ей самой построить землянку для васъ и для господъ офицеровъ. Значить по своему хотятъ ее дѣлать, только извольте указать, — во время утренняго доклада преподнесъ мнѣ фельдфебель Додѣльцевъ.

— Хорошо, пусть копаютъ по своему.

Спустившисъ внизъ, въ косу стараго еловаго лѣса, я указалъ мѣсто. Въ тотъ же день работа заки-

пѣла и, по сдѣланной съ мѣста трассировкѣ, землянки, я, къ ужасу своему, увидѣлъ, что землянка грозитъ превратиться въ громадное сооруженіе изъ нѣсколькихъ комнатъ.

Когда же мы сможемъ поселиться въ этихъ хоромахъ: въ одинъ день ихъ не соорудить? Дѣлать нечего, набились какъ сельди въ бочку въ офицерскую землянку 5-й батареи и стали терпѣливо ждать.

Эта работа шла съ утра и до вечера и продолжалась около двухъ недѣль. Въ концѣ концовъ появилась пѣлая квартира изъ пяти комнатъ: двѣ маленькія лично для меня, двѣ большія для офицеровъ настоящихъ и будущихъ и пятая комната, — столовая такихъ размѣровъ, что за поставленными вдоль, посредниѣ ее столами, могло размѣститься около 70-ти человекъ. Сверху землянки были положены толстыя бревна въ шесть накатовъ, съ двумя воздушными прослойками. Стѣны, полъ и потолокъ забраны тесомъ.

*

Въ моей маленькой комнаткѣ горитъ жестяная керосиновая лампочка, тускло освѣщая простой деревянный столъ, стоящую на немъ станцію полевого телефона, край табуретки и небольшой кусокъ пола. Кровать моя и углы комнаты остаются въ полумракѣ.

Я лежу на кровати, прислонивъ телефонную трубку къ своему уху и стараюсь уловить отголоски ночной жизни нашихъ пѣхотныхъ окоповъ.

— Наблюдатель 6-й батареи, что у васъ дѣлается

— Въ развѣдку ушли. А то все тихо.

— А колья будутъ сегодня вколачивать въ проволочныя загражденія?

— Такъ точно, какъ ись что будутъ, рабочіе уже пришли.

Ночную тишину нарушаетъ неровная ружейная перестрѣлка. Черезъ минуты три она смолкаетъ.

— Наблюдательный. Въ чемъ дѣло?

— Развѣдка наскочила на нѣмцевъ, маленько повыпускали крови другъ изъ друга. У насъ, ни то одинъ, ни то два раненыхъ. Сказываютъ, что и нѣмцамъ попало.

Я незамѣтно для себя засыпаю.

Утро. Солнечный свѣтъ врывается черезъ наши узкія, расположенныя у потолка, окна. Въ столовой на столѣ уже шипитъ самоваръ, выпускающій цѣлое облако бѣлаго пара. Офицеры встали и сидятъ за столомъ на своихъ привычныхъ мѣстахъ. Приходитъ съ докладомъ фельдфебель.

— Пѣхота рассказываетъ, В. В., что сегодня ночью нѣмцы ушли, а на ихъ мѣсто заступили австрійцы. Перебѣщикъ пришелъ.

— Ну что-же, легче будетъ нашей пѣхотѣ. Присаживайся Димитрій Федоровичъ, выпей чаю стаканъ.

Фельдфебель отъ удовольствія краснѣетъ, какъ то бокомъ садится къ столу на табуретку и долго вертитъ ложечкой въ своемъ стаканѣ. Я ему подвигаю коробочку съ кристаллами лимонной кислоты. Онъ беретъ цѣлый кусокъ, кладетъ въ стаканъ и, съ перекосившимся лицомъ, пьетъ эту бурду, не рѣшаясь отъ нея отказаться. Мы всѣ смѣемся и замѣняемъ его кислый растворъ новымъ стаканомъ чая.

Я сижу на наблюдательномъ пунктѣ командира корпуса генерала-адъютанта Куропаткина.

Мнѣ приказано познакомить его съ неприятельскими позиціями, указать болѣе сильныя и болѣе слабыя мѣста, средства защиты и прочее.

Генерала Куропаткина сопровождаетъ командиръ бригады генералъ Б.

Семнадцать лѣтъ я не видѣлъ генерала-адъютанта Куропаткина. Какъ сильно онъ измѣнился: вмѣсто худощаваго, еще молодого брюнета, какимъ я его

помнилъ, я встрѣтилъ ранортомъ сѣдого, отяжелѣвшаго старика. Не годы, видимо, а тяжесть пережитаго такъ быстро состарило его. Тѣмъ не менѣе личное его обаяніе сказалось съ первыхъ же словъ и не оставляло меня все время пока я, насколько могъ, удовлетворялъ его безконечную любознательность и поражался его быстрыми выводами и точными заключеніями.

— Ну, теперь я хочу посмотреть вашу батарею, — заявилъ мнѣ генераль Куропаткинъ.

Пока онъ, въ саняхъ, дѣлалъ объѣздъ по дорогѣ, я проскакалъ, по снѣжнымъ сугробамъ, на позицію 6-й батареи напрямикъ и опять встрѣтилъ его рапортомъ.

— Вы меня поражаете, — сказалъ генераль Куропаткинъ. — Какимъ образомъ очутились на батареѣ раньше меня?

— Проѣхалъ по прямой линіи, В. В. П.

Генераль Куропаткинъ разсмѣялся.

И здѣсь онъ проявилъ удивительное вниманіе и заботливость къ нуждамъ солдатъ и, когда онъ уѣхалъ, долго еще люди не могли успокоиться, вспоминая его разговоръ, распросы, ласковую его улыбку.

Генераль Куропаткинъ очень любилъ шахматную игру. Въ лицѣ нашего командира бригады онъ встрѣтилъ такого же любителя этой игры, какъ и онъ самъ и поэтому, довольно часто, мы видѣли генерала у себя въ гостяхъ и всегда удивлялись поразительному спокойствію и выдержкѣ, вмѣстѣ съ изысканной воспитанностью, этимъ отличительнымъ чертамъ его характера.

Недолго пробылъ онъ у насъ командиромъ корпуса. Однажды мы получили увѣдомленіе, что генераль-адъютантъ Куропаткинъ получилъ какое-то высшее назначеніе и покидаетъ корпусъ.

Отъ частей Гренадерскаго корпуса было приказано выслать къ мѣсту расположенія его штаба, для того, чтобы проститься съ генераломъ, по сводному

батальону отъ дивизіи и по сводной батарее отъ артиллерійской бригады. Въ командованіе нашей сводной батареей вступилъ я.

Было видно, что старику жаль разставаться съ корпусомъ, къ которому онъ уже успѣлъ привыкнуть и въ которомъ, онъ чувствовалъ, всѣ его любятъ.

— Я просилъ Государя Императора оставить меня на мѣстѣ, но Государь не нашелъ это возможнымъ тогда я просилъ оставить меня до тѣхъ поръ, пока мы не возьмемъ Барановичей, но и на эту мою просьбу, со стороны Государя Императора, послѣдовалъ отказъ. — грустно сообщилъ намъ генераль Куропаткинъ.

Генераль-адъютантъ Куропаткинъ уѣхалъ, а на его мѣсто, командиромъ Гренадерскаго корпуса, былъ назначенъ Генераль-Лейтенантъ Парскій.

* * *

Я перевелъ 6-ю батарею на новую позицію, спустивъ ее съ горы внизъ, ближе къ нашей землянкѣ. Я сократилъ этимъ нѣсколько дистанцію до непріятеля и облегчилъ себѣ и офицерамъ появленіе на позиціи батареи въ любой моментъ.

На новой позиціи вѣтви густыхъ елей опять закрыли орудія отъ всякихъ нежелательныхъ взоровъ. Большія свѣтлыя, выложенныя тесомъ, землянки для людей были уже вырыты не наспѣхъ, сильно укрѣплены и хорошо укрыты. Тутъ же, недалеко, построили баню, которая, на слѣдующій же день, была разбита, случайно залетѣвшимъ, германскимъ снарядомъ. Новую баню построили на томъ же мѣстѣ, вполне основательно рассчитавъ, что попаданіе двухъ снарядовъ въ одну точку, случай крайне рѣдкій.

Вообще странная вещь эти случайныя попаданія снарядовъ. Дня черезъ два, послѣ случайнаго снаряда, попавшаго въ нашу баню, мой случайный снарядъ попалъ въ непріятельскую походную кухню, подвизившую къ окопамъ пищу и, конечно, отъ всего быв-

шаго въ кухнѣ варева, отъ самой кухни, отъ лошадей и кашевара, осталось лишь одно печальное воспоминаніе.

*
*
*

— Ну что-же, довольны вы новыми квартирами?
— спрашиваю я у солдатъ, спустившихся въ одну изъ землянокъ.

— Квартиры ничего, В. В., теплыя.

— Да ужъ насчетъ теплоты безпокоиться нечего: такую теплоту развели, что голова пухнетъ. Неужто вамъ не жарко и какъ вы только терпите?

— А вы, В. В., чайку съ нами выпейте. Снаружи тѣлу жарко, внутри будетъ жарко, ну и, значить все какъ слѣдуетъ быть и жары не будете чувствовать.

Передо-мною, на столикѣ, появляется кружка чаю, сахаръ и хлѣбъ.

— Цѣлый день небось чай пьете?

— Такъ точно, В. В., дѣлать то больше нечего. Надоѣстъ въ дураки играть.

А откуда у васъ карты?

— Да какъ отъ Бреста отходили, мало ли тамъ всякаго добра пооставалось? Вонъ Бѣликовъ такъ цѣлое бабье платье съ собою все время таскалъ. Для жены все берегъ. Ызвиль въ отпускъ, свезъ его женѣ.

Бѣликовъ конфуженно улыбается.

— Довольна жена платьемъ осталась?

— Такъ точно.

Солдаты смѣются.

*
*
*

Въ бригаду, по новому штату, прибылъ священникъ.

Отецъ Михаилъ крайне ревностно отнесся къ выполненію своихъ священническихъ обязанностей и,

поэтому, сразу же снискалъ расположение какъ офицеровъ, такъ и солдатъ.

Въ глухомъ еловомъ лѣсу, въ сугробахъ снѣга, на мѣстѣ, куда совершенно нѣтъ никакихъ дорогъ, вдругъ появилась маленькая деревянная церковь.

Вечеръ. Въ лѣсу густая мрачная темнота. Вѣтви елей, пригнувшіяся подъ тяжестью налипшаго на нихъ снѣга, чуть качаются, какъ руки лѣсныхъ духовъ или сказочныхъ великановъ, протянутыя къ пробирающимся, въ темнотѣ, путникамъ. Нависшее низко черное небо давитъ къ землѣ, холодный вѣтеръ завываетъ въ верхушкахъ деревьевъ.

И вдругъ блеснулъ огонекъ. Яркой путеводной звѣздой мелькаетъ сквозь чашу лѣса, манитъ къ себѣ, ободряетъ. Изъ ночной глубины до слуха донесся аккордъ чистыхъ звуковъ. Свѣтъ ярче и, сразу, сіяя огнями, на темномъ фонѣ столпившихся елей, ясно рисуется церковь, изъ которой рвется наружу, въ темный лѣсъ, чудная музыка церковныхъ напѣвовъ.

Въ бригадной церкви отецъ Михаилъ служитъ всенощную подъ грохотъ разрывовъ германскихъ минъ, летящихъ въ наши окопы.

9. ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА 1916 года

1915-й годъ прошелъ. Трудный, тяжелый, утомительный годъ.

Зарева пожаровъ, моря крови, зіяющія раны, груды недвижныхъ мертвыхъ тѣлъ, съ застывшими, наводящими ужасъ, остеклянѣвшими глазами.

Разочарованія, крушенія надеждъ, голодъ, бессонница, — все прошло съ этимъ годомъ, потеряло уже свою остроту, душа освободилась отъ тяжкаго гнета и ярче выплыли въ памяти прошедшія маленькія радости. Мы же сами стали много опытнѣе, болѣе увѣренными въ самихъ себѣ. Мы привыкли къ мысли о смерти и она уже не кажется намъ такой безобразной, ужасной, а просто обычнымъ явленіемъ, въ которомъ ничего страшнаго нѣтъ. Мы привыкли къ виду труповъ и трупному запаху и на насъ они уже не производятъ отталкивающаго впечатлѣнія.

Что дастъ Новый годъ? Одно уже намъ ясно вполне: война затянулась и пріобрѣла какъ бы хроническій характеръ. О концѣ ея у насъ никто не говоритъ и не думаетъ о немъ.

*
* * *

— Господинъ полковникъ, произведенный изъ портупей-юнкеровъ Константиновскаго Артиллерійскаго училища прапорщикъ Воронинъ представляется

по случаю назначенія на службу въ ввѣренную вамъ батарею. А черезъ нѣкоторое время прапорщики Устрицкій, Русинъ, Габѣевъ.

Сколько ихъ новыхъ моихъ офицеровъ? Только долго ли они все продержатся въ батарее?

Въ землянкѣ сразу стало шумно и весело. Прапорщики Устрицкій и Русинъ постарше. Устрицкій уже окончилъ университетъ, а Русинъ студентъ Института Путей Сообщенія. Воронину 19 лѣтъ, а Габѣеву 18. — эти еще дѣти. Конечно потребовался граммофонъ и въ землянкѣ заиграла музыка.

Старшая сестра милосердія 7-го Сибирскаго госпиталя, стоящаго въ деревнѣ Вольна, сшила на окна землянки занавѣски. Ей интересно самой ихъ повѣсить, а кстатѣ посмотрѣть и нашу землянку, о которой она столько слышала. Разъ ѣдетъ на позицію Людмила Ивановна, то и ея подвластнымъ сестрамъ тоже очень хочется прокатиться. А въ землянкѣ, по случаю пріѣзда сестеръ милосердія, поваръ Лапшинъ соорудилъ цѣлый ужинъ по ресторанному образцу. Послѣ ужина заигралъ граммофонъ, ноги у барышень сами заходили и, конечно, пришлось вынести столы въ сосѣднюю комнату, а столовая превратилась въ залъ, въ которомъ сейчасъ-же въ вальсѣ закружились пары.

*
* *

Я опять лежу на своей походной кровати, въ полутемной комнатѣ, съ телефонной трубкой у уха.

Точно молнія ударила гдѣ-то поблизости и отъ раскатовъ близкаго грома содрогнулась земля. Въ землянкѣ зазвенѣли стекла.

Опять тотъ же звукъ, еще болѣе усиленный, тяжелымъ грохотомъ пронесся по елямъ нашего лѣса.

— Мины пускаютъ нѣмцы къ намъ въ окопы. Ужасъ, что они дѣлаютъ эти мины, — слышу я въ трубку докладъ дежурнаго офицера.

— Дежурное орудіе къ бою! . .

Одна, двѣ, три гранаты рвутся у нѣмцевъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ ихъ минометы. Опять зазвенѣли стекла въ землянкѣ, отвѣтное эхо покатилося по лѣсу. Въ окнахъ обѣихъ сторонъ наступила тишина.

— Прапорщикъ Габѣевъ, что у васъ дѣлается?

— Нѣмцы совершенно развернули своей миной одну изъ землянокъ. Есть раненые и убитые. Вотъ это дѣйствительно чемоданы, летять и кувыркаются въ воздухѣ.

Защелкалъ нашъ пулеметъ. . . Ружейные выстрѣлы. . .

— Неприятельская развѣдка подкралась къ самой проволоцѣ. Одинъ убитъ. Наши притащили его въ окопъ, видно, что сверхсрочный унтеръ-офицеръ, съ нашивками и орденами.

Утромъ обстрѣлъ батареи: около десятка своихъ бомбъ выпустили нѣмцы по 6-й батарее, къ счастью не причинивъ никакого вреда. Засѣчками, по огню выстрѣловъ, опредѣлили точно положеніе батареи.

Былъ приказъ Генерала Инспектора Артиллеріи Великаго Князя Сергѣя Михайловича ночью не стрѣлять. Но развѣ возможно выполнить этотъ приказъ, если только своими гранатами мы можемъ заставить противника быть нѣсколько сдержаннѣй. У нашей пѣхоты минометовъ вѣдь не имѣется.

*
* *

— Правый взводъ къ бою! . . 1-е орудіе зажигательной шрапнелью, 2-е обыкновенной!

Наканунѣ намъ въ батарею прислали, на испытаніе, зажигательные снаряды.

У нѣмцевъ, въ Горномъ Скробовѣ, въ тѣни большихъ елей, стоитъ какое-то строеніе, около котораго всегда ходитъ часовая. Хорошая мишень для настоящаго опыта.

Свиснула шрапнель и легкимъ дымкомъ выпустила на крышу строенія маленькій шарикъ. Вспыхнуло пламя и, въ этотъ моментъ, по хвоѣ елей и по крышѣ строенія застучали пули второй шрапнели. Германцы поняли и тушить пожаръ не пытались.

Высоко взвилось пламя пожара, огневые языки полѣзли по всему строенію и между вѣтвями елей. Вскорѣ отъ строенія и его содержимаго осталась лишь кучка дымящихся головней и пепла.

А вечеромъ у германцевъ опять неожиданное развлеченіе: наша гаубичная батарея испытывала новые освѣтительные снаряды съ парашютами.

Заволновались нѣмцы, когда надъ ихъ расположеніемъ, въ темнотѣ, неожиданно, яркимъ пламенемъ вспыхнули огни и медленно стали опускаться все ниже и ниже, ровнымъ, блѣднымъ свѣтомъ покрывая значительную площадь въ районѣ ихъ окоповъ. Второпяхъ застучали винтовочные выстрѣлы, затрещалъ пулеметъ, тревога пошла все дальше и дальше и только подъ утро они, постепенно, успокоились не дождавшись нашей атаки.

— Не примете ли вы къ себѣ въ батарею вольноопредѣляющагося? — спросилъ какъ то меня одинъ изъ уполномоченныхъ Всерос. Земск. Союза, пріѣхавшій, съ этой цѣлью, къ намъ на позицію.

— Отчего-же. Если вы мнѣ его рекомендуете, то приму съ удовольствіемъ. Только я долженъ предупредить васъ, что въ 6-й батареѣ вольноопредѣляющимся служить тяжело. Я къ нимъ предъявляю требованія много большія чѣмъ къ простымъ добровольцамъ, считая, что вольноопредѣляющіеся, какъ интеллигентные люди, должны быть во всемъ примѣромъ для солдатъ и, кромѣ того, какъ болѣе развитыхъ людей, я ихъ назначаю всегда въ команду телефонистовъ, то есть на самую тяжелую, отвѣтственную и опасную работу.

— Эти условія я за него принимаю. Видите ли въ чемъ дѣло: я хлопочу за такого же уполномоченнаго Всерос. Земск. Союза, какъ и я самъ. По закону, онъ, по занимаемой должности, освобожденъ отъ службы въ войскахъ и, въ данномъ случаѣ, итти добровольцемъ, это его личное желаніе. Есть еще одинъ пунктъ, на который, не знаю, согласитесь ли вы или нѣтъ: онъ еврей.

— Національность для меня не имѣетъ значенія.

— Въ такомъ случаѣ я очень благодарю васъ и прошу разрѣшенія пріѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

Дня черезъ два прибылъ новый вольноопредѣляющійся А. Б. Штернъ.

Окончивъ одно изъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, онъ передъ войной находился въ Германіи, гдѣ продолжалъ свое дальнѣйшее образованіе. Въ моментъ объявленія войны, онъ былъ арестованъ, какъ военноплѣнный, но затѣмъ обмѣнянъ на такого же, задержаннаго въ Россіи нѣмца.

Плохо намъ было въ первые дни, — разсказывалъ Штернъ. — На насъ нѣмцы вымещали свою злобу, въ особенности женщины, которыя всячески старались насъ оскорбить, ругали насъ и даже плевали намъ въ лица.

Человѣкъ поразительной энергіи, умный, но сильно увлекающійся, съ большими связями въ Всерос. Земск. Союзѣ. Штернъ сталъ для батареи очень полезнымъ человѣкомъ. Благодаря ему 6-я батарея получила въ свое распоряженіе изъ Всерос. Земск. Союза, цѣлую бібліотеку въ нѣсколько сотенъ томовъ, помѣтившуюся. Конечно, въ нашей землянкѣ, куда, съ сѣ этого времени, ежедневно, началось паломничество офицеровъ и солдатъ всего дивизіона за книгами.

При содѣйствіи А. Б. Штерна на позиціи батареи былъ вырытъ и бетонированъ колодезь, усовершенствована баня и оборудована, по германскому образцу, «лисья нора», — глубокое и сильно укрѣплен-

ное убѣжище для людей во время обстрѣла и для запаса снарядовъ. Въ этой «лисей норѣ» явилась настоятельная необходимость, такъ какъ, хорошо известная неприятелю, благодаря постоянной ночной стрѣльбѣ, позиція 6-й батареи начала подвергаться частому и систематическому обстрѣлу, причемъ почти все крупныя деревья на позиціи, были уничтожены неприятельскими снарядами.

Мѣнять же позицію не имѣло смысла, такъ какъ каждая новая позиція, все равно, вскорѣ была бы открыта, благодаря все той же постоянной ночной стрѣльбѣ, безъ которой обойтись было невозможно.

*
* *

Обстрѣлъ нашихъ окоповъ изъ минометовъ происходилъ очень часто. Громадныя мины выпускались при очень незначительной начальной скорости и поэтому, когда онѣ летѣли, онѣ были, даже ночью, хорошо видны, но уберечься отъ нихъ было очень трудно. Обладая громадной силой, эти мины дѣлали очень крупныя разрушенія въ нашихъ окопахъ и, если падали на мѣста землянокъ, то уничтожали эти землянки, вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ людьми, разрывая ихъ буквально на части.

Люди нервничали, въ особенности тяжело было для тѣхъ, которыхъ Судьба какъ то пронесла невредимыми черезъ все этапы военнаго времени, а такихъ хотя было и очень немного, но все-таки нѣкоторое число было.

Одного изъ нихъ, 4-го полка штабсъ-капитана Созонцева, начальникъ дивизіи рѣшилъ даже взять къ себѣ въ тылъ, въ штабъ дивизіи. Но судьба человека никогда не оставляетъ его и слѣдить за нимъ всюду, куда бы онъ не скрылся: въ первый же вечеръ своего пребыванія въ штабѣ дивизіи, штабсъ-капитанъ Созонцевъ открылъ наружную дверь, чтобы посмотреть гдѣ разорвался пущенный германцами, по тыламъ, сна-

рядъ и, въ этотъ моментъ, былъ тутъ-же на мѣстѣ, убитъ, разорвавшимся у штаба дивизіи, вторымъ германскимъ снарядомъ.

*
• * •

Въ районѣ нашихъ позицій произошло крупное событіе: Высочайшій смотръ.

На обширномъ полѣ, покрытомъ довольно глубокимъ снѣгомъ, были собраны представители отъ находящихся на позиціяхъ, войскъ: по сводному батальону отъ пѣхотной дивизіи и по сводной батарее отъ артиллерійской бригады. Командовать сводной батареей отъ нашей бригады, былъ назначенъ я.

Войска были построены въ видѣ громаднаго карэ, лицомъ во внутрь, по старшинству номеровъ дивизіи, имѣя на правомъ флангѣ всѣхъ высшихъ чиновъ, представляемыхъ Государю Императору, войсковыхъ частей.

Въ глазахъ зарябило отъ множества Георгіевскихъ крестовъ и медалей, украшавшихъ грудь всѣхъ до послѣдняго, бывшихъ въ строю, солдатъ, въ томъ числѣ и моей сводной батареи. Снѣгъ моментально былъ утопанъ тысячами ногъ во время постройки карэ и въ срединѣ образовалась довольно ровная площадь. Въ этотъ день, при незначительномъ морозѣ, солнце сіяло такъ, какъ будто бы и оно принимало участіе въ парадѣ. Снѣгъ блестѣлъ и искрился въ лучахъ льющагося свѣта миллиардами разноцвѣтныхъ сіяющихъ точекъ.

— Парадъ смирно! . . Слушай на крауль!

На правомъ флангѣ блеснули мѣдныя трубы и звуки встрѣчнаго марша понеслись навстрѣчу Тому, въ Кого Одного, въ тотъ моментъ, впелись глаза нѣсколькихъ тысячъ, застывшихъ на мѣстѣ людей.

Государь Императоръ пѣшкомъ, въ сопровожденіи пѣшихъ и конныхъ лицъ высшаго команднаго состава, началъ обходъ фронта.

— Здорово. Гренадеры!

Еще не успѣли отвѣтить Ему Гренадеры, какъ всепокрывающее «Ура» нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, слившееся въ одинъ протяжный гулъ, взвилось и полетѣло надъ притихшей землей. Казалось, что земля дрожитъ отъ силы этаго звука-восторга, потрясающаго воздухъ.

Государь Императоръ уже совсѣмъ близко отъ насъ. Онъ остановился, повернулъ голову и что-то спросилъ у, нагнувшагося въ сѣдлѣ, командира 3-го Кавказскаго корпуса генерала Ирманова. Пошелъ дальше.

— Здорово артиллеристы!

— Здравья желаемъ Ваше Императорское Величество! . . ура! . .

Я просилъ показать ихъ Мнѣ такими, какими они всѣ находятся въ окопахъ, а вы почему-то нарядили ихъ въ новое обмундированіе. — чуть пріостановившись, проходя мимо меня, сказалъ Государь, шедшему съ Нимъ рядомъ, генералу Эверту. Послѣдній поднялъ руку къ козырьку фуражки и что-то отвѣтилъ, но этого отвѣта я уже не слыхалъ.

Обходъ оконченъ. Подъ легкіе звуки Старо-Егерскаго марша мимо Государя Императора проходятъ войска.

Ровными шевелящимися линіями, одна за другой, проносятся мимо Него шеренги блестящихъ штыковъ. Сіяя золотомъ, плывутъ знамена. Блестятъ на солнцѣ обнаженныя, салютующія шашки.

На правомъ флангѣ нѣкоторыхъ батальоновъ идутъ ветераны: винтовка плохо уже лежитъ на плечѣ, старческія руки съ трудомъ поддерживаютъ снизу деревянный прикладъ, сѣдя головы трясутся на церемониальномъ маршѣ. Трудно ровно идти старикамъ по снѣжнымъ сугробамъ, хотя и обмятымъ, ноги плохо несутъ уже, согнувшееся, подъ бременемъ лѣтъ и снаряженія, тѣло.

— Сколько же лѣтъ таскаешь ты на плечѣ своемъ винтовку, дѣдушка?

На рукавѣ шевроны, крестами и медалями завѣшена грудь, сапоги съ красными отворотами. Не можетъ уже «ногу держать», колѣнки все подгибаются. Спѣшитъ, спотыкается, путаетъ ногу.

И Императоръ улыбается глядя на стараго солдата и, блеснувшіе веселыми огоньками, глаза Его долго еще смотрятъ вслѣдъ, ковыляющему по сѣбгу, старику, съ дрожащей винтовкой на старческомъ сгорбленномъ плечѣ.

Высочайшій смотръ конченъ. Государь Императоръ уѣхалъ.

*
* *

Въ штабѣ дивизіи военный совѣтъ.

Залъ помѣщичьяго дома заполненъ чинами высшаго команднаго состава Гренадерскаго корпуса. Предсѣдательствуетъ командиръ корпуса генераль лейтенантъ Парскій.

— Господа, я предлагаю вамъ обсудить вопросъ о предполагаемомъ въ ближайшемъ будущемъ наступленіи Гренадерскаго корпуса. Цѣль наступленія. — Барановичи, заняты непріателемъ.

Имѣйте въ виду, господа командиры, что въ этомъ предполагаемомъ нашемъ наступленіи, мы не получимъ никакой помощи извиѣ, ни войсками, ни артиллеріей. Мы должны рассчитывать исключительно на свои собственные силы.

Итакъ, господа, я предлагаю высказаться по предложенному сейчасъ мною вопросу по очереди, соблюдая всегдашнее правило военныхъ совѣтовъ, то есть начиная съ самаго младшаго. Среди насъ находится только одинъ полковникъ. Начнемъ съ него.

Командиръ 6-й батареи, слово за вами.

Я всталъ. Обдумывать зтотъ вопросъ было нечего: все было ясно, какъ на ладони.

— В. П., я не сомнѣваюсь въ томъ, что наша пѣ-

хота выполнить свой долгъ такъ, какъ она всегда привыкла его выполнять. Насколько успѣшно будетъ ея наступленіе, при настоящихъ условіяхъ, какія причины будутъ за ея успѣхъ и какія противъ, я не берусь обсуждать: это дѣло ея командировъ. Я могу лишь разсматривать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія чисто артиллерійской и въ этомъ отношеніи, я заранѣе и опредѣленно увѣренъ въ полной неудачѣ предполагаемаго наступленія.

Генераль Парскій вскочилъ:

— Я попрошу васъ, подполковникъ, изложить тѣ мотивы, которые заставляютъ васъ такъ увѣренно говорить о нашемъ провалѣ.

— Слушаю, В. П., первое: у обороняющагося, въ данномъ случаѣ у германцевъ, большое преимущество въ артиллеріи, какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и въ качествѣ системъ и калибровъ орудій. Противъ нашихъ 124-хъ орудій у непріятеля имѣется, точно не могу сказать, 180-200 орудій, изъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ третей гаубицъ и не меньше половины тяжелаго типа. Второе: позиціи непріятельской артиллеріи въ точности намъ неизвѣстны, такъ какъ онѣ хорошо укрыты и ночью совсѣмъ не стрѣляютъ. Въ большинствѣ онѣ находятся на недосыгаемыхъ для нашихъ полевыхъ пушекъ дистанціяхъ. Отъ своей воздушной развѣдки мы, объ артиллерійскихъ позиціяхъ противника, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ наши артиллерійскія позиціи, всѣ безъ исключенія, точно извѣстны непріятелю и у меня имѣется доказательство, — карта уроненная германскимъ летчикомъ, съ отмѣченными на ней позиціями нашихъ батарей. Третья: наши полевые орудія, по свойству своей системы, могутъ серьезно помочь въ предстоящемъ наступленіи только въ уничтоженіи проволочныхъ загражденій противника и въ видѣ дымовой завѣсы передъ атакующей пѣхотой. Произвести сколько нибудь значительныя поврежденія въ укрѣпленіяхъ противника

мы своими пушками. не можемъ. Для этого останутся у насъ только 16 гаубиць, количество слишкомъ незначительное. Четвертое: у насъ совершенно нѣтъ химическихъ снарядовъ, которыми мы могли бы нѣсколько усилить поражаемость въ укрѣпленіяхъ противника, между тѣмъ какъ у германцевъ этихъ снарядовъ сколько угодно.

Генераль Нарскій былъ явно недоволенъ моимъ докладомъ.

Послѣ меня высказали свои предположенія еще нѣкоторые командиры пѣхотныхъ полковъ, все отрицая возможность успешнаго наступленія. Въ концѣ концовъ Военнымъ Совѣтомъ наступленіе, при настоящихъ условіяхъ, было признано трудно выполнимымъ и поэтому нежелательнымъ и было отложено на неопредѣленное время.

* * *

Произошло нѣсколько случаевъ, что наша артиллерія обстрѣливала, вмѣсто непріятельскихъ, свои самолеты и поэтому послѣдовало распоряженіе, чтобы командиры батарей непременно ознакомились съ типами нашихъ аэроплановъ.

Это распоряженіе какъ нельзя больше совпало съ моимъ непремѣннымъ желаніемъ посѣтить одинъ изъ, имѣющихся на фронтѣ, нашихъ воздухоплавательныхъ отрядовъ, такъ какъ я былъ увѣренъ, что у нихъ имѣются фотографическіе снимки непріятельскихъ позицій и, если нельзя будетъ добыть эти снимки въ полное свое распоряженіе, то хотя бы тамъ, на мѣстѣ, хорошенько разсмотрѣть ихъ и сдѣлать соответствующія отмѣтки на своей картѣ.

Ознакомить съ типами нашихъ аэроплановъ, — фраза довольно странная: въ нашихъ отрядахъ оказалось такое разнообразіе типовъ, вплоть до плѣнныхъ германскихъ «Таубе» включительно, что единственнымъ способомъ опредѣленія, въ концѣ концовъ,

оказалось внимательное разсматриваніе на крыльяхъ летящаго аэроплана отличительныхъ знаковъ.

Фотографическіе снимки Скробовскихъ позицій я получилъ въ полную собственность. Снимки прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ. Они намъ открыли многія тайны германскихъ позицій, для насъ очень важныя. Хуже всего на снимкахъ передались артиллерійскія позиціи: видимо хорошо маскированныя на мѣстности. онѣ, въ большинствѣ случаевъ, скрылись и въ фотографическихъ снимкахъ.

Скажите, почему ваши снимки никогда не попадаютъ по своему прямому назначенію, то есть въ строевыя части, на боевыя позиціи? — спросилъ я у начальника отряда.

Этого объяснить я вамъ не могу. Всѣ снимки мы представляемъ, согласно имѣющагося у насъ распоряженія, въ Штабъ Арміи, а дальше что съ ними дѣлаютъ, намъ неизвѣстно.

Изъ своего посѣщенія отряда я хотѣлъ извлечь одну пользу для нашихъ, стоящихъ на позиціяхъ, батарей: я хотѣлъ лично облетѣть районъ нашихъ позицій и осмотрѣть ихъ маскировку и видимость, но это дѣло я самъ себѣ испортилъ, неосторожно упомянувъ объ этомъ своемъ желаніи въ присутствіи постороннихъ лицъ. Мои слова были переданы командиру бригады и, совершенно неожиданно, у меня съ нимъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я слышалъ, что вы собираетесь облетѣть районъ нашихъ позицій на аэропланѣ?

— Такъ точно, В. П.

— Я васъ прошу не дѣлать этого.

— Почему, В. П.?

— А если вы попадете подъ германскій обстрѣлъ и погибнете?

— Такимъ же образомъ, В. П., я могу погибнуть и на землѣ, какъ въ воздухѣ.

— Да, но тогда на законномъ, такъ сказать, ос-

пованин и я беру съ васъ честное слово, что вы откажетесь отъ этой своей затѣи.

Утомленные безсонной ночью и повышеннымъ нервнымъ состояніемъ, сопряженнымъ съ усиленной слѣжкой за непріателемъ, наши часовые въ пѣхотныхъ окопахъ какъ бы чувствуютъ особое настроеніе, сидящихъ противъ нихъ, германцевъ.

Глубокая ночь еще тянется, всего лишь около 4-хъ часовъ утра и разсвѣта еще не видно. Темное небо виситъ надъ успокоившейся сонной землей. Черной, зубчатой стѣной рпеуются во мракѣ ночи очертанія ближайшаго еловаго лѣса, легкой, чуть замѣтный, вѣтерокъ тянетъ отъ германцевъ въ нашу сторону.

У противника въ окопахъ уже началась жизнь. Что то рано сегодня проснулись германцы, не къ добру это.

— Эй, проснитесь, ребята, приготовьте, на всякій случай, винтовки, — бережного и Богъ бережетъ.

На небѣ, чуть замѣтно, начали тускнѣть звѣзды. На востокѣ небо уже теряетъ свою густую окраску — сѣрѣетъ. Вѣтеръ немного усилился, зашелестѣли ели своими лохматыми лапами.

Густое облако темнаго тумана поднялось изъ германскихъ окоповъ, медленно, плотной стѣной, надвигается, ползетъ въ нашу сторону.

— Газы! . . Нѣмецъ газы пустилъ!

— 6-я батарея къ бою! . . Приготовить противогазовые маски!

Сонные люди выскакиваютъ изъ землянокъ, зашѣтелились ручные фонарики, обнажились, изъ подъ чехловъ и вѣтокъ, орудія. Зашевелились, уставились жерлами въ рѣдѣющую темноту ночи.

— Огонь! . .

Засверкали, посыпались искры. Снопы пламени, яркими вешиками, озарили окрестность. Рвутся шрапнели въ облакъ газа, зловѣщимъ розовымъ пламенемъ разцвѣчивая клубящуюся, ползущую массу, стараясь разрѣдить, разогнать ее.

Облако газа проходитъ мимо батарей, направляется въ тылъ, прямо къ передкамъ, къ лошадямъ.

Присмирѣли, затихли лошади. Стоять, не шевелятся. Свободно, покорно даютъ ѣздовымъ надѣть на себя противогазовые маски. Опустили головы между переднихъ ногъ всѣ, какъ одна, и медленно погрузились въ наполшее облако.

Пожелтѣла хвоя нижнихъ вѣтокъ елей, прошло черезъ нее зловѣщее облако и постепенно растаяло въ воздухѣ.

Слава Богу, всѣ цѣлы, — и люди и лошади.

— Охъ, и тяжело дышать въ этихъ маскахъ а, ничего, здорово дѣйствуютъ, — такъ говорили довольные люди, освободивъ свои потныя, покраснѣвшія лица отъ тѣсныхъ резиновыхъ масокъ.

Въ пѣхотныхъ окопахъ выносятъ наружу отравленныхъ.

Ужасный видъ человѣческихъ глазъ, въ невыносимыхъ страданіяхъ, какъ бы стремящихся вылѣзть наружу изъ воспаленныхъ набухшихъ орбитъ. Густая бѣлая пѣна хлопьями падаетъ изъ ноздрей, изъ рта, тѣло движется въ ужасныхъ, мучительныхъ судорогахъ.

*
* *
*

Германцы начали употреблять, для обстрѣла нашихъ позицій, удушливые и ядовитые снаряды. Обстрѣлъ очень рѣдкій: два, три удушливыхъ снаряда куда-то въ лѣсъ, на томъ и кончаютъ.

Ядовитыми бомбами стрѣляютъ они только одиночными и мы часто идемъ на мѣсто разрыва такого снаряда и вдыхаемъ въ себя соблазнительный запахъ

остатковъ ядовитаго газа, уже разсѣянаго въ воздухъ. Запахъ его напоминаетъ запахъ букета сильно пахучихъ цвѣтовъ, съ преобладаніемъ аромата горькаго миндаля.

Какую цѣль преслѣдуютъ германцы этой стрѣльбой, мы не можемъ рѣшить. Во всякомъ случаѣ эти незначительные обстрѣлы должны быть полезными, такъ какъ напоминаютъ нашей пѣхотѣ о постоянной опасности отъ газовъ, хотя это напоминаніе мало на нее дѣйствуетъ: погибли неосторожные люди отъ первой газовой атаки, послѣ второй опять будутъ отравленные, сколько не напоминай, что противогазовыя маски должны быть всегда при себѣ и всегда въ полной исправности.

Въ 6-й батарее мы завели по двѣ маски на человека и осмотръ ихъ производится офицерами почти каждый день. Каждый день люди дышатъ по нѣскольکو минутъ черезъ маски. Вначалѣ дышать тяжело, потомъ становится легче.

Теперь мы усиленно стали слѣдить за направлениемъ и за силой вѣтра, по присланнымъ намъ, небольшимъ приборчикамъ. Тихой, почти безвѣтренной, погоды мы не любимъ, даже буря лучше. Въ тихую ночь я не сплю до утра, ложусь спать только съ разсвѣтомъ.

Тускло освѣщаетъ моя лампочка внутренность комнаты. Я сижу за столомъ и пишу. Телефонная трубка лежитъ около меня на столѣ.

— Наблюдательный пунктъ! . . . Что у васъ? — провѣряю дежурнаго.

— Тихо.

Близится часъ разсвѣта. Сѣрѣетъ небо. Блѣдный утренній свѣтъ постепенно замѣняетъ темную ночь.

Часъ умирающихъ, почему то мелькаетъ у меня въ мозгу.

— Нѣмецъ газы пустилъ! . . . Несется съ наблюдательнаго пункта, ставшая стереотипною фраза.

Тревога. Гудки пошли по всѣмъ телефоннымъ линіямъ. Повсюду засуетились, забѣгали люди.

— Волна повернула обратно на окопы германцевъ. Вѣтеръ перемѣнился.

Съ радостью наблюдаютъ наши пѣхотинцы движеніе газа. Забыта даже и осторожность, да и какая она уже можетъ быть, если въ окопахъ у противника идетъ неимовѣрная суета.

— Что, черти? . . Своимъ газомъ давитесь? — злорадствуютъ наши солдаты.

Гренадеры наступаютъ. Влѣво отъ насъ, у озера Колдычева. идетъ сильная артиллерійская канонада.

Что тамъ дѣлается, мы не знаемъ, но судя по тому чудовищному ружейному и пулеметному огню, который развели германцы, гренадеры уже атакуютъ ихъ позиціи.

Задача нашей дивизіи, произвести лишь незначительную демонстрацію на своемъ участкѣ и этимъ ограничиться. Наша артиллерія, находясь на своихъ позиціяхъ, должна содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, наступленію гренадеръ, 6-я батарея, самая правая, можетъ лишь условно бороться съ батареями непріятеля и производить демонстративный обстрѣлъ его пѣхотныхъ окоповъ, что мы и выполняемъ, сообщая всѣмъ дивизиономъ.

Часть нашей пѣхоты, согласно полученной ею задачи, вышла изъ окоповъ и залегла. По ней сейчасъ же былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь противника, но вскорѣ, уяснивъ себѣ главную цѣль нашего наступленія, артиллерія противника, оставивъ нашу пѣхоту въ покоѣ, перенесла свой огонь на атакующихъ гренадеръ.

Я смотрю въ бинокль и вижу, что почти противъ насъ, на широкой лѣсной полянѣ, на которой раньше никогда не замѣчалось присутствія артиллеріи про-

тивилка, въ настоящій моментъ стоитъ маскированная легкая австрійская батарея, которая бьетъ во флангъ атакующимъ. Я продолжаю всматриваться: огонь изъ другого угла этой же поляны. Еще третья батарея открыла огонь, четвертая. . . Да что же это такое? Вся поляна что-ли установлена пушками?

6-я батарея выпускаетъ туда свою гранату, вторую, третью. Я не вижу разрывовъ своихъ снарядовъ. Лопнувшая въ воздухѣ шрапнель разъясняетъ положеніе: поляна недоступна огню 6-й батареи, — она слишкомъ далеко.

Я бѣгу на наблюдательный пунктъ нашей гаубичной батареи, отталкиваю въ сторону отъ трубы Цейса ея командира и быстро поворачиваю трубку на поляну.

— Смотрите!

Командиръ гаубичной батареи, сбитый сначала съ толку моимъ поведеніемъ, даже вскрикнулъ отъ неожиданности:

— Господа, да сколько ихъ?

Завыли наши гаубичныя бомбы. Одна за другой, какъ перелетныя птицы, понеслись онѣ къ полянѣ, гдѣ австрійскія пушки, люди, дымъ, фонтаны выброшенной земли, все смѣшалось въ общемъ хаосѣ.

Австрійскія батареи перестали стрѣлять, а наши гаубичныя бомбы все продолжаютъ рыть землю, разбивать стале-бронзовыя пушки австрійцевъ и весь горизонтъ затягивать бѣлымъ туманомъ.

Къ вечеру артиллерійская конноада стала стихать и шумъ боя прекратился.

Каковъ результатъ этого наступленія Гревадеръ? Точно не знаю. Знаю только, что въ томъ мѣстѣ, послѣ атаки, наши позиціи не продвинулись впередъ ни на шагъ. Слышалъ, что нѣкоторые участки германскихъ позицій были взяты, но затѣмъ оставлены, въ виду чрезвычайно крупныхъ потерь, понесенныхъ гревнадерскими полками. Удержать взятые окопы было невозможно.

Ночь прошла спокойно, хотя никто из насъ не спалъ. Ясное, ничѣмъ не омраченное утро перешло въ дождливый, туманный день, совершенно тихій, безъ выстрѣла. Очевидно наступленіе окончилось.

*

Завтра утромъ мы отвѣчаемъ противнику его же оружіемъ: мы выпускаемъ газъ.

Вдоль линіи нашихъ пѣхотныхъ окоповъ разставлены, у бруствера, желѣзные баллоны. Людямъ розданы ключи для ихъ отвинчиванія. Приготовлены маски. Всѣ слѣдятъ за вѣтромъ, за его силой и направленіемъ. Вѣтеръ нѣсколько усиливается и это всѣхъ насъ очень сильно беспокоитъ.

Ночью, конечно, никто не ложится спать. Время тянется безконечно. Выпускъ газа назначенъ ровно въ 4 часа утра.

Въ своей землянкѣ, чтобы убить время, мы пьемъ чай. Одинъ самоваръ смѣняетъ другой, чаю выпито немовѣрное количество, а часовая стрѣлка ползетъ еле-еле. Особое первное настроеніе чувствуется у всѣхъ окружающихъ.

— Право, лучше самимъ принять газовую атаку противника, чѣмъ атаковать. — говоритъ кто-то изъ офицеровъ, — по крайней мѣрѣ нѣтъ этого безконечнаго ожиданія.

Четыре часа. По командѣ, переданной въ полъ голоса, люди въ маскахъ начинаютъ отвинчивать баллоны. Со свистомъ вырывается газъ наружу, поднимается прямо вверхъ и на нѣкоторой высотѣ останавливается. Многие баллоны не отвинчиваются, — перержавѣли. Ихъ выбрасываютъ за окопы и разстрѣливаютъ изъ винтовокъ.

Въ окопахъ у непріятеля смятеніе, шумъ. Сотни ракетъ полетѣли въ воздухъ, прорѣзывая наступающее облако газа и окрашивая его въ розовый цвѣтъ. Облако двигается быстрѣе, чѣмъ надо, — вѣтеръ уси-

дился. У насъ волненіе: выполнитъ ли газъ свое назначеніе?

Огненное облако покрыло окопы противника и начинается блѣднѣть въ свѣтѣ наступающаго утра, понеслось дальше къ передѣлкамъ, скрывающимъ внутреннюю жизнь непріятели.

Газовая атака окончилась. Результаты пока намъ неизвѣстны. Атака, во всякомъ случаѣ, не совѣмъ удачна: вѣтеръ слишкомъ быстро пронесъ облако и развеялъ его въ тылу у противника.

Впоследствии намъ передавали, что въ окопахъ почти никто не пострадалъ. Были отравлены гдѣ-то, въ ближайшемъ тылу, пасущіяся лошади, да пострадала еще какая-то рота, шедшая подъ утро, въ направленіи позицій противника.

*
* *

— Къ вамъ на позицію выѣхалъ генераль командированный свыше, для повѣрки заградительнаго огня. Командиръ бригады проситъ васъ взять на себя руководство въ этой повѣркѣ. — получилъ я, совершенно неожиданно, телефонограмму изъ управленія бригады.

Генераль пріѣхалъ.

— Командиръ 6-й батареи?

— Такъ точно, В. П.

— Скажите пожалуйста, какія полевые батареи участвуютъ въ заградительномъ огнѣ нашего участка?

— Шесть батарей нашей бригады и 2-й дивизионъ 69-й бригады.

Мы угощаемъ пріѣхавшаго генерала, у себя въ землянкѣ, завтракомъ. Онъ съ удивленіемъ разсматриваетъ ее.

— Ну и хоромы.

Мы на наблюдательномъ пунктѣ. Я объясняю генералу свойства непріятельскихъ позицій.

— Хорошо. Вонъ уголь окопа, видите?

Генераль вынулъ секундомѣръ.

— 2-я батарея вашей бригады, огонь.

Слѣва выстрѣлъ и шрапнель. своимъ бѣлымъ дымомъ, точно повисла надъ угломъ окопа.

— Влѣво уголъ лѣса, 5-я батарея вашей бригады, огонь.

Дымъ разорвавшейся шрапнели, затянулъ верхушку елей.

— 6-я батарея 69-й бригады, огонь у рябиновой аллеи, огонь.

Дымъ шрапнели покрылъ верхушки крайнихъ деревьевъ аллеи.

По указанію генерала, изъ разныхъ батарей, было дано еще нѣсколько выстрѣловъ.

Благодарю васъ. Долженъ сознаться, что разыгрывается все это у васъ идеально. Между окончаніемъ команды и точнымъ разрывомъ шрапнели, даже въ секундахъ, почти нѣтъ промежутка.

Генераль уѣхалъ.

— Командиръ, мы вѣдь нѣсколько разыграли и самого генерала: въ 69 бригаду мы не передавали вашихъ командъ, а стрѣляла за нихъ наша 6-я батарея. — сообщилъ мнѣ, очень довольный результатомъ смотря, Н. Н. Кувалдинъ.

Мы готовимся къ чрезвычайно важному событію:

Въ самомъ скоромъ времени, на нашемъ Скоровскомъ участкѣ, предполагается прорывъ неприятельскаго фронта и, какъ слѣдствіе этого, захватъ Барановичей.

Гренадерскій корпусъ сосредотачивается на лѣвомъ флангѣ предполагаемой операціи и поэтому насъ отсюда уведятъ къ озеру Колдычеву.

Мы недоумѣваемъ: почему, съ мѣста, гдѣ предполагается главный ударъ, уведятъ дивизію, простоявшую здѣсь около года и изучившую неприятельскія

позицій детально, а вмѣсто нее ставятъ, хотя и очень доблестныя войска, но совершенно незнакомыя съ мѣстностью, съ характеромъ непріятельскихъ укрѣпленій?

Наша задача, на лѣвомъ флангѣ, второстепенная, демонстративная, но и здѣсь, по какимъ то соображеніямъ, насъ ставятъ въ первую очередь на совершенно незнакомое мѣсто, да еще сильно болотистое, а гренадерскія дивизіи, хорошо изучившія, въ теченіи долгаго періода времени, все проходы и непріятельскія позиціи, ставятъ за нами.

Скорбовскій ударъ будетъ произведенъ тремя корпусами, изъ которыхъ, въ первую очередь, двинется III-й Сибирскій корпусъ, замѣняющій насъ на нашихъ позиціяхъ. Велѣдъ за нимъ пойдетъ III-й Кавказскій и X-й.

На правомъ флангѣ, такую же роль, какую мы на лѣвомъ, будетъ играть XXV-й корпусъ, то есть произведетъ тоже демонстративное наступленіе.

Итакъ, насъ уводятъ. Мы покидаемъ свою родную землянку и передаемъ ее постороннимъ офицерамъ, устанавливающимъ свою батарею на нашей позиціи. Орудія наши уже сняты съ мѣста и люди откатили ихъ назадъ.

— Разоряемъ родное гнѣздо, — говоритъ мнѣ старшій телефонистъ Мироновъ.

Да, онъ правъ, — какое-то грустное чувство, какая-то тоска овладѣла душою.

— Прощай, милая, родная землянка.

Пока мы укладываемся и собираемся уходить, нашъ лѣсъ уже наполняется прибывающей артиллеріей и, къ удивленію нашему, мы замѣчаемъ, что прибываютъ орудія все больше тяжелаго типа. Да, дѣло видимо будетъ не шуточное.

Намъ указываютъ новый районъ для постановки дивизіона. 6-я батарея укрывается въ, густо растущемъ, хлѣбѣ, въ небольшой лоцинѣ, какъ будто бы

нарочно созданной для постановки батарей. Никаких землянок, конечно, копать не будемъ, а отъ дождя и вѣтра отлично укроемся въ палаткахъ, въ ближайшемъ лѣсу. Только на лѣвомъ флангѣ позиціи копаемъ небольшой окопъ для запасныхъ снарядовъ. Этотъ окопъ покрывается слоемъ еловыхъ вѣтокъ и соломой.

За батареей, въ лѣсу штабелями складываются бомбы разныхъ калибровъ, — запасъ для предстоящаго боя, для, устанавливающихся здѣсь, тяжелыхъ батарей. Какъ много у насъ оказалось артиллеріи. И это вѣдь на второстепенномъ участкѣ, а сколько ее, въ такомъ случаѣ, на главномъ, на Скробовскомъ участкѣ?

Въ, выступающей впередъ, полосѣ лѣса, мы разставляем свои палатки. Около нихъ вколачиваемъ въ землю столбъ, и крышка отъ большого ящика вѣнчаетъ нашъ обѣденный столъ. Кругомъ стола такія же скороспѣлыя скамейки.

Прибыль, въ распоряженіе батарей, небольшой грузовой автомобиль, подарокъ гражданъ нашего города, присланный намъ, нашимъ бывшимъ офицеромъ штабсъ-капитаномъ А. Р. Яковлевымъ.

* * *

Чувствуетъ ли противникъ подготавливающуюся противъ него грозу? Кто его знаетъ? Стрѣляетъ изрѣдка, во всѣ стороны, одиночными бомбами и больше ничѣмъ пока не обнаруживаетъ своего волненія.

— 6-я батарея, къ бою!

Надо заранѣе пристрѣляться по болѣе важному для насъ пунктамъ укрѣпленій противника.

Запѣла, при вылетѣ, свою пѣсню первая шрапнель 6-й батареи, пролетѣла черезъ Колдычевское болото и, свѣтлымъ, бѣлымъ клубкомъ, появилась на темно зеленомъ фонѣ непріятельскаго лѣса. Люди у орудій веселы, рады хорошему дню, съ шутками про-

вожають полетъ, простонавшей надъ батареей куда-то въ лѣсъ, германской бомбы.

А вотъ и на батарею прислали германцы подарокъ: воемъ лопнула бомба, перелетѣвъ черезъ голову юнаго прапорщика Габѣва, окутала всю его фигуру густымъ, ѣдкимъ дымомъ. Мальчикъ не пошевелился.

— Храбрый вы, В. Б., — замѣтилъ, стоявшій вблизи отъ него, бородатый бомбардиръ Лѣтовъ.

— А какъ же, Лѣтовъ? Я спросилъ у командира, можно ли ложиться на землю если близко ударить снарядъ, а командиръ знаешь что мнѣ отвѣтилъ? Только нагнитесь въ бою отъ снаряда или осколка, такъ 6-й батареей вамъ больше никогда не увидѣтъ. — наивно, но дѣтски, повторилъ юный прапорщикъ мою шутку.

Великанъ фейерверкеръ 3-го орудія Иванъ Денисовъ вдругъ поблѣднѣлъ. Всегда храбрый, спокойный въ бояхъ, онъ сорвался со своего мѣста, во весь духъ, бросился вдоль батареи къ лѣвому флангу и, съ отчаяннымъ выраженіемъ лица, прыгнулъ въ окопъ съ запасными снарядами. Въ этотъ же моментъ, влетѣла туда же въ окопъ германская бомба и, не разорвавшись, заглохла. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, къ этому мѣсту подбѣжали люди, Денисова нашли мертвымъ. — онъ былъ убитъ контузіей неразорвавшегося снаряда. Онъ весь почернѣлъ, а въ лицѣ его сохранилось то выраженіе отчаянія и ужаса, съ которымъ онъ прыгнулъ въ окопъ, въ послѣдній моментъ своей жизни.

На слѣдующій день былъ раненъ только что прибывшій въ батарею, автомобиль. Онъ привезъ на батарею снаряды и этотъ его первый рейсъ оказался и послѣднимъ его рейсомъ на фронтъ. Въ сопровожденіи выданнаго ему свидѣтельства о раненіи, онъ былъ отправленъ обратно, гдѣ, послѣ починки, былъ приспособленъ для перевозки, прибывающихъ въ городъ съ фронта раненыхъ.

* * *

Какая масса грибовъ въ нашемъ лѣсу. Мы набрали цѣлую корзину грибовъ и рѣшили немедленно ихъ изжарить. Грибовъ никто изъ насъ не ѣлъ уже давно и мы даже забыли объ ихъ существованіи.

Въ ожиданіи предстоящаго лакомства, мы вчетверомъ, сѣли за столъ. Деньщикъ принесъ тарелки, вилки и хлѣбъ.

— Александръ Модестовичъ, — кричу я, проходящему мимо поручику Козыреву, — идите къ намъ грибы ѣсть. Свѣжіе, только что набрали.

Козыревъ подошелъ къ столу и, какъ бы въ нерѣшительности, остановился.

— Нѣтъ, пойду къ себѣ подсчитывать книжку артельщика.

— Бросьте. Какая тамъ книжка артельщика? Успѣете, а грибы безъ васъ съѣдимъ.

— Нѣтъ, не хочу, — повернулся и быстро зашагалъ по направленію къ своей палаткѣ.

Деньщикъ подалъ на столъ, шипящіе на сковородѣ, грибы.

Неожиданный вихрь налетѣлъ на наше мирное общество, сидящее за столомъ. Я задыхаюсь отъ ѣдкаго дыма, набившагося въ ротъ и въ ноздри. Въ глазахъ мелькнула, какъ будто, какая-то кровавая искра. Я теряю сознание, меня куда-то уноситъ! . .

— Всѣ готовы!

Отъ этаго крика старшаго телефониста Миронова, я прихожу въ себя и вскакиваю съ земли, на которой только что лежалъ. За мной поднимаются офицеры.

— Гдѣ же грибы, посуда, столъ, скамейки?

Только широкая яма еще дымится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бывшаго стола, за которымъ мы только что сидѣли.

Съ какимъ то страннымъ, неопредѣленнымъ чув-

ствомъ, растерянные, перепуганные, мы ощущаемъ себя. Кажется всё мы цѣлы, только засыпаны землей.

Мы окончательно приходимъ въ себя послѣ второго взрыва германской бомбы, ударившей гдѣ-то вблизи. Къ намъ бѣгутъ люди 4-й батареи:

— Поручикъ Козыревъ убитъ, прапорщики Богословскій и Ольхинъ ранены.

Вторая бомба ударила въ офицерскую палатку 4-й батареи, тоже скрытую въ лѣсу. У Козырева, осколкомъ, снесло черепъ, онъ лежитъ весь залитый кровью.

Санитары перевязываютъ раненыхъ офицеровъ. Мы крестимся: вѣчная память.

* * *

18 Юля. 6-ю батарею переводить впередъ къ самому болоту.

Полевая батарея, въ предстоящемъ бою, главнымъ образомъ, будутъ рвать своими гранатами проволочныя загражденія противника.

Съ ранняго утра погода сильно хмурится. По небу плывутъ сѣрые облака, соединяются, темнѣютъ и превращаются въ мрачныя тучи. Уже раздаются въ воздухѣ раскаты далекаго грома. Пошелъ дождь.

На Скробовскомъ участкѣ, вправо отъ насъ, загремѣла наша артиллерія. Наши тяжелыя батареи тоже открыли огонь.

Командиръ 4-го полка указалъ мнѣ мѣста въ проволочныхъ загражденіяхъ противника, въ которыхъ надо прорвать корридоры, для наступленія нашей пѣхоты.

Первое орудіе уже осѣло, выпустивъ первую свою гранату, которая ударила въ гущу неприятельской проволоки и выкинула, вмѣстѣ съ землей, нѣсколько кольевъ.

Громъ выстрѣловъ, стоящихъ сзади насъ тяжелыхъ орудій, сплошнымъ ревомъ уже потрясаетъ

воздухъ, и такъ уже потрясенный сильными ударами молній и раскатами грома, висящей надъ нами грозы. Громъ на землѣ состязается съ громомъ, идущимъ съ небесъ. Грозовые молніи, по всеѣмъ направленіямъ прорѣзываютъ наступившій мракъ и дождевую пелену, покрывшую землю. Молніи отъ разрывовъ снарядовъ, тоже, по всеѣмъ направленіямъ, бороздятъ ту же мглу въ германскихъ окнахъ.

Неприятельская артиллерія пока молчитъ, — притаилась, поджидаетъ нашу пѣхоту. Наша дивизія двинулась. Съ винтовками наперевѣсь, бѣгутъ люди. Густыя цѣпи одна за другой, устремляются въ болото, широко раскинувшееся во все стороны вокругъ большого озера, въ настоящее время бурлящаго отъ массы прибывающей въ него воды, падающей изъ, густо нависшихъ надъ землею, черныхъ тучъ.

Дивизія въ огнѣ, окутанная дымкомъ дождя германскихъ снарядовъ, прорвавшагося сразу, какъ только наша пѣхота пошла въ наступленіе. Плохо знакомая съ мѣстомъ, по которому ей пришлось наступать, сбитая съ толку дождевой завѣсой, вязла въ болотѣ и, истекая кровью и, покрывая болото тѣлами убитыхъ и раненыхъ, стала отступать обратно.

А справа у Скробова бой все сильнѣе и сильнѣе. Ревъ орудій и разрывовъ снарядовъ, громовые раскаты грозы, все смѣшалось, все перепуталось въ страшномъ хаосѣ.

Въ этотъ день бой закончился рано. Небо побѣдило, нагнавъ на разгоряченную боемъ землю, мрачныя тучи и дождь, рано поглотившіе солнечный свѣтъ этаго дня. Наступила темная, черная ночь. Гроза прошла, но мелкій, насквозь пронизывающій, дождь безжалостно продолжалъ насъ мочить. Сквозь тусклую его пелену, по нашимъ позиціямъ, все время скользятъ лучи германскихъ прожекторовъ. Противникъ видимо волнуется: время отъ времени раздаются

щелканія его одиночныхъ, безиричиныхъ выстрѣловъ. На нашихъ позиціяхъ тишина.

Ночь проходитъ и туманное блѣдное утро застасть насъ, въ своихъ окнахъ, промокшими, грязными, голодными. Мы всеъ сильно устали, но о снѣ никто не думаетъ: слишкомъ натянуты нервы.

Дождь прекратился. Съ озера и болота поднимаются клубящіеся бѣлыя испаренія. Густой звукъ выстрѣла нашего орудія, какъ будто, послужилъ сигналомъ къ продолженію боя. Загудѣли орудія по всей нашей линіи, рѣдкимъ огнемъ обстрѣливая позиціи противника. Непріятель, выждавъ нѣкоторое время, сталъ отвѣчать такимъ же рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ. Къ полудню на нашемъ участкѣ, постепенно, все затихло. Вправо же, у Скробова, продолжаютъ гремятъ орудія и слышна сильная пулеметная и ружейная перестрѣлка.

Что тамъ дѣлается? Какія результаты вчерашняго боя?

Къ вечеру у насъ пошли самые разнорѣчивые слухи о боѣ на Скробовскомъ участкѣ, и только по спокойно сидящимъ противъ насъ на своихъ мѣстахъ нѣмцамъ, мы заключаемъ, что общее наше наступленіе потерпѣло неудачу.

Вечеромъ на нашемъ наблюдательномъ пунктѣ появился прожекторъ.

— Послушайте, капитанъ, вы выбрали для своего прожектора очень неудачное мѣсто. Во первыхъ, вы слишкомъ вылѣзли впередъ и рискуете тѣмъ, что нѣмцы вамъ его могутъ разбить а, во вторыхъ, вы привлечете огонь непріятеля на мой наблюдательный пунктъ.

— Мнѣ это мѣсто указано Штабомъ корпуса.

— Какъ угодно.

Наступили сумерки. Прибывшая команда готовитъ къ приведенію въ дѣйствіе свой прожекторъ. Наконецъ онъ заработалъ. Сильный лучъ свѣта скользнулъ по темному небосводу и сейчасъ же

опустился внизъ, къ позиціямъ непріятеля, но не надолго: германская бомба внезапно лопнула впереди моего пункта, разбросавъ во всѣ стороны свои горячіе осколки. Прожекторъ сразу потухъ.

— Испужались, — въ полъ голоса замѣтилъ мой наблюдатель.

Но оказалось, что прожекторъ «испужался» только на нѣсколько минутъ: опять его лучъ побѣждалъ черезъ болото къ позиціямъ противника. освѣтивъ мой окопъ.

Вторая германская бомба положила конецъ его работѣ. Команда начала спѣшно собираться къ отступленію.

— Уже уходите?

— Да, поневолѣ: осколокъ бомбы перебилъ провода.

6-я батарея стоитъ за рѣдкимъ лѣсомъ, растущимъ на болотѣ.

На лѣвомъ флангѣ позиціи вырыть окопъ, куда сложенъ запасъ въ 190 гранатъ.

На батареѣ рвутся снаряды противника и, по моему приказанію, люди отошли въ сторону.

Германская бомба влетѣла въ окопъ со снарядами. Отъ страшнаго взрыва заколебалась земля, столбъ чернаго дыма и огня вылетѣлъ вверхъ изъ окопа и закуталъ орудія какъ бы чернымъ покрываломъ. Когда, послѣ взрыва, люди пришли въ себя и внезапный мракъ на батареѣ разсѣялся, то оказалось, что лѣвое орудіе исчезло съ позиціи. Силой взрыва, его кинуло впередъ въ болото саженой на двадцать. Долго и съ большими усилиями его вытягивали изъ болота и мокрое, и грязное поставили на свое мѣсто.

Вправо бой опять разгорается. Сильный бой: перерыва нѣтъ въ грохотѣ орудій, въ трескѣ пулеметовъ и винтовокъ, Мы съ тревогой прислушиваем-

ся къ этой, разыгрывающейся рядомъ съ нами трагедіи и, по долетающимъ до насъ звукамъ, стараемся проникнуть въ тайну невидимаго намъ хода боя.

Къ сумеркамъ, какъ и во всѣ эти дни, все успокоилось. Бой, продолжавшійся нѣсколько сутокъ, закончился совершенно по всей линіи. Наступившая тишина какъ то странно дѣйствуетъ на нервы, не успокаиваетъ, а наоборотъ, взвинчиваетъ ихъ еще больше. Должно быть это потому, что мы до сихъ поръ остаемся въ полномъ невѣдѣніи, чѣмъ закончился бой. Мы до сихъ поръ питаемся слухами, а вѣрнаго ничего намъ не сообщаютъ.

Противникъ тоже нервничаетъ. Мы видимъ какъ у него идетъ лихорадочная работа по исправленію и укрѣпленію, разрушенныхъ нашей артиллеріей, позицій. Лучи прожекторовъ и дождь ракетъ цѣлую ночь освѣщаютъ все, что только они могутъ освѣтить у себя и у насъ.

Утромъ надъ нами развернулась невиданная еще нашими глазами, картина: надъ нашими головами, въ шумѣ треска моторовъ, распластавшись какъ птица, медленно движутся въ воздухѣ германскіе самолеты.

Да сколько же ихъ?

Всѣ головы закинулись кверху, всѣ считают.

Ровнымъ треугольникомъ плывутъ самолеты: одинъ, два, три . . . десять.

Такого количества, собранныхъ вмѣстѣ, германскихъ аэроплановъ, мы еще не видали.

Красиво. Зловѣщіе черные кресты рельефно выдѣляются на свѣтломъ блестящемъ фонѣ громадныхъ крыльевъ и мы знаемъ, что противъ этаго врага, у насъ, тамъ въ тылу, куда держать путь эти безнаказанные хищники, нѣтъ никакой защиты.

Еще самолеты не скрылись изъ вида, какъ до

нашего слуха донесся звукъ сильнаго взрыва. Германскіе самолеты бомбардируютъ деревню, въ которой стоитъ наша, потрепанная послѣ послѣдняго боя, дивизія.

Взрывы прекратились. Воздушные хищники прошли дальше въ нашу тыль и вскорѣ пропали въ туманѣ плывущихъ, навстрѣчу имъ, облаковъ. Видимо цѣль ихъ атаки была болѣе сложная, чѣмъ наша, стоящая въ резервѣ, пѣхота, подвернувшаяся имъ случайно на ихнемъ пути.

* * *

Я получилъ приказаніе, ввиду окончанія боя, снять 6-ю батарею съ позиціи и, раздѣливъ ее на три взвода, два изъ нихъ поставить въ разныхъ мѣстахъ на спеціальныя установки для борьбы съ самолетами противника. Третій взводъ долженъ стать у желѣзнодорожнаго пути: по полученнымъ агентурнымъ свѣдѣніямъ противникъ, въ ближайшемъ будущемъ, намѣренъ пустить по этому пути свой бронепоездъ.

Отправивъ отдѣльные аэропланные взводы по своимъ мѣстамъ и предоставивъ имъ устраиваться тамъ самостоятельно, самъ я, съ третьимъ взводомъ, прибылъ къ желѣзнодорожному полотну, двумя парами прямыхъ рельсъ уходящему въ сторону непріятеля. Десяткомъ гранатъ я совершенно разбилъ небольшой участокъ этаго полотна и, такимъ образомъ преградивъ путь наступленія ожидаемому бронепоезду, я успокоился, оставилъ орудія подъ командой Н. Н. Кувалдина для наблюденія за желѣзнодорожной линіей, а самъ рѣшилъ воспользоваться освободившимся временемъ и выяснить лично создавшееся положеніе на Скробовскомъ участкѣ.

* * *

Я сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ.

Вотъ и деревня Бартники, черезъ которую, толь-

ко нѣсколько дней тому назадъ, прошла 6-я батарея, уходя на новыя позиціи. Сразу повѣяло чѣмъ то близкимъ. Тѣ же мѣстныя бабы, въ грязныхъ подоткнутыхъ юбкахъ, бѣгутъ черезъ улицу, деревенскія дѣти играютъ въ дорожной пыли, грязная лохматая, съ рѣшьями въ хвостѣ, собака лаетъ, вилия хвостомъ, на проѣзжающій мой экипажъ. Мирная жизнь да и только, такая какая была и до этого грознаго боя, при насъ.

Дѣсь, наша землянка, все такая-же.

Я вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ къ пѣхотнымъ окопамъ.

На фронтѣ полная тишина. Кое гдѣ, по дорогѣ какъ будто прибавилось нѣкоторое количество новыхъ снаряженныхъ воронокъ.

Линія нашихъ пѣхотныхъ окоповъ пуста. Смотрю въ бинокль: германскія окопы остались на своихъ мѣстахъ а, нѣсколько ближе и какъ будто рядомъ съ ними, наша новая линія окоповъ.

По прытому уже, длинному ходу сообщенія, иду впередъ,

Первое, что мнѣ пришлось испытать подходя къ новымъ окопамъ, это, ударившій прямо въ лицо, ужасающій трупный запахъ, отъ котораго, изъ за внезапно начавшагося головокруженія, я былъ принужденъ остановиться. Ощущеніе настолько сильное, что я уже сразу почувствовалъ у себя во рту этотъ характерный сладковатый вкусъ разлагающейся крови.

Когда я пришелъ въ себя и вошелъ въ окопъ, то невольно остановился передъ слѣдующей картиной: обѣдало трое солдатъ. Сидя на земляныхъ приступкахъ, изъ общаго котелка они хлебали щи, закусывая ихъ хлѣбомъ. Около каждаго изъ нихъ лежала, на тряпочкѣ, мясная порція, облѣпленная крупными, зелеными трупными мухами. Покончивъ со щами, они, всѣ трое, принялись за порціи, разгоняя руками назойливыхъ мухъ, которыя моментально же опять об-

лѣпляли эти куски мяса, какъ только обѣдающіе отнимали ихъ отъ своихъ ртовъ.

Оглянувшись въ недоумѣніи кругомъ, я замѣтилъ, что изъ насыпаннаго, къ сторонѣ непріятеля, бруствера, всюду торчатъ, уже почернѣвшія, руки и ноги мертвецовъ и, еще болѣе всмотрѣвшись, я, къ ужасу своему, увидѣлъ, что брустверь сплошь состоитъ изъ наваленныхъ наскоро другъ на друга, труповъ, едва присыпанныхъ сверху и съ боковъ землею.

Я повернулъ вправо по окопу и всюду та-же картина: живые, равнодушные люди среди разлагающихся мертвыхъ.

Эта новая линія нашихъ пѣхотныхъ окоповъ, въ среднемъ отъ противника была проложена всего лишь шаговъ на тридцать, мѣстами приближаясь или удаляясь впередъ или назадъ на нѣсколько шаговъ.

Въ настоящее время эти окопы занималъ одинъ изъ полковъ 52-й пѣхотной дивизіи. Я спросилъ у встрѣтившагося офицера, гдѣ я могу видѣть командира полка? Онъ далъ мнѣ провожатаго солдата, съ которымъ я дошелъ до окопа, расположеннаго внизу, у подножья небольшой горки, занятой нѣмцами. Что бы не быть замѣченными непріателемъ, пришлось идти вдоль окопа согнувшись и, наконецъ, мы дошли до такого мѣста, гдѣ на протяженіи десятка шаговъ, уже не было никакого прикрытія.

— Теперь, В. В., сгайте прытче, — заявилъ мнѣ мой проводникъ и быстро пробѣжалъ опасный промежутокъ окоповъ. Такимъ же образомъ пробѣжалъ и я, и, черезъ нѣсколько шаговъ, мы очутились у входа въ землянку командира полка.

Полууглубленная въ землѣ, забранная съ боковъ мѣшками съ землей, съ грязною тряпкой, повѣшенной на мѣстѣ двери, она представляла изъ себя убѣжище отъ дождя, но и только.

— Разрѣшите войти, господинъ полковникъ.

— Пожалуйста.

Навстрѣчу мнѣ поднялся пожилой полковникъ съ сѣдой, стриженной подъ машинку, головой. Я назвалъ себя и сказалъ, что пришелъ заранее познакомиться съ новой линіей окоповъ, такъ какъ, на дняхъ, моя батарея, видимо, займетъ свою старую позицію на Скробовскомъ участкѣ.

— Какъ понравились вамъ наши окопы? — спросилъ меня командиръ полка.

Я сознался, что такихъ окоповъ мнѣ еще видѣть не приходилось.

— Трупы, — это все было бы еще полъ бѣды, мы уже успѣли прилечь. И близкое соседство нѣмцевъ тоже было бы ничего. А вотъ что скверно, это то, что мы сидимъ внизу, а они паверху и постоянно спускаютъ къ намъ всякія нечистоты и, кромѣ того, очень трудно укрыться отъ ихъ выстрѣловъ. Вѣдь мы полуоткрыты.

— Господинъ полковникъ, скажите пожалуйста, какимъ же образомъ появилась эта линія окоповъ?

— Очень просто: это результатъ боя. Последній моментъ нашего наступленія. Во время последней атаки, взять германскія позиціи не удалось. Залегли, затѣмъ наспѣхъ навалили трупы и постепенно ихъ присыпали землей. Вотъ и новая линія.

Э, да что говорить! Самъ чертъ не разберетъ, что здѣсь творилось во время боя. Сначала ничего: наша артиллерія основательно развернула ихъ позиціи. 3-й Сибирскій корпусъ пошелъ въ атаку, за нимъ нашъ — 3-й Кавказскій. Часть германскихъ позицій была взята. 3-й Сибирскій корпусъ пошелъ было впередъ, но получилъ приказаніе остановиться и пропустить впередъ 3-й Кавказскій. Ладно, выполнили кое какъ приказаніе, затѣмъ мы получили новое: остановиться и вернуться въ исходное положеніе. Чѣмъ оно было вызвано, не могу вамъ объяснить. Ну что-же, — выполнили и это: бросили, взятые

такой дорогой цѣной позиціи противника. Въ исходномъ положеніи простояли почти двое сутокъ и въ это время смотрѣли, какъ пришедшіе въ себя, разбитые нами нѣмцы и подошедшіе къ нимъ свѣжіе резервы, исправляли и укрѣпляли развороченные окопы, а когда нѣмцы окончили эту работу, намъ приказано было опять идти въ атаку и брать позиціи снова. Пойти то пошли, но взять уже не могли. Зато корпусъ, одними убитыми, потерялъ нѣсколько тысячъ человекъ. Ну, вотъ и все.

Распрощавшись съ командиромъ полка и вернувшись обратно тѣмъ же путемъ, я, наконецъ, вздохнулъ полной грудью, ощущая чистый, свободный воздухъ. Я вспомнилъ, что рядомъ, на правомъ флангѣ, стоитъ сейчасъ 25-й корпусъ и рѣшилъ воспользоваться случаемъ и посѣтить своихъ бывшихъ сослуживцевъ офицеровъ 46-й Артиллерійской бригады, съ которыми я не встрѣчался еще съ начала войны. Вскорѣ я былъ уже между офицерами моей родной 6-й батареи. Здѣсь вотъ что я услышалъ отъ участниковъ минувшаго боя:

25-му корпусу была поставлена задача демонстративнаго наступленія, на правомъ флангѣ.

Послѣ артиллерійской подготовки, 46-я пѣхотная дивизія двинулась въ атаку ведомая, идущимъ впереди всѣхъ атакующихъ цѣней, своимъ храбрымъ генераломъ П. П. Карповымъ, съ командирами полковъ, идущими въ атаку впереди своихъ полковъ.

Моральный подъемъ былъ настолько великъ и ударъ былъ настолько силенъ, что вмѣсто демонстраціи, дивизія проскочила черезъ всѣ линіи непріятельскихъ укрѣпленій, какъ ниль смела всѣхъ ихъ защитниковъ и вышла далеко въ тылъ противнику. Дивизія остановилась и, не получая свыше абсолютно никакихъ приказаній, временно окопалась.

Подошедшіе свѣжіе германскіе резервы, въ свою очередь, атаквали 46-ю дивизію, но безуспѣшно. Бой

продолжался около суток и дивизія, не получая никакой поддержки, принуждена была отойти назад, теряя, во время этого отхода, массу людей убитыми и ранеными.

Почему 3-я Гренадерская дивизія (3-я Гренадерская и 16-я дивизіи составляли 25-й Армейскій корпус), совершенно не поддержала 46-ю, почему вообще, не воспользовались этимъ нашимъ прорывомъ германскаго фронта, никто мнѣ объяснить не могъ. Въ результатъ этого несчастнаго, хотя и блестящаго боя, генераль Карновъ былъ тяжело раненъ. Командиры полковъ все выбыли изъ строя убитыми и ранеными, не считая колоссальнаго числа убитыхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ.

Съ такими грустными вѣстями я вернулся въ свою 6-ю батарею.

* * *

— Вотъ нашъ командиръ пріѣхалъ, — обратился къ ожидающему меня гостю Т. М. Галушукъ.

Навстрѣчу ко мнѣ поднялся молодой человекъ, въ рубахѣ защитнаго цвѣта, но безъ погонь.

— Разрѣшите представиться, господишъ подполковникъ, — Приватъ-Доцентъ Московскаго Университета Михаилъ Ивановичъ Ковалевскій.

— Математикъ, конечно.

— Да, математикъ, — отвѣтилъ онъ улыбаясь. — Я къ вамъ вотъ по какому поводу: вчера, возвращаясь въ свою автомобильную колонну, въ которой я временно служу добровольцемъ шоферомъ, я, случайно, заночевалъ у вашего командира 2-го парка, который узнавъ, что я тягочусь малосодержательной работой въ колоннѣ, порекомендовалъ мнѣ обратиться къ вамъ, съ просьбой принять меня, неофициально, конечно, вмѣстѣ съ моимъ грузовичкомъ, въ 6-ю батарею, гдѣ я рассчитываю быть болѣе полезнымъ, чѣмъ въ автомобильной колоннѣ, исполняя крайне разнообразныя, но въ высшей степени скучныя порученія.

Само собой разумѣется, что я болѣе чѣмъ охотно далъ свое согласіе и приобрѣлъ для батареи прекрасную машину и милаго, интереснаго члена для нашей офицерской батарейной семьи.

— А у васъ въ колоннѣ не сочтутъ васъ дезертиромъ?

— Конечно, нѣтъ. Я съѣзжу туда завтра и заявлю имъ, что ухожу, а машину верну тогда, когда въ ней не будетъ больше надобности.

Въ батарее М. И. Ковалевскому нашелся помощникъ шоферъ и, съ этихъ поръ, 6-ая батарея была всегда обезпечена продовольствіемъ и фуражемъ раньше всѣхъ другихъ частей дивизіи и, ежедневно, уже съ утра, всѣ эти продукты питанья доставлялись въ батарею на машинѣ быстро и безъ хлопотъ, сопряженныхъ съ перевозкой ихъ на лошадяхъ.

* * *

Мы вернулись на старыя позиціи. Мы опять въ своей милой землянкѣ. Жизнь пошла такъ будто мы и не уходили отсюда и, только ночью, всѣ звуки ружейныхъ выстрѣловъ и разрывовъ, летящихъ въ наши окопы, минъ непріятеля, казались намъ глуше и нѣсколько дальше.

Въ новой линіи пѣхотныхъ окоповъ все время идетъ работа. Трупы, оставаясь на мѣстахъ, уже основательно засыпаны землей и, хотя еще въ окопахъ стоитъ трупный запахъ, но онъ настолько уже мало чувствуется, что никто не обращаетъ на него никакого вниманія. Окопы укрѣпляются, расширяются, роятся ходы сообщенія, землянки, и только одинъ правый окопъ подъ горкой, занятой непріятелемъ, хотя и передѣланный насколько возможно, остается все въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ, подъ постояннымъ обстрѣломъ, сидящихъ на горкѣ, нѣмцевъ.

Нашу дивизію присоединили къ корпусу, стоящему вправо отъ насъ и новый командиръ корпуса

пожелалъ лично познакомиться съ расположеніемъ дивизіи на позиціяхъ. Командиръ корпуса произвелъ обходъ окоповъ второй линіи, а о первой выслушалъ докладъ начальника дивизіи генерала Саввича. Видъ у командира корпуса грозный, говоритъ отрывисто и авторитетно, возраженій или указаній не любитъ. Командиръ 2-го полка хотѣлъ обратить его вниманіе на тяжелое положеніе батальона, находящагося въ этомъ правомъ, совершенно непригодномъ ни для какой цѣли, окопѣ и, приложивъ руку къ козырьку фуражки, обратился къ командиру корпуса со слѣдующими словами:

— В. П., разрѣшите доложить, что сидящій въ окопѣ батальонъ моего полка рискуетъ каждую минуту погибнуть безъ выстрѣла, если германцамъ вздумается насъ атаковать: они прямо соскочатъ сверху внизъ. Ввиду же нѣкоторыхъ особенностей въ расположеніи этаго окна, батальонъ ежедневно терпитъ убыль въ людяхъ убитыми и ранеными и прошу вашего разрѣшенія перевести батальонъ назадъ, во вторую линію, отстоящую отъ первой всего лишь саженей на 40—45.

Командиръ корпуса очень внимательно выслушалъ этотъ горячій докладъ командира 2-го полка, а затѣмъ совершенно неожиданно для всѣхъ насъ произнесъ:

— Полковникъ, назадъ ни шагу.

Такъ и остался батальонъ нести свой тяжелый крестъ на своемъ бесполезномъ посту, только изъ за того что генералу угодно было сказать, какъ онъ вѣроятно думалъ, красивое слово.

Далеко въ тылу у непріятеля, на пригоркѣ, раскинулось небольшое мѣстечко Городище.

Далеко оно, такъ далеко, что нѣмцы считали себя въ полной безопасности отъ огня нашихъ ору-

дій. снаряды которыхъ туда не долетаютъ. Пробовали уже нѣсколько разъ разныя батареи обстрѣливать Городище, но неудачно. А между тѣмъ это мѣстечко превратилось у нѣмцевъ въ увеселительное мѣсто для, отдыхающихъ отъ трудовъ военнаго времени, офицеровъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя до насъ доходили, въ этомъ мѣстечкѣ у нихъ открылся цѣлый рядъ разныхъ увеселительныхъ мѣстъ, — кафэ, всевозможныхъ кабарэ, рестораноу. Мнѣ лично долгое время не давала покоя мысль, какъ бы нарушить ихъ слишкомъ безпечную жизнь въ Городищѣ и, наконецъ, не вытерпѣвъ, я приволокъ одно изъ орудій 6-й батареи къ самымъ нашимъ пѣхотнымъ окопамъ.

Подрывъ возможно больше хоботъ орудія, я выпустилъ по Городищу первую гранату и, къ радости своей, увидѣлъ по серединѣ главной улицы мѣстечка, столбъ, взлетѣвшей вверхъ пыли. Черезъ двѣ-три минуты тамъ начался пожаръ отъ зажигательныхъ снарядовъ и мнѣ въ бинокль, было видно, какую панику выстрѣлы моего орудія произвели среди, въ покоѣ отдыхающихъ, обитателей мѣстечка. Перепуганные люди выскакивали изъ домовъ и, въ страхѣ, устремлялись въ открытое поле.

Едва я успѣлъ выпустить по Городищу шесть, семь снарядовъ, какъ мое, стоящее у окоповъ, орудіе подверглось жестокой бомбардировкѣ сразу съ двухъ сторонъ и моя, оставленная отошедшими въ сторону людьми, легкомысленная пушка, одна, сиротливо, стояла въ дыму разрывовъ германскихъ снарядовъ.

Въ этотъ же день, къ вечеру, нашъ штабъ дивизіи въ деревнѣ Вольна подвергся отвѣтному обстрѣлу со стороны непріятели и я получилъ приказаніе отъ командира бригады «прекратить эту авантюру». Милѣйшій же нашъ ветеринарный врачъ Н. И. Неволинъ впослѣдствіи водилъ каждаго, кто попадалъ къ нему въ руки, къ порогу своей избы и, показывая на небольшую воронку германскаго снаряда, говорилъ :

— Вотъ посмотрите. А мнѣ дають ордена безъ мечей.

Жизнь на позиціяхъ пошла почти мирнымъ порядкомъ. Съ нашей стороны наступлений больше не предвидѣлось. Противникъ тоже какъ будто утомленный предыдущимъ боевымъ періодомъ, инициатива котораго все время исходила отъ насъ, радъ былъ наступившему тихому времени и даже, по ночамъ, почти прекратилъ выпускъ своихъ минъ по нашимъ окопамъ.

Зато часовые его зорько слѣдили и случай гибели, неосторожно подвернувшихся подъ германскія пули у амбразуръ, нашихъ солдатъ, стали повторяться все чаще и чаще.

Только одно обстоятельство нарушало всеобщій покой: это постоянная горячая стрѣльба въ тылу германскихъ окоповъ, маневры германцевъ. какъ у насъ говорили, но мы уже къ ней привыкли и не обращали на нее никакого вниманья.

Газовыя атаки тоже совершенно прекратились и на позиціяхъ потянулась однообразная, скучная жизнь, вплоть до 25 го октября, когда уже легкіе заморозки, по утрамъ, начали сковывать землю и лужи подергиваться слоемъ блестящаго льда. Въ этотъ день, къ вечеру, изъ штаба дивизіи меня потребовали къ телефону:

— Пришелъ перебѣщикъ, пруссакъ, писарь изъ штаба и принесъ съ собой копію диспозіціи для боя, назначеннаго ровно съ 4-хъ часовъ утра, завтра, 26-го октября. По этому документу слѣдуетъ, что позиціи нашей дивизіи и лѣвый флангъ 69-й дивизіи будутъ атакованы германцами, специально для этой цѣли назначенными войсками, долгое время практиковавшимися въ тылу на, построенныхъ ими, копіяхъ нашихъ позицій. Къ этому дню прибыло много артиллеріи и

всѣ наши легкія батареи будутъ держаться, во время боя, подѣ артиллерійскимъ обстрѣломъ химическими снарядами. Въ атакѣ будутъ участвовать германскіе огнеметы. Примите необходимыя мѣры.

Вѣсть о предстоящей на утро германской атакѣ, встряхнула дивизію. Всѣ подтянулись и начались спѣшныя приготовленія къ встрѣчѣ непріятеля.

Наши батареи, главнымъ образомъ, обратили свое вниманье на прочность и исправность противогазовыхъ масокъ и на скопленіе на позиціяхъ достаточнаго запаса снарядовъ, такъ какъ, во время газового обстрѣла, подвозъ снарядовъ на лошадяхъ надо считать почти невозможнымъ.

Мы сидимъ въ своей землянкѣ уже одѣтые въ шинели, съ биноклями и револьверами черезъ плечи. Время, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, тянется безконечно и, какъ всегда, самоваръ смѣняетъ самоваръ.

Насъ нѣсколько волнуетъ газовый обстрѣлъ. Это вѣдь не кратковременная газовая атака, когда облако только проходитъ черезъ батарею. Выдержатъ ли люди такъ долго работу въ маскахъ и работу усиленную, быструю?

Всѣ лишнія вещи, на всякій случай, уложены и отправлены въ обозъ батареи, гдѣ уже тоже идетъ спѣшная укладка. Лошади обьямунничены и запряжены.

Медленно ползеть часовая стрѣлка, скорѣе бы уже началось. Мы не ужинали, почему то никто не хочетъ ѣсть. Да и лучше: а вдругъ рана въ животъ. Только одинъ чай пьется безъ конца, стаканъ за стаканомъ. До четырехъ часовъ далеко и мы по очереди, ложимся, чтобы нѣсколько отдохнуть передъ боемъ, но сонъ не приходитъ, нервы слишкомъ натянуты и чтобы сократить время, мы играемъ въ скачки — переставляемъ оловянныхъ лошадокъ по, разграфленному на картонѣ, кругу.

* * *

Я на наблюдательномъ пунктѣ. Маленькая землянка съ дымящей свѣтящейся печкой. Вставленный въ горлышко пустой бутылки, огарокъ свѣчки тускло освѣщаетъ небольшое пятно на низко висящемъ, потолкѣ. Въ углахъ полумракъ, въ которомъ примостились телефонисты и наблюдатель. На маленькомъ столикѣ передо мною лежатъ, вынутые изъ кармана, часы. Я слѣжу за движеніемъ часовой стрѣлки и, въ этомъ дѣлѣ, мнѣ помогаетъ, находящійся тутъ же со мною, юный прапорщикъ Воронинъ.

Часовая стрѣлка подходитъ къ цифрѣ 4. Мы выходимъ изъ землянки наружу. Еще совершенно темно. У трубы Цейса, рядомъ съ наблюдателемъ, становится Воронинъ. Вправо зѣнеть, чернымъ пятномъ, входъ въ сильный блиндажъ одной изъ тяжелыхъ батарей. Готовая могила мелькаетъ у меня въ мозгу.

Четыре часа. Свистъ перваго, летящаго въ темнотѣ куда-то въ тылъ, германскаго снаряда, выводитъ насъ всѣхъ изъ состоянія, навѣяннаго намъ передъ боемъ какой-то анатіи. Стало сразу легче.

— 6-я батарея, къ бою!

Какъ будто прорвало плотину: загремѣли германскія пушки, озаряя вспышками выстрѣловъ, какъ далекими молніями, темную даль.

На 6-ю батарею упало сразу нѣсколько химическихъ снарядовъ. Оболочка ихъ лопнула. Какъ простые глинянные горшки развалились они и, въ свѣтѣ зарождающагося утра, голубоватая дымка газа медленно поползла между пушками. Сильный запахъ хлора.

— Надѣть маски!

* * *

Пѣхотные окопы въ огнѣ. Они скрылись отъ

взоровъ въ облакъ разноцвѣтнаго дыма, въ которомъ, по всеѣмъ направленіямъ бѣгають огни разрывовъ снарядовъ, окрашивая густой, клубящейся дымъ въ причудливые цвѣта разныхъ оттѣнковъ.

Германскіе окопы слишкомъ близко отъ нашихъ. Мы бьемъ своею шрапнелью по ихъ брустверу, стараясь создать огневую завѣсу.

Трескъ нашихъ винтовочныхъ выстрѣловъ справа даетъ намъ знать, что атака уже началась. Трескъ выстрѣловъ сразу замолкъ: 1-й батальонъ 2-го полка, въ правомъ окопѣ, погибъ подъ ударами, спрыгнувшихъ сверху внизъ, нѣмцевъ. Командиръ батальона беззавѣтно храбрый и доблестный подполковникъ А. М. Купрюхинъ, погибъ. Образовался прорывъ и 69-я дивизія, обнаженная съ лѣваго фланга, въ беспорядкѣ, поспѣшно стала отходить назадъ.

Изъ окоповъ противника въ наши окопы, занятые 1-мъ полкомъ, полились струи яркаго огня и черные клубы густого дыма, сплошной тучей, взвиваясь высоко на воздухъ, повалили изъ нашихъ окоповъ. Полкъ, въ паникѣ, бросилъ окопы, въ которыхъ, въ жестокихъ мученіяхъ, сгорали въ огнѣ германскихъ огнеметовъ наше раненые. Черная туча рѣдѣетъ и въ ней уже видны фигуры людей германской огнеметной команды, тяжело поднимающіеся изъ окоповъ наверхъ, для дальнѣйшей атаки. Звено въ два человекъ. — передній, съ кншкой въ рукахъ, направляетъ впередъ въ нашу сторону, ярко блестящую огневую струю, при паденіи на землю дающую облако чернаго дыма. Задній, согнувшись, несетъ на спинѣ большой резервуаръ.

— 6-я батарея, по огнеметамъ! . . Живо! . .

* * *

6-я батарея вся въ глубокомъ газѣ, клубами поднимающемся изъ снарядовъ-горшковъ цѣлыми группами, какъ будто бы съ неба падающихъ на батарею.

Люди въ маскахъ, какъ призраки, работаютъ у орудій, извергающихъ пламя изъ своихъ гудящихъ жерлъ, всыхивающее блѣднымъ огнемъ въ густомъ облакѣ газа. Людямъ трудно дышать.

Падаетъ усатый телефонистъ фейерверкеръ Мишенскій, смертельно раненый осколками снаряда-горшка.

Старшій офицеръ штабсъ-капитанъ Н. Н. Кувалдинъ надрывается въ маскѣ. Заглушеннаго ею, его голоса батарея не слышитъ въ общемъ хаосѣ. Онъ срываетъ маску съ лица, его звонкій, свободный голосъ несется по батарее:

— По огнеметамъ! . . . Бѣглый огонь! . . . — и, задохнувшись безъ маски въ газѣ, онъ замертво падаетъ на землю. Люди относятъ его въ сторону отъ батареи. На его мѣсто становится штабсъ-капитанъ Галушукъ.

— Штабсъ-капитанъ Кувалдинъ готовъ, — зловѣще гудитъ телефонъ.

Вихрь огня изъ орудій 6-й батареи сметаетъ германскую огнеметную команду, уничтоживъ, вмѣстѣ съ людьми, и адекватное изобрѣтеніе жестокихъ умовъ.

Окопы 1-го полка заняты нѣмцами. Быстро работаютъ нѣмцы, персбрасывая мѣшки съ землей въ нашу сторону, — перестраиваютъ брустверъ. Хлещетъ дождемъ по ихъ головамъ, прикрытымъ стальными касками, наша шрапнель.

1-й полкъ идетъ въ контръ атаку на свои же окопы. Контръ атака отбита бурей снарядовъ. Сильно порѣдѣвшій полкъ залегъ у второй линіи нашихъ окоповъ.

*
*
*

Состояніе, близкое къ отчаянію, завладѣло всѣмъ моимъ существомъ. Мнѣ уже все равно убьютъ меня или нѣтъ и я, плохо соображая что дѣлаю, вылѣзъ на брустверъ почти въ открытую и чувствую у своего тѣла близость свистящихъ ружейныхъ пуль, рѣжущихъ сзади меня хвою деревьевъ. Я какъ бы ощу-

щаю уже смерть и мнѣ не страшно нисколько, — мнѣ уже все, все равно.

— Командиру 6-й батареи принять подъ свою команду всю, находящуюся въ бою, артиллерію и выбить германцевъ изъ нашихъ окоповъ.

Я очнулся. Это приказаніе, какъ ведро холодной воды, вылитое на разгоряченную голову, сразу отрезвило меня.

Я сосредотачиваю огонь всей нашей тяжелой артиллеріи на окопахъ нашего 1-го полка.

Тяжелыя гаубичныя бомбы полевыхъ гаубицъ высоко вверхъ взмечаютъ мѣшки съ землей, грохочуть глухимъ, далекимъ громомъ въ окнахъ полка, занятыхъ нѣмцами. Чудовищныя, по силѣ своей, снаряды дальнобойныхъ пушекъ, стоящаго сзади нашей землянки, тяжелаго дивизиона, срѣзываютъ окопы до основанія, перемѣшиваютъ землю съ человѣческой кровью и уносятъ ее далеко отъ мѣста боя, разбрасывая поющіе и стонущіе осколки свои по всему германскому тылу. Я самъ направляю почти каждый выстрѣлъ этихъ орудій и, съ особымъ, злобнымъ наслажденіемъ, слѣжу за результатами взрывовъ этихъ бомбъ. Полевыя пушки трехъ дивизионовъ, сплошной завѣсой шрапнели, уничтожаютъ, бѣгущую изъ окоповъ, пѣхоту германцевъ.

1-й полкъ снова идетъ въ контръ-атаку на свои окопы, занимаетъ ихъ, но выбитый изъ нихъ бѣшеннымъ огнемъ германской артиллеріи, еще порѣдѣвшій, отходитъ назадъ и опять залегаетъ.

Черезъ вторую линію, на носилкахъ, проносятъ тяжело раненнаго командира 1-го полка Рыцаря долга полковника Кусковскаго.

Сзади меня въ окопы второй линіи, вливается резервный 3-й полкъ, со своимъ Героемъ-командиромъ полковникомъ Е. Г. Ерченко.

— Ну что, господинъ начальникъ артиллеріи? — спокойно и ласково спрашиваетъ онъ меня.

— Плохо.

На легких батареях не хватает снарядов. Я прошу начальника дивизии разрешения взять все имеющиеся в дивизии автомобили, которые быстро являются. Я распределяю их по батареям. Подвоз снарядов обеспечен.

6-я батарея уже несколько часов работает в масках, находясь все время под действием химических снарядов противника. Людям душно, трудно дышать, тяжело. Жарь от нагретых орудий еще больше осложняет их положение. Шинели скинуты и грудями валяются на позиции. Стонут орудия, извергая из себя снаряд за снарядом. Бдкий, удушливый газ затянул весь горизонт.

*
* *

Окопы нейтральны. Бой затихает. В сумрак ночи, без боя, 3-й полк занимает груды разбитой земли, называемой раньше окопами. Германцы отошли на свои старые позиции. Наступившая рзкая тишина прерывается только стоном раненых, которых санитары переносят в тыл на носилках.

10 часов проработала 6-я батарея в бою, не снимая масок. Люди измучены, не дышат, а глотают очистившийся влажный ночной воздух.

Н. Н. Кувалдин оправился. Через несколько дней он вернулся на батарею, блдный, осунувшийся, с ввалившимися далеко в глазные орбиты, глазами. Его долго мучила рвота и теперь еще немного тошнить.

Я лежу у себя на походной кровати и отдыхаю. Я очень устал и замчаю, что у меня началось произвольное подергивание губь.

*
* *

Наша дивизия отошла в резерв. Вместо нея

на участокъ прибыла вновь сформированная дивизія, ставшая во вторую линію окоповъ.

Люди плохо обучены. Большинство изъ нихъ въ первый разъ видить боевыя позиціи. Представленіе о германцахъ у нихъ сильно преувеличенное.

— Повѣрите-ли, — говоритъ мнѣ одинъ изъ ротныхъ командировъ, — обхожу однажды окопы своей роты и вижу, что одинъ изъ этихъ молодцовъ стоитъ безъ сапогъ. Замерзнешь, говорю ему. Гдѣ твои сапоги? А онъ знаетъ что мнѣ отвѣтилъ? — Такъ что они новые, несподручно ежели бѣгать придется. Вотъ съ такими и иди въ бой.

Настала ночь. Развѣдчики одного изъ полковъ отправляются въ развѣдку. Я смотрю, какъ ихъ фигуры постепенно исчезаютъ въ сумракѣ. Наступила тишина, которая, минутъ черезъ десять, сразу нарушилась топотомъ бѣгущихъ ногъ и, вскорѣ, вся команда развѣдчиковъ, запыхавшись, появилась обратно въ окопахъ. Въ чемъ дѣло?

— Да развѣ съ ними, съ чертями, что сдѣлаешь? — докладываетъ сконфуженный унтеръ-офицеръ. — Перепугались: почудились нѣмцы, они и удрали.

На слѣдующую ночь произошло событіе болѣе грустное: развѣдка, дѣйствительно, была замѣчена изъ германскихъ окоповъ. Нѣмцы открыли изъ винтовокъ огонь и начальникъ развѣдки — былъ раненъ и упалъ. Люди убѣжали, а офицера подобрал нѣмецъ.

Намъ, артиллеристамъ, ладить съ ними было очень трудно: ночью они не давали покоя, требуя все время открытія огня и на этой почвѣ у насъ происходили постоянныя недоразумѣнія.

Наконецъ насталь день, когда эту дивизію смѣнила, тоже недавно сформированная, Сибирская стрѣльцовая дивизія, начальникомъ которой былъ назначенъ генераль Джунковскій. Мы, сразу, почувствовали разницу, какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ и въ отношеніи къ непріятелю. Теперь мы могли опять

спокойно стоять на своихъ позиціяхъ, не опасаясь за участь своихъ орудій.

Свѣтлыя воспоминанія о личности генерала Джуиковскаго навсегда останутся въ нашей памяти. Онъ былъ всегда съ нами необыкновенно вѣжливъ и внимателенъ, какъ къ намъ самимъ, такъ и ко всѣмъ нашимъ нуждамъ. О генералѣ Джуиковскомъ мы никогда не слыхали отъ его подчиненныхъ ни одного плохого слова: всѣ всегда его только хвалили, любили и вѣрили ему.

10. ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА начала 1917 года.

Мы готовимся къ встрѣчѣ Новаго Года. Въ столовой нашей землянки, украшенной хвоей елей, вновь кружатся пары. Въ двухъ большихъ офицерскихъ комнатахъ, за столами, уставленными всевозможными издѣліями Минскихъ кондитерскихъ, болѣе пожилые гости пьютъ чай и ведутъ разговоры, связанные, главнымъ образомъ, съ надеждами на наше близкое будущее, конечно свѣтлыми, радостными надеждами, безъ тѣни грядущихъ бурь и несчастій.

Сегодня насъ въ землянкѣ собралось довольно большое общество: офицеры четырехъ батарей и весь персоналъ двухъ нашихъ отрядовъ Краснаго Креста. За ужиномъ, должно быть, всѣ не помѣстятся въ одной столовой, придется молодежь разсадить и въ другихъ комнатахъ.

Длиныя скамейки скрипятъ по полу: гости разсаживаются за столы, покрытые бѣлыми скатертями. Звенитъ посуда, шумъ веселой, живой человеческой рѣчи, веселыя, смѣющіяся лица сестеръ милосердія и молодыхъ офицеровъ. Часовая стрѣлка подходитъ къ 12-ти.

— Милые гости, въ каждомъ, наступающемъ Новомъ Году мы всегда ждали счастья. Всегда вѣрили

въ то, что оно, это счастье, будетъ у насъ обязательно и эта Вѣра и родная сестра ее Надежда на счастье, удачу и радость, несмотря на всё прошедшія испытанія и тяжести, неизмѣнно вновь появлялись у насъ, какъ только часовая стрѣлка, къ Новому Году, близко подходила къ цифрѣ 12.

На этотъ разъ основаній вѣрить и надѣяться у насъ больше, чѣмъ въ прошедшихъ бранныхъ годахъ. Счастье и радость для нашей Великой Родины мы, въ Новомъ Году, добудемъ сами своими трудами, волей и кровью. Въ это мы всё твердо вѣримъ, въ это вѣрить вся Русская Армія.

Поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ. За наше грядущее счастье, за Русскую Армію, за нашу Великую Родину, ура! . .

Только къ утру опустѣла землянка. Только къ утру замолкла она, притихла. погрузилась въ новогодній праздничный сонъ.

— Что вамъ снилось въ Новогоднюю ночь, милыя сестры?

Громъ ли духового оркестра въ разукрашенныхъ, громадныхъ залахъ вашихъ родныхъ городовъ? Блескъ мундировъ, волны ли шелка и кружевъ или тихая улыбка и шепотъ, склоняющагося къ вамъ, милаго, дорогого лица?

Мнѣ же снилась моя батарея, долгій и трудный походъ, вой и шипѣніе осколковъ германскихъ снарядовъ, блескъ штыковъ и мои маленькія, приземистыя пушки, выкидывающія изъ своихъ стальныхъ жерлъ, вмѣстѣ съ снопами огня, гибель жестокому врагу и добывающія побѣду нашей Великой, безконечно любимой Родинѣ.

*
*
*

Мы уходимъ съ участка. Насъ замѣнили, пришедшія къ дивизіи, Сибирскія батареи. Насъ временно поставили въ резервъ, по готовымъ землянкамъ гдѣ, въ резервѣ, раньше стояли наши полки.

Мы простились со своей землянкой уже навсегда, съ жизнью, прошедшей подъ ея кровомъ.

Генераль Джунковскій, разставаясь съ нами, пригласилъ насъ всёхъ — командировъ батарей, къ себѣ въ штабъ дивизіи, напослѣдокъ отвѣдать его «хлѣба-соли». Выражая намъ свою благодарность за, совмѣстную съ его дивизіей, боевую работу, онъ благословилъ уходящую бригаду иконой.

* * *

6-я батарея сворачиваетъ съ большой дороги на проселокъ. Ширина ходовъ орудій и зарядныхъ ящиковъ больше ширины зимней проселочной дороги, приноровленной только для легкихъ саней. Одно колесо орудія на дорогѣ, другое идетъ уже по цѣлинѣ. Одна лошадь уноса идетъ по дорогѣ, другая все время соскакиваетъ въ рыхлый снѣгъ. Такъ двигаться невозможно: орудія и ящики могутъ перевернуться, лошади совершенно не могутъ везти.

Батарея сворачиваетъ съ дороги прямо на цѣлину. Лошади и люди выбиваются изъ силъ, орудія утопаютъ въ снѣжныхъ сугробахъ. Колеса, вращаясь, выворачиваютъ цѣлыя глыбы снѣга, налипшаго между спицами и, черезъ нѣсколько сажень, колеса превращаются въ громадные снѣжные комья. Приходится останавливаться и сбивать съ колесъ налипшій снѣгъ.

А пронизывающей, леденящей вѣтеръ продолжаетъ все время жечь лица и руки, завываетъ въ верхушкахъ деревьевъ, мететъ, поднимая цѣлыя тучи снѣга.

Помогая несчастнымъ, въ конецъ измученнымъ животнымъ, люди падаютъ въ рыхломъ снѣгу. Мы уже бросили думать о ночлегѣ; назначенномъ намъ въ расписаніи похода, лишь бы до первой деревни добраться и отдохнуть. Только къ вечеру показалась деревня, къ которой устремились всё взоры.

За цѣлый день похода, батарея прошла только около пяти верстъ.

•
•

Уже четвертый день 6-я батарея борется съ морозомъ, вѣтромъ и снѣгомъ. Четвертый день жестокаго похода въ концѣ января. Послѣдній переходъ по проселку, дальше уже большая дорога. — будетъ легче.

Въ верстѣ, на пригоркѣ, передъ нами уже ясно рисуется наша деревня, къ которой стремятся всѣ наши мысли. Дойдемъ-ли?

Верховыя лошади отправлены уже впередъ: жаль замученныхъ терпѣливыхъ животныхъ. Съ ними же отправлены и люди, совсѣмъ обезсилѣвшіе, отморожившіе руки и лица.

Послѣднія силы напрягаетъ батарея, вылѣзая изъ снѣжныхъ сугробовъ. Близость ночлега, а можетъ быть и дневки, придаетъ бодрость, и орудія и ящики, медленно, шагъ за шагомъ, продвигаются впередъ. Мой «Нарядный», съ трубачемъ, тоже уже въ деревнѣ: я пѣшкомъ продолжаю путь вмѣстѣ со всей батареей. Ноги мои заплетаются, мнѣ кажется, что я упаду. Т. М. Галушукъ, видя мое состояніе, беретъ меня подъ руку и мы вмѣстѣ бредемъ впередъ.

Радость вдругъ охватываетъ меня: мой трубачъ Калинъ вернулся съ «Наряднымъ».

— Вы такъ не дойдете. В. В., я вернулся за вами.

6-я батарея уже въ деревнѣ: дотянула. Шатаются лошади, и люди валятся съ ногъ.

Слава Тебѣ, Господи: дневка.

*
* * *

Только сутки полного отдыха и батарея опять уже готова двигаться дальше. Теперь мы уже пойдемъ по широкой дорогѣ. Итти будетъ легко.

Мы вступаемъ въ полосу безконечнаго лѣса.

покрывающаго громадныя, гнилыя болотистыя площади. Но теперь зима, болота замерзли и покрыты толстой, пухлой пеленой снѣга.

Широкія гати идутъ черезъ лѣсъ по всѣмъ направлениямъ. По гатямъ и двигается 6-я батарея въ глубь глухихъ лѣсовъ, прорѣзанныхъ большою, открытой долиной рѣки Березины.

Черезъ нѣсколько сутокъ похода, батарея прибыла на мѣсто. Темныя, тѣсныя землянки, стоявшей тутъ нѣкогда воинской части, приняли насъ подъ свой кровъ. Надъ нами шумятъ высокія, уходящія къ небу своими вершинами, старыя сосны.

Противникъ далеко: по ту сторону, блестящей какъ ртуть, широкой, въ топкихъ берегахъ лежащей, красавицы Березины.

Дивизія разбрасывается на громадное протяженіе лѣсного, болотистаго фронта и 6-я батарея, въ глухомъ одиночествѣ, прислушивается, по ночамъ, къ завываніямъ, гуляющаго по безконечнымъ лѣснымъ пространствамъ, зимняго вѣтра.

Пушки изъ чащи лѣсной, уныло глядятъ на широкое, открытое поле, гдѣ, среди бѣлой, искрящейся цвѣтными точками, пелены снѣга, льетъ свои воды широкая лента Старой Исторической Русской Рѣки.

Пушки молчатъ: имъ дѣлать здѣсь нечего. Онѣ отдыхаютъ отъ недавняго браннаго прошлаго.

* * *

За бой 26-го октября я произведенъ въ чинъ полковника.

Утромъ я просыпаюсь въ своей низкой, маленькой землянкѣ и слышу, что кругомъ ее, глухимъ шелестомъ, слышатся голоса людей, заглушенные стараньемъ говорить въ пользу голоса. Входитъ мой деньщикъ.

— Что тамъ такое у землянки?

— Батарея собралась. Люди боятся, что ты, В.В.,

теперь ихъ покинешь: дивизиономъ поѣдешь командовать.

Я одѣлся и вышелъ.

— Смирно! . .

— Здравствуйте, братцы. Въ чемъ дѣло?

Мнутя. Выходить фельдфебель:

— Теперь дивизиономъ уѣдете командовать, В.В., а какъ же 6-я батарея одна останется, безъ васъ?

Въ тотъ же день я подалъ по командѣ рапортъ, въ которомъ, указывая на состоявшееся производство меня въ чинъ полковника, я отказываюсь отъ всякихъ повышеній по службѣ до конца военныхъ дѣйствій и прошу оставить меня, на все время, въ занимаемой нынѣ моей должности командира 6-й батареи.

Вскорѣ я получилъ отвѣтъ: — принято къ свѣдѣнью.

Судьба ненадолго оставила меня въ батарее.

6-я батарея умерла.

6-я батарея 81-й Артиллерійской бригады умерла во время эпидеміи, называемой революціей. Я покинулъ ея мертвое, разлагающееся тѣло.

За время своей короткой, но бурной жизни, въ длинномъ ряду другихъ, болѣе крупныхъ памятниковъ, она все-же успѣла воздвигнуть и себѣ маленький Памятникъ Славы, и я, первый и единственный, ея командиръ, настоящей своей книжкой, хочу его сохранить и укрѣпить въ сознаніи и памяти грядущаго времени.

2-го апрѣля 1931 года.

Бельвю.

Полковникъ Б. ВЕВЕРНЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ч А С Т Ь 2-я

	стр.
6. Отступление по Галиции.	5
7. Отступление по русской территории.	71
8. Позиционная война 1915-го года.	117
9. Позиционная война 1916-го года.	131
10. Позиционная война начала 1917-го года.	178

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D550
.V45
t.2

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Librairie «LA RENAISSANCE»
73, Av. des Champs-Elysées — Paris 8^e